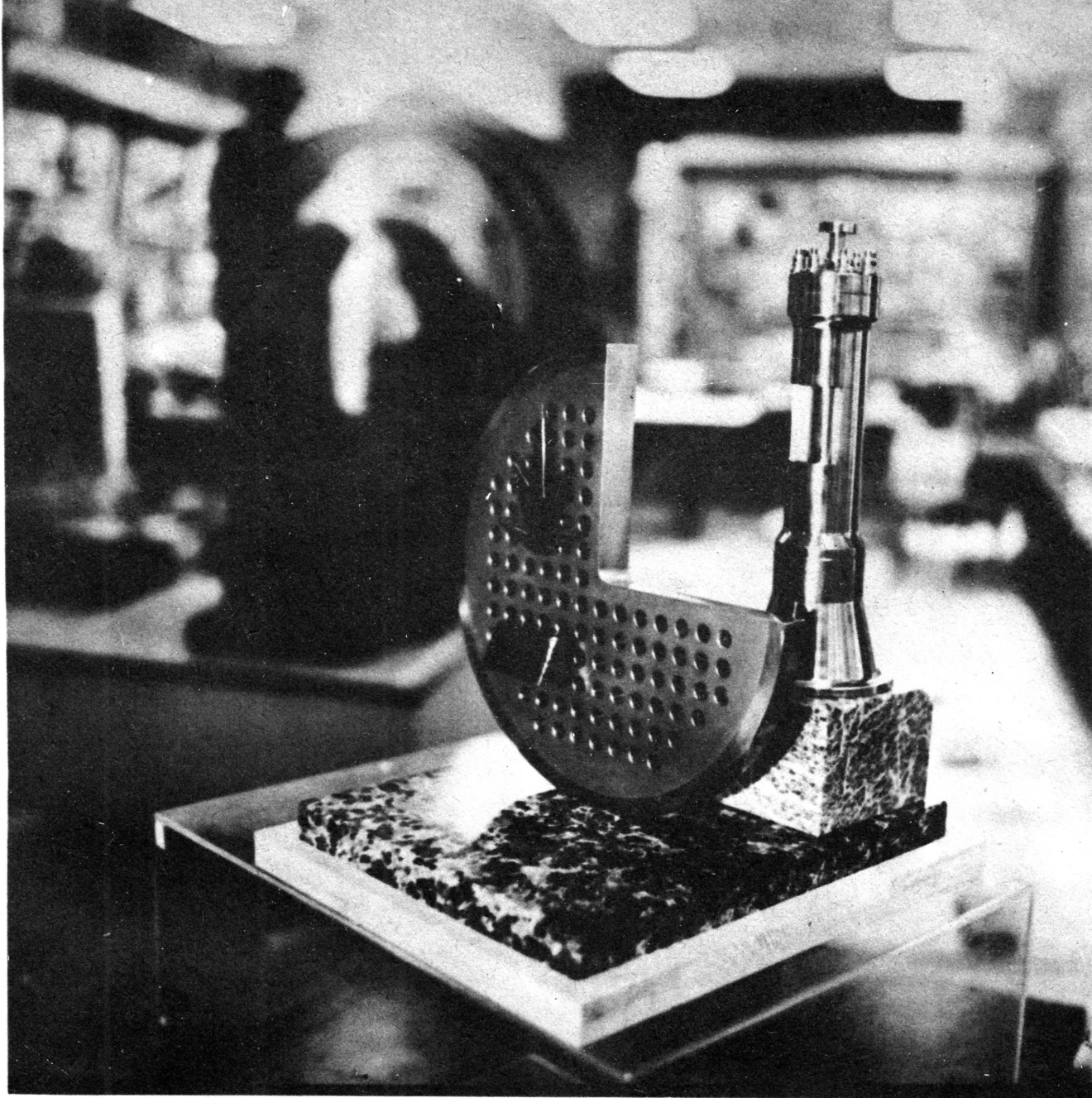

уральский

следопыт

№6**** 1981

Во все концы нашей страны, во многие страны мира идет продукция производственного объединения «Уралхиммаш». Этот коллектив, выстроивший первые корпуса своего предприятия в годы Великой Отечественной войны, стал одним из ведущих в отрасли.

Девять лет существует на заводе музей боевой и трудовой славы уралхиммашевцев. Среди тысяч экспонатов и этот, сделанный руками заводских умельцев, — символ Химмаша — колонна синтеза аммиака новой конструкции в многослойном рулонированном исполнении. А рядом макет трубной решетки контактного аппарата, полученной методом сварки взрывом.

А. НАГИБИН
Фото автора

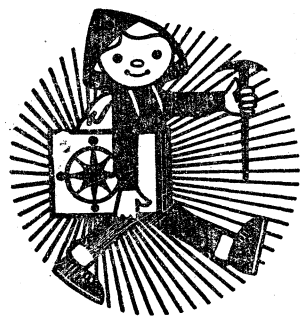
в номере:

ЛИТЕРАТУРНО-
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ
ДЛЯ ДЕТЕЙ
И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН
СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ
РСФСР
СВЕРДЛОВСКОЙ
ПИСАТЕЛЬСКОЙ
ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО
ОБКОМА ВЛКСМ

ИЗДАЕТСЯ
С АПРЕЛЯ 1958 ГОДА

СВЕРДЛОВСК
СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ
КНИЖНОЕ
ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. Лебедева РАЗРЕШИТЕ БЫТЬ ВЗРОСЛЫМИ	2
А. Чечулин И СЕРДЦЕ БЬЕТСЯ В ЛАД. Стихи	8
П. Коверда АРТЕМ СЫН АРТЕМА	10
Ф. Лагунов НЕ РОЖДАЮТСЯ СОЛДАТАМИ	12
СЛЕДОПЫТСКИЙ ТЕЛЕГРАФ	15
К. Костин 900 ДНЕЙ В ИНДИИ	16
Н. Мезенин ДЕМИДОВСКИЕ ПРЕМИИ	26
Д. Чеховской РОЛИ ЕВГЕНИЯ ЧЕРВЯКОВА	29
Р. Лынев ОСЕДЛАТЬ КОНЯ	30
А. Нагибин НАСЛЕДНИКИ ТАГИЛЬСКИХ МАСТЕРОВ	32
В. Печенкин КАЗАК ГОРЕВАНОВ. Начало	33
ПЛОДЫ ГЕНЕТИКИ	56
В. Рощаховский ДЕРЕВЬЯ-ГИГАНТЫ	58
Л. Сурич СМОЛЬНЫЙ И СМОЛЬНАЯ	59
Б. Аншаков НА РОДИНЕ ЧАЙКОВСКОГО	59
М. Найдич ТЯЖЕЛЫЕ ДЕНЬГИ	60
Б. Зеличенко ЭТО ГОРДОЕ СЛОВО ГРЕНАДА	61
А. Шарц КРАМОЛЬНЫЙ «РУБИН»	62
А. Омельчук ДРЕВНОСТИ АРКТИКИ	63
С. Славич ДЕЛЬФИНЬИ ИСТОРИИ. Рассказ	64
КАЛЕЙДОСКОП. МОЙ ДРУГ — ФАНТАСТИКА	74
В. Малюкович РИТУАЛЬНЫЕ МАСКИ	76
З. Афанасьева ЛЕВ В... ДОМЕ	77
Н. Красильников ПОСЛЕДНИЙ ПОЕДИНОК	78
МИР НА ЛАДОНИ	80

Редакционная коллегия:
Станислав МЕШАВКИН
(главный редактор)
Муса ГАЛИ,
Алексей ДОМНИН,
Спартак КИПРИН,
Владислав КРАПИВИН,
Юрий КУРОЧКИН,
Давид ЛИВШИЦ
(заместитель главного
редактора),
Геннадий МАШКИН,
Николай НИКОНОВ,
Анатолий ПОЛЯКОВ,
Лев РУМЯНЦЕВ,
Константин СКВОРЦОВ,

Художественный редактор
Маргарита ГОРШКОВА
Технический редактор
Людмила БУДРИНА
Корректор
Майя БУРАНГУЛОВА

Адрес редакции:
620219,
Свердловск, ГСП-353,
ул. 8 Марта, 8
Телефоны 51-09-71, 51-22-40

Рукописи не возвращаются
Сдано в набор 26.02.81.
НС 11079.
Подписано к печати 15.04.81.
Бумага 84×108^{1/16}.
Бумажных листов 2,62
Печатных листов 8,8
Учетно-издательских листов 10,3
Тираж 254000
Заказ 503.
Цена 35 коп.
Типография издательства
«Уральский рабочий»,
Свердловск, пр. Ленина, 49.

На 1 стр. обложки — рис.
Е. СТЕРЛИГОВОЙ.

© «Уральский следопыт», 1981

№6 * 1981

УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ

РАЗРЕШИТЕ

Откровенный разговор с ребятами, которые пока не достигли совершеннолетия, но активно на него претендуют.

— Нет! Вы скажите: почему родители, когда им надо заставить меня работать в саду или чистить палас, говорят, что я взрослый. Мне уже 16! Но едва речь заходит о том, чтобы прийти домой попозже или поехать куда-нибудь с ребятами, так сразу выясняется, что я — несмышленыш. Мне всего лишь еще 16!

— Попробуй в школе или дома сказать: «Я решил!» — сразу десять голосов: «Как это ты решил? Ты пока сам не зарабатываешь. Рано тебе самому решать!» А когда, наконец, мне позволят решать, я не смогу. Прежде не имел такой практики. Вот тогда как?

— А постоянные напоминания: в ваши годы мы — то, мы — это... Я однажды в шутку заявил родителям: «После 9-го класса иду в ПТУ!». Ну и шум поднялся! Дядю-полковника на семейный совет призвали, и в один голос: «Что ты придумал? У тебя идет неплохо математика, так ты способности — за борт? Не будь дурнем!». В общем, отговорили...

— Вот вы улыбаетесь, а это серьезная для нас проблема! Я прочитал в старом журнале про одного летчика. В 18 лет на Халхин-Голе он сбил два неприятельских самолета и был награжден орденом Ленина. Потом ему доверили испытывать истребители. В 18 лет! Значит, как минимум, в семнадцать он уже умел летать, так? А сейчас в Аэроклуб принимают с 18, не раньше.

БЫТЬ ВЗРОСЛЫМ!

Галина
ЛЕБЕДЕВА

Рисунки
В. Вельбой

— К нам вообще как-то несерьезно относятся. Наша соседка, например, утверждает, что вся молодежь нынче разложилась, сплошные тунеядцы. И когда хочешь что-то доказать, взрослые всегда так поворачивают разговор, что неправыми оказываемся именно мы...

— Мы понимаем, что большую роль играет обстановка, в которой взрослеет человек. В 20—30-е годы взрослые быстрее. Но ведь и сейчас стройки, экспедиции, космос, поиски, проблемы, походы к Северному полюсу. Мы хотим ко всему этому иметь отношение.

— В «Комсомольской правде» было опубликовано письмо выпускников одной украинской школы. Хотели ребята после десятилетки поехать на БАМ. Но в горьком им отказали. Мол, туда нужны зрелые люди, специалисты. Через год-другой, приобрета профессию,— милости просим, а раньше нельзя. А дорогу-то скоро построят!

— Пока мы учимся, нас будут считать маленькими. Возить в автобусах с надписью «ДЕТИ». К взрослости-то нас призывают, а проявить себя таковыми не разрешают. Знаете этот хрестоматийный пример с А. Гайдаром, ну, что он в 16 лет командовал полком. Удивительно, что вы его нам не привели! Но в чем дело — дайте полк, и тогда посмотрим!

— Ха-ха-ха! Полк! Стенгазету самостоятельно выпустить не доверяют... Эх, только бы десятилеточку окончить!..

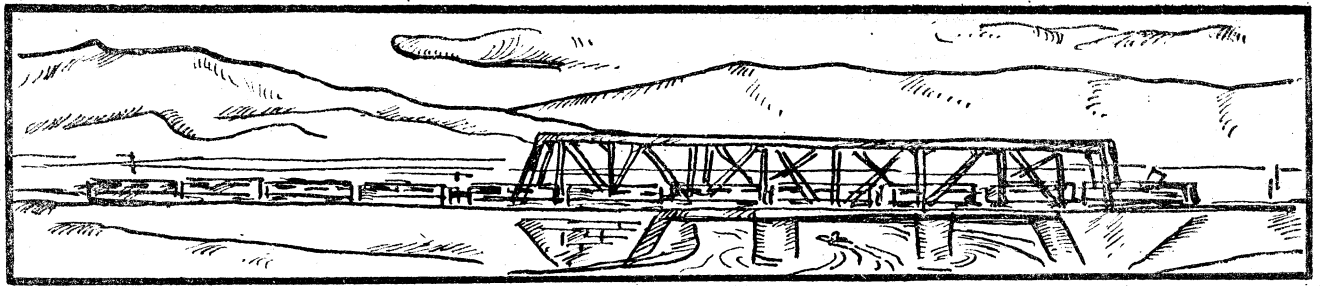
— А я предлагаю издать специальный указ, который бы удостоверял взрослость человека не с 18 лет, а раньше — с 14—15 например! Когда-то ведь должна же быть принята во внимание акселерация, о которой все говорят и пишут?!

При встречах со старшеклассниками подобный разговор у меня возникал не однажды. И всегда неизменно варьировалась одна и та же мысль: нынешних старшеклассников упорно числят детьми, ничего серьезного им не доверяют. В каждом из высказанных мнений звучали, казалось бы, неотразимые аргументы. В самом деле, разве некоторые родители, педагоги, комсомольские руководители не стремятся излишне опекать и подстраховывать дитятей одного с ними роста?

И все же в существовании этого полемического вопроса происходило явное смещение акцентов. Уже только поэтому стоило разобраться в нем и выяснить истину. И мне подумалось, что мы могли бы сделать это сообща с читателями...

В молодежную редакцию Пермского телевидения пришла группа десятиклассников.

— Помогите провести турнир эрудитов! Дайте разработку или сценарий.

Очень серьезные, на первый взгляд, вполне самостоятельные ребята: пришли, беспокоятся!

После обмена первыми фразами выяснилось, что, по мнению гостей, у нас в редакции хранится ларчик с планами и разработками всего, чего юная душа пожелает. Некое лицо, которому просто положено всем этим заниматься, уже как следует постаралось и написалось кучу сценариев на все случаи молодежной жизни.

Сообщение, что ничего подобного у нас в редакции нет, повергло молодых людей в крайнее изумление. Разъяснение, что каждый сценарий — дело чьих-то недельных, а то и месячных творческих мук, было выслушано с недоверчивыми улыбками. Ну а совет — попробовать придумать все самим, ибо только то и ценно, что создал сам, — поверг десятиклассников в настоящую панику:

— Что вы! У нас не получится! И времени очень мало. Мы не успеем! Значит, все у нас сорвется!!

Мы смотрели на парней, способных свободно достать с дерева воробышка, на девушек им под стать и ясно представляли, как и они тоже горячились бы на том диспуте. Ведь и у них, наверняка, тоже имелись свои обиды по поводу непризнания их взрослости. И вот жизнь задала ребятам одну из своих задачек, открыла возможность для проявления столь желанной самостоятельности. Однако они и не помышляли ею воспользоваться. Более того, их, кажется, возмущала необходимость самим «творить, выдумывать, пробовать!».

Вот несколько писем в редакцию, присланных школьниками.

«Уважаемая передача для старшеклассников! Вы спрашиваете, что мы считаем для себя главным в этом году, на этот вопрос мы как-то затрудняемся ответить. Что можно считать главным? Вы нас как-нибудь подтолкните к ответу...»

«Решил обратиться к вам с просьбой. Меня привлекает профессия геолога. Но я о ней ничего не знаю. Не смогли бы вы показать по телевидению художественный фильм про жизнь геологов, чтоб я мог решить, есть у меня призвание к геологии или нет. Посоветуйте, что прочитать. Лучше художественное произведение, а то специальные книги читать скучновато...»

«После школы собираюсь поступить в военное летное училище. Но не хотелось бы кончать десять классов. Подскажите адреса училищ, в которые принимают с восьмилеткой...»

Как видите, в письмах, число которых не убывает, отчетливо просматривается все то же нескрываемое стремление достичь желаемого без особых усилий и повседневного упорного труда. Как при содействии исключительно художественных фильмов и литературных произведений постичь суть геологии? Каким образом овладеть профессией военного летчика (это в наш-то век!), довольствуясь исключительно багажом восьмилетки?..

«Мне 16 лет. Детское, дворовое уже не увлекает. Ходим в парк на танцы от нечего делать. Но только танцы — тоже скучно... Спортом хотели заняться. Но поблизости нет ни одной спортивной площадки, на стадион же ездить нам далеко. Мой отец (отец!) дважды ходил в до-

моуправление, просил выделить рабочих (кому же, как не рабочим, строить спортивные комплексы для ребятшек под метр восемьдесят!), но ничего, не добился. Рабочих нет. Вот мы и прозябаем. Иной раз тайком бутылкой балуемся или сидим на пустыре — точим лясы, хотя очень надоело все это...»

«Сдачу норм ГТО мы решили провести в лесу. За организацию отвечал физрук Гена Рязанов, комсорг Вадик Соколов и преподаватель физкультуры Олег Николаевич. Но преподавателя вызвали в военкомат. И тут у ребят возникла идея пойти в лес одним и все провести самостоятельно. В походе не заметили, как отстала Светка Горелова. А погода, как назло, вдруг испортилась. Пошел мокрый снег, поднялся сильный ветер. Началась настоящая метель. Хотели разжечь костер, но, как оказалось, никто не взял спичек. Все понадеялись друг на друга. Топорика нарубить хворост тоже не нашлось. Кое-как поставили палатку. Сидели в ней и дрожали от холода, Гена и Вадик звали искать Светку, но все отводили глаза. Они ушли одни, но вскоре вернулись — дорогу замело. Мы не вспоминали про ГТО, мечтали только о доме и тепле. Утром нас буквально откопали Олег Николаевич с двумя родителями-отцами. Хорошо, что Светка вышла к деревне и ее там обогрели, а если бы она заблудилась? Хорошо же мы оказались!..»

Что же получается?

С одной стороны, настойчивое: не ущемляйте нашу взрослость! А с другой: избевайте, по возможности, нас от трудных исканий и забот! Сопоставление этих двух позиций убеждает нас в том, что существуют такие жизненные проблемы, которые лишь на первый взгляд кажутся легко разрешимыми. На деле же все гораздо сложнее.

В связи с этим мне припомнилась одна история.

...Жили-были ребята. Не какие-то там особенные, а самые обыкновенные. Днем они, естественно, находились в школе, а вечером — всяк по-своему: в спортивной секции, в библиотеке, на концерте... Но один раз в неделю — в четверг — комсомольцы Мотовилихинского района собирались вместе в клубе старшеклассников — в КЮКе, как они его называли, — клуб юных коммунаров. Основная работа клуба — шефство над младшими подростками.

Члены КЮКа вместе с подростками, взятыми на учет инспекцией по делам несовершеннолетних, готовятся к клубным вечерам поэзии, карнавалам, встречам с интересными людьми Прикамья, турнирам школьных эрудитов, лыжным агитпробегами по селам подшефного Ильинского района с концертами и лекциями, сборам комсомольского районного актива, трудовым десантам. Вместе сочиняют песни о своей жизни, репетируют выступления агитбригады, выпускают стенгазеты и альманахи своего творчества. Можно долго и много рассказывать о каждом из этих дел. Но подробнее хочется вспомнить об одной интересной традиции КЮКа.

Когда заканчивается учебный год, клуб непременно выезжает в летний лагерь труда и отдыха.

Так было и в то памятное лето.

Отряд кюковцев готовился к поездке в один из совхозов на Одессчине. Эта поездка была наградой наибо-

лее активным ребятам. Были уже заказаны билеты, назначен день отъезда. Счастливики предвкушали, как они прибудут на место, успешно организуют труд и досуг в лагерной жизни. Почти полтора месяца у моря — есть чему радоваться!

И вдруг командиров пригласили в Мотовилихинский райком ВЛКСМ и попросили открыть лагерь не у моря, а на реке Бабке в Кукуштанском районе Пермской области и принять в отряд 70 сорванцов. В райкоме не скрыли, что на большинство их будущих подопечных заведены «дела» в райотделах милиции, а это значит, что им грозит отправка в спецПТУ (проще сказать — в колонию). И от членов КЮКа теперь зависело — попадут подопечные в это исправительное учреждение или вернуться в школу после каникул.

Не все и не сразу поняли в клубе, что подобное предложение — признание их взрослости. Но чувство ответственности, привитое в клубе, заставило всех ребят из КЮКа в конечном итоге голосовать за семьдесят неприкаянных сорванцов, за трудовой лагерь на реке Бабке. И вместо поездки к морю взялись за устройство лагеря. Отремонтировали здание сельского интерната и, поскольку мест не хватало, поставили во дворе палатки.

Ребята проявили много изобретательности. Усадьбу старой бани на территории лагеря кто-то окрестил «Графскими развалинами», о чем извещала специальная табличка, — место для разговоров по душам и выяснения отношений. Кухня превратилась в корабельный камбуз. А повара (ими работали по очереди сами коммунары) решено было, помимо белой куртки, обрядить еще и в тельняшку.

Еще до приезда воспитанников кюковцы разработали «стратегические» планы будущих трудовых десантов на поля Платошинского совхоза и в цеха птицефабрики, сценарии русских игр и с массовыми состязаниями. Договорились с соседними лагерями о совместных спортивных матчах по футболу, наметили маршрут многодневного похода по таежным тропам Кукуштанского района. Никто не ждал доброго волшебника, который придет и все за них сделает. Сами искали, мучились и находили! И испытывали неповторимую радость от каждой удачной выдумки.

Подопечные прибыли через неделю. Состоялась общая линейка, обсудили и приняли расписание дня. Выбрали дежурных по лагерю. А потом... подопечные исчезли. В зарослях кустов и крапивы иногда мелькала чья-нибудь вихрастая голова, слышался ехидный смехок или веселое насмешливое. Кюковцы проворачивали всю лагерную работу в этот день в полном одиночестве. А подопечные отлынивали.

...Они явились только к обеду. Аппетит у пацанов был отменный. Многие настаивали на добавке, и им не отказали. Вообще не было никаких проработок, неприятностей, несмотря на то, что расписание дня они сорвали. Это их озадачило. Но они решили не сдаваться.

Ночью лагерь внезапно огласили громкие вопли. Мальчишки повскакали от треска зажженных кем-то спичек прямо на постелях спящих. Пострадавшие, натерпевшись страхов, естественно, не выспались и утром отказались идти на работу. Только сообщение о том, что сов-

хоз их просто откажется кормить, заставило ребят выйти в поле. Какую-то роль сыграл здесь все усиливающийся интерес к этим удивительным вожакам, живущим с ними под одной крышей и не устраивающим никаких разносов.

С работы подопечных встретили неожиданно торжественно. Лагерь прокричал в честь передовиков троекратное «ура», исполнил несколько хвалебных песен, туш на расческах и гребенках. Их даже качали как чемпионов.

Но и с этого дня трудности не окончились и жизнь в лагере не пошла гладко. На следующей неделе начались массовые побег. Правда, большинство беглецов не ушло дальше станции. А иные прятались в окрестностях села. Ребята из КЮКа находили пропавших, подолгу о чем-то с ними говорили на «Графских развалинах». А на линейках и общих сборах в конце дня не было ни одного упрека. И началось столь же массовое возвращение беглецов в лагерь. Их приход не вызывал особой реакции: бывает — отлучились люди.

Жизнь в лагере становилась все более интересной. Разворачивалась программа конкурсов и всевозможных соревнований, выявлявшая множество талантов. Огромный успех имели русские игры и коллективные чтения перед отбоем сочиненного кюковцами «озвученного детектива». Причем роль «кошачьего крика», «внезапного выстрела», «скрипа двери» охотно брали на себя слушатели.

А позже за коммунарами подопечные ходили по пятам. Помогали, когда требовалось, или просто пристраивались рядом у костра, на скамейке во время общего сбора.

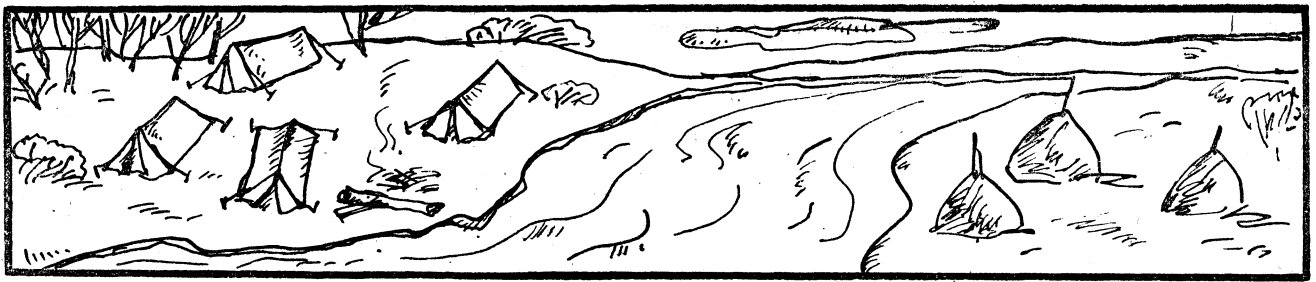
Незаметно лагерь стал одним дружным спящим коллективом. Кюковцы и их подшефные вместе дежурили на «камбузе», работали в совхозе, состязались в спорте, ходили в походы, пели и шутили.

Пришло время прощания.

Ребята из клуба должны были вновь побелить интернат к началу учебного года, привести всю территорию в порядок. Узнав об этом, многие мальчишки отказались уезжать и пожелали принять участие в ремонте здания. Несомненно, им не хотелось расставаться с новыми старшими друзьями. И это была самая дорогая награда!

Мне кажется, что эта история поможет ребятам правильно толковать понятие «взрослеть». Сопоставьте: выбор модного покроя брюк, приход домой после двенадцати и — работа с почти неуправляемой массой «трудных» подростков! Подлинная взрослость предполагает поступки, обнаруживающие умение самому принимать серьезные решения, действовать в соответствии с ними и отвечать за них. Отвечать!.. Чувство ответственности! Не оно ли и отличает истинно зрелого человека, гражданина от иждивенца? Не это ли чувство и есть наиглавнейший признак настоящей взрослости?

За последние годы в нашей стране увеличилось количество летних школьных трудовых отрядов. Заключается договор с хозяйством, стройкой, лесничеством или с другим предприятием; строго регламентированный рабочий день — не более 4—6 часов; зарплата по существующим расценкам. Узнать цену трудовому рублю, заработанному собственными руками, для ребят от 14 до 17 лет отнюдь не плохо. Ведь после школы юношам и девушкам почти сразу же придется столкнуться с понятиями зар-

плата, стипендия. А разве в школьную пору у старшеклассников мало законных нужд? Потом, почему бы ребятам самим не заработать летом деньги на книги, развлечения, одежду, спортивный инвентарь, экскурсии, не оказать материальную помощь своим семьям?

Областная комсомольская газета «Молодая гвардия» рассказала об одном из лучших отрядов — ЭДС (эстонская дружина старшеклассников). Эстонцы приглашали отряд добровольцев для знакомства с опытом ЭДС на месте: «Согласны принять на лето один отряд пермских школьников во главе с командиром и комиссаром. Подтвердить согласие не позднее апреля, ибо необходимо от вашего имени заключить договор с базовым хозяйством. Прибытие отряда ожидаем 13 июня. Командир ЭДС Томас Тромп, комиссар Вейко Раагметс».

Редакция газеты передала это приглашение Мотовилихинскому райкому ВЛКСМ — все тому же КЮКУ.

Перспектива отправиться в Прибалтику обрадовала ребят.

Но вот у райкома возникли сомнения: целесообразно ли уезжать так далеко, когда и в Пермской области достаточно работы для всех желающих помочь старшим. Специальная инструкция Министерства просвещения не рекомендовала поощрять поездки старшеклассников для работы в другие районы страны, если не обеспечено надежное руководство и не продуманы все вопросы организационного порядка. Приводились примеры, когда школьники, прибывшие в южные колхозы и совхозы из других областей, не справлялись с нормами выработки и становились обузой для хозяйства в горячую пору. Соответственно домой шли телеграммы — высылайте деньги. Пришлось ребятам, что называется, с цифрами и фактами в руках доказывать свое право на взрослость, убеждать конкретными примерами из жизни отряда. Подключили в свою поддержку «Комсомольскую правду».

Своего добились.

Прибыв в Таллин, пермские старшеклассники в тот же день приняли участие в торжественном марше ЭДС. А затем отправились к месту работы: в одно из самых передовых хозяйств республики — совхоз имени Юрия Гагарина, в центральную его усадьбу — большое село Вана-Выйду. Эстонские друзья проявили максимум гостеприимства. Отряду был предоставлен двухдневный отдых. Ребята купались в озере, катались на лодках, загорали, осматривали развалины старинной крепости. Вечером на великолепном совхозном стадионе играли в волейбол.

Но минули дни отдыха и благоустройства. И ранним утром, ровно в 7 утра, отряд, как и полагалось, явился для получения наряда на работу. Бригадир, довольно строгая на вид женщина, коротко назвавшаяся — Хелен, без лишних слов повела отряд к обширным капустным полям. Их предстояло выколоть. Каждому по два ряда длиной около 600 метров.

В работу кинулись с веселым азартом. Но уже через час темп резко упал. Многие то и дело отдыхали. Кое-кто продвигался по борозде на коленях. Сорняки высились едва ли не в рост человека. Росточки капусты терлились

в этих зарослях. Приходилось следить, чтобы нечаянно не выдрать их вместе с сорной травой. Солнце палило нещадно.

Время близилось к полудню, а до финиша было ой как далеко! К двум часам немногим удалось пройти до конца свои рядки. В целом же отряд норму не выполнил.

Растерянные, хмурые возвращались ребята с поля. Им казалось, что встречные смотрят на них с осуждением. О разговоре с Хелен страшно было и подумать. Некоторые предлагали после обеда дополоть оставшийся участок. Но отряд так вымотался, что ни у кого не нашлось сил отправиться на поле еще раз. После обеда отряд в полном составе рухнул на кровати.

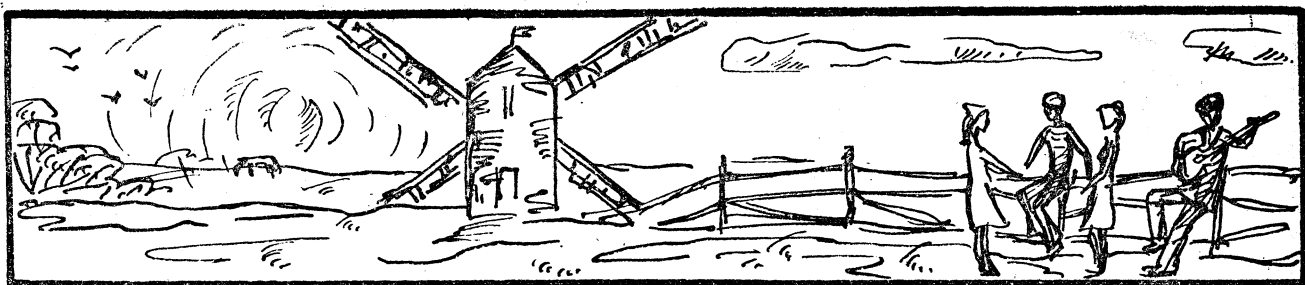
Вот когда по-настоящему они ощутили, какую непростую ношу взвалили себе на плечи! Вот когда поняли, что победить в споре — это не значит еще победить на деле. Засомневались: а не окажутся ли они попросту трепачами, подобными тем маменькиным сынкам, которые требовали, чтоб их брали на буксир, содержали и вызволяли из трудной ситуации!

По договору с совхозом отряд должен был жить на полной самокупаемости. Но уже в первый трудовой день он стал фактически должником хозяйства. Как ни крути — нахлебником! Эта перспектива ужасала ребят более всего. Поэтому в этот первый вечер никто не стремился на спортивную площадку, в парк, на реку. Отряд собрался обсудить сложившееся положение. Решили: в хорошую погоду с поля с невыполненной нормой не уходить. «Дожимать» план во что бы то ни стало! И начались новые трудные поля — по 700—800 метров в длину. Они поначалу казались непреодолимыми. Но в конце концов ребята побеждали. В течение двух месяцев в Эстонии они вели отрядный вахтенный журнал. «Это, пожалуй, один из самых трудных дней! С утра до вечера в поле. Перепахивали участок заново. Сами виноваты! Надо было с первого раза полоть чище. Зато так теперь старались, что поле буквально вылизали. В норму немного не уложились, зато Хелен сказала: «Ну вот! Теперь ряды красивые!» Тут уж даже самые хмурые заулыбались...»

«Последние дни — выработка вновь невысокая. Пройдя ряд, хочется свалиться в борозду и лежать не двигаясь! В такие минуты не верится, что найдутся силы еще идти по полю. И тогда рывком на ноги, и вперед: не отстать, быть рядом с товарищами. И вот уже кажется — ветерок стал прохладнее и конец поля не так уж далек. Ух, кажется, норму сегодня выжмем...»

«Вы бы видели, какие сияющие физиономии бывают у нас, когда отстающим удается перейти если не в передовые, то хотя бы в основные ряды. Мы уже писали, что местечко, где нас поселили, называется Вана-Выйду, что в переводе значит — Историческая (старая) победа. Рассказывают, что в далекие времена эстонские племена здесь одержали важную победу над своими врагами... Так мы и решили назвать наш отряд. Нам ведь здесь тоже предстоит победить. Об этом мы написали песню, и теперь она сопровождает нас повсюду:

Уж мчатся письма с новым штемпелем на марке,

А «Вана-Выйду» — это новый наш отряд. Пришло и наше время труд изведать жаркий, Лишь, победив, вернемся мы назад!..

«Сегодняшний день — черное пятно в нашей жизни. Черней быть не может! Солнце палило так, что всех разморило: совсем потеряли темп. Плелись по полю кое-как! В довершение наш бригадир Хелен нашла погубленную тыкву. Состоялся неприятный разговор. Выяснилось, что тыква — культура дорогая, каждый росток стоит 7 рублей. А погубленных ростков нашлось не меньше сотни. За качество мы схлопотали двойку. И поделом. Сразу прозрели. Хороший урок! Да, здесь не увильнешь, как в школе. Как выполнена работа — не спрячешь, все видно...»

«На калеге работать легче. Там если выдернешь росток — не беда. Посевы частые, необходимо даже немного прореживать. А тыкву полоть очень трудно. Многие из нас впервые держат тыпки в руках. Мозолей прибавилось втрое. Но работаем — не пищим. Победа легко не дается...»

«Интересно, когда не просто так работаешь — полешь механически, а соревнуешься друг с другом, с соседним отрядом ЭДС, с соседним округом. Соревнование нас подхлестывает, не дает падать духом, если поле попадаетея трудное...»

«Снова ливень. Кто спит, кто письма пишет. А некоторые что-то затевают — уж очень ехидный смех несется из угла. А вообще без дела не сидим. Ведь скоро окружной слет. Нужно будет показать 15—20-минутный концерт. Мы решили подготовить небольшое представление в стиле русских сельских посиделок. Самая большая комната давно стала раскрой-залом. Шьем костюмы, сочиняем частушки. Аккомпанировать будет сводный оркестр из губных гармошек, расчесок, обернутых фольгой, ложек и бубнов. Готовимся еще к конкурсу штандартов, отрядных эмблем, песен и девизов».

«Процент выработки у нас в последние дни взлетел. Почти ежедневно норму выполняем на 170—200 процентов. И это несмотря на жару в 35 градусов. Хелен сказала: «Хорошо работаете!». Тут такое началось!.. Наше «ура», наверное, в соседнем отделении совхоза было слышно...»

«Мы уже 45 дней в Эстонии. И дни стоят как на заказ — солнце и теплынь. План мы теперь почти все время перевыполняем. Хелен больше не проверяет, как мы делали свою работу. Ни одного замечания от нее не получаем и поля больше не перепалываем по два раза за смену. Все идет отлично».

«...Да, трудовое лето в Эстонии многому научило старшеклассников. В анкетах, предложенных им после возвращения в Пермь, они писали:

«Если живешь не мелкими заботами и думаешь не только о себе, то каждый день наполняется более высоким смыслом. И со стороны взрослых появляется сразу особое уважение и уже немножечко — равенство. Видишь, что на тебя надеются, тебе доверяют!»

«Раньше я страдал изрядной самонадеянностью и самоуверенностью. В классе меня обвиняли в «звездной болезни». А в Эстонии на работе я долгое время был

далеко не в первых рядах. И тогда я понял, что главное не в том, что человек думает о себе сам, а в том, что о нем думают другие. И признание надо заслужить делом».

«Впервые я испытала такое сильное волнение за общее дело — за наши отрядные нормы выработки».

«Если б на следующее лето мне предложили вновь поехать в трудовой отряд, я был бы на седьмом небе от счастья. За два месяца я стал словно новым человеком. Теперь я знаю, что уважать можно только того, кто приносит пользу всем».

«Впервые в жизни мы сами заработали деньги. Теперь уже нет желания истратить их как попало. Ведь это трудовые деньги, достались они очень непросто. У меня появилась какая-то гордость. Раньше я только брал дома деньги, а теперь принесу их в дом».

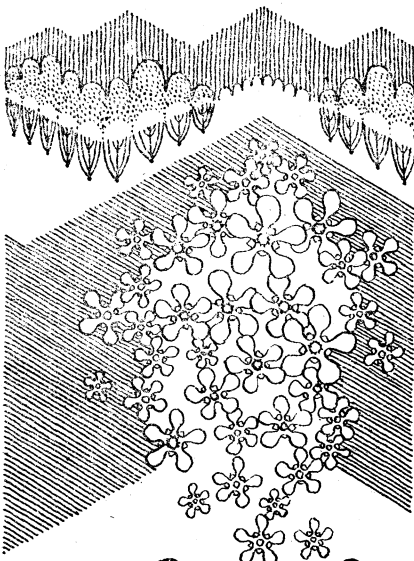
«В общем-то мы поняли: взрослый человек отличается от недоросля тем, что трудится. А труд — это мозоли, которые болят, ноют, это пот, который заливают глаза и стекает за шиворот, это препятствия, которые надо преодолеть. Но только такая жизнь и рождает самоуважение».

«Мы все в лагере делали своими руками и жили на собственный заработок. По-моему, это и есть взрослость!».

А это значит, что жизнь не должна в эти годы ограничиваться для ребят пространством лишь классных комнат и школьных коридоров. И когда вы всерьез захотите участвовать в созидательном труде, старшие никогда не отвергнут вашего права на самостоятельность. Нужно только, чтобы нити от ваших поступков шли к жизни всего народа, всего нашего общества. Ведь с этого-то и начинается подлинная зрелость — с чувства общности со всеми трудящимися людьми.

И сердце

**Алексей
ЧЕЧУЛИН**

*Рисунки
В. Меринова*

Следы

С утра надеваем валенки.
Бредем с просветлевшей душой.
След у ребенка маленький,
А у меня большой.

Мой сын в ожидании чуда.
Лишь начата жизнь, потому
Ему на страшна простуда,
И смерть не страшна ему.

И вижу я: снегу навалено
За временной межой:
След у меня маленький,
А у отца большой.

Большой оборвется вскоре,
А малому — долгий путь...
Такие же нынче в поле
Снежком заметает чуть.

Осенние сады

Осенние сады.
Особые приметы —
Отставшие от лета
Последние плоды.

Восходит пряный дым —
Прощальная дорога.
На хворосте немного
Давай-ка посидим.

Давай-ка поглядим
На этот дым летучий.
Себе на всякий случай
Обиды все простим.

Замочет дождь следы,
Не ведая оглядки.
Как горестно и сладко...
Осенние сады.

Джалинда

Джалинда. Поселок неброский.
Амурская ходит волна.
А там, за рассветной полоской,
Темнеет чужая страна.

Такие же сопки и воды.
И тот же
Багульника цвет.
Но кажется мне,
В той природе
Привычной душевности
Нет.

Под эти
Пахучие гроздья
По эту мне сторону
Лечь,
Где истинно
Красные звезды
И плавная
Русская
Речь.

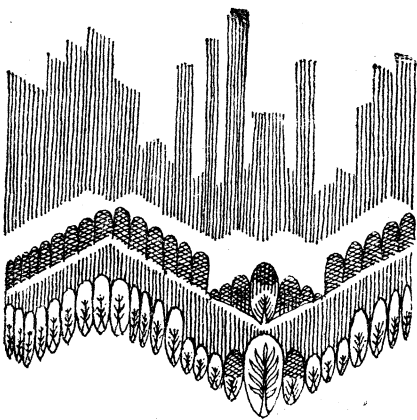
А большего мне и не надо —
Была бы родная земля!
Джалинда. Родная бригада.
Короткая юность моя.

Синь

Пронзительная синь
Небес над головою.
Живу, горняцкий сын,
Под Благодать-горою.

Магнитный этот край
Совсем не рай, конечно,
Зато нам хватит, знай,
Железа здесь навечно.

Хранит Хозяйка клад
В сокровищнице темной.

Бьется в лад

И сердце бьется в лад
С машиною подъемной.

Как ранние снега
В окрестностях зеленых,
Черемухи пурга
Бесчинствует на склонах.

Шального соловья
Гремят в ночи рулады.
Богат всем этим я.
Чего еще мне надо?

Немногое. Чтоб лист
Не изводить напрасно.
Чтоб дети удались.
И будет все прекрасно.

А ты уж не покинь
Ни летом, ни зимою,
Пронзительная синь
Небес над головою.

Ни луны, ни звезды, ну и ладно;
Бел снежок на осенней траве.
Подморозило за полночь славно,
Потому и свежо в голове.

Думать худо о жизни не стоит.
Думать надобно лишь о добре.
На рябине озябшей настоян
Мир обветренный в октябре.

Терпение и труд

Надеюсь, никогда не подведу.
Уроки их я не предам забвенью —
Меня учила Азия терпенью,
А заводской Урал учил труду.

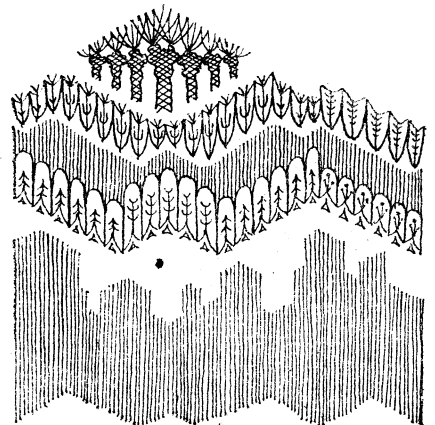
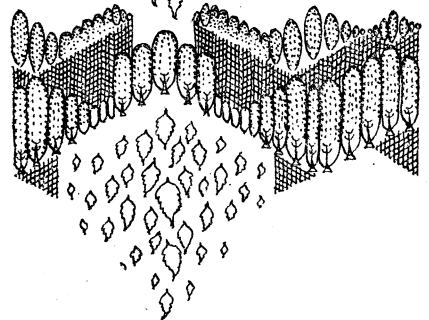
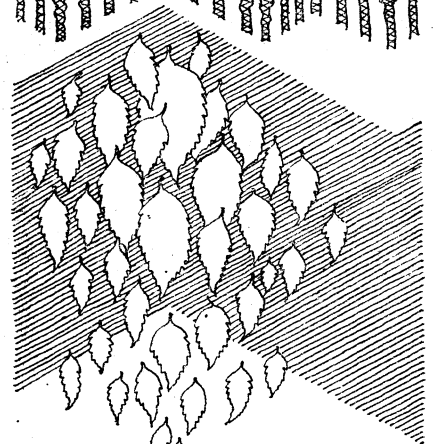
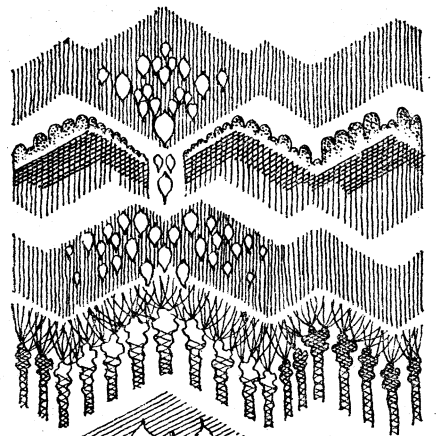
И до сих пор
Они за мной глядят.
Да будет жизнь
Наполовину горькой,
Но только бы совпала
С поговоркой,
В которой
Труд с терпеньем
Победят.

Поезд вклинился в синеву.
Было зябко от раннего света,
От ненайденного ответа
На вопрос: «А зачем живешь?».

Подступило — не оторвешь —
Все, что мучило и болело.
Вот и сердце отяжелело.
В самом деле, зачем живешь?

Надвигались деревья волгло.
Пролетел за увалом увал...
Словом, утро, сентябрь, Урал,
Зарядили дожди надолго.

АРТЕМ, СЫН АРТЕМА

**Павел
КОВЕРДА**

Ему не было еще и полугода, когда погиб отец — Федор Андреевич Сергеев. У отца была партийная кличка Артем. Под этим именем его, героя, борца, пламенного революционера, знала вся страна.

Партийная кличка отца стала именем первенца-сына. Быть сыном такого знаменитого отца почетно, быть не просто сыном, а тоже Артемом, — наверное, еще и ответственно.

С момента гибели отца прошло 60 лет. Целая жизнь. Самые яркие страницы из этой жизни — годы Великой Отечественной войны.

22 июня 1941 года. Двадцатилетний лейтенант Артем Сергеев, выпускник Ленинградского артиллерийского училища, командир артбатареи, готовился к отправке на фронт. Всем вручили личные жетоны. Каким-то образом у командира батареи оказалось два.

В другой раз он вернул бы одну из этих металлических трубочек с бумажкой, где обозначены его имя и домашний адрес. Но сейчас положил оба жетона в карман. «Две жизни выдали», — радовался молодой лейтенант, серьезно принимая это за доброе предзнаменование своей неуязвимости в будущих боях.

На следующий день, прощаясь на вокзале с матерью, он протянул ей один жетон.

— Если что случится, положи к отцу, на могилу...

Солдаты спрашивали у своего командира, что же будет дальше. Война еще только началась, какой она будет — никто не предвидел, и юный командир батареи шутил в ответ на солдатские вопросы:

— Все выяснится завтра или послезавтра, когда будем грузиться. Если погрузимся на Октябрьскую железную дорогу, значит, начнем дело с Восточной Пруссии. Если погрузимся на Белорусскую дорогу, значит, на нашу долю выпадет самое интересное — Берлин, а если на Киевскую, то путь нам в Силезию, а там, говорят, есть знаменитое на весь мир пиво...

Побывали наши солдаты на всех

этих направлениях. И еще в других местах, освобождая их от фашизма. Но путь этот был долг и нелегок...

В первую же неделю войны артиллеристы лейтенанта Сергеева вступили в бой. Попали в страшную переделку. Пропуская фашистские танки, дрались с пехотой врага. Лейтенант Сергеев принял пехотную роту, командир которой погиб. От роты осталось пять человек. Немцы обошли позиции стороной. Все, кто остался жив, очутились во вражеском тылу. К ним примкнули окруженцы из других подразделений. Решили создать партизанский отряд. 13 офицеров, два сержанта, один рядовой — таков был личный состав нового подразделения. Это был действительно особый отряд, сохранивший свою самостоятельность даже тогда, когда он влился в отряд под командованием опытного партизана еще времен гражданской войны на Дальнем Востоке Алексея Канидиевича Флегонтова.

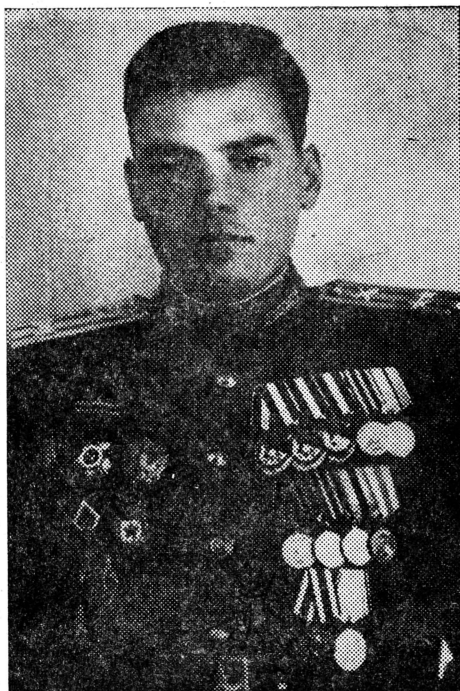
Отряд Артема Сергеева стал именоваться отрядом Сережи Сарычева. 7 сентября 1941 года в сообщении Совинформбюро упоминалось об успешных операциях партизан отряда Сережи — о бойцах лейтенанта Сергеева.

Два месяца партизанили. Фашисты охотились за группой Сережи. От частых и неравных встреч с врагом ряды поределели втрое. Все бойцы были изранены. Единодушно приняли решение — не попадаться живым в руки врага.

Командир отряда вел ежедневный дневник боевых действий. Этому правилу он не изменял даже тогда, когда было особенно трудно. Однажды, оставшись ночевать на чердаке одной из заброшенных хат, партизаны утром обнаружили, что внизу, под ними, разместилась группа карателей. Четыре дня, не подозревая о соседстве, фашисты жили в хате. И все эти дни на чердаке командир особого партизанского отряда Артем Сергеев вел дневник.

Когда удалось прорваться через

фронт, дневник помог составить полное, подробное донесение на имя начальника Центрального штаба партизанского движения П. К. Пономаренко.

Как-то после войны они встретились. Пантелеймон Кондратьевич Пономаренко сказал своему собеседнику:

— В донесениях Сережи одна особенность: они были наполнены мужеством и честностью. В иных донесениях что ни выстрел, то несколько убитых врагов. А у вас случилось, что по два дня охотились только за одним немцем. Но верилось, что этого немца действительно не стало в живых.

В сохранившемся партизанском дневнике каждому дню отведено несколько слов, иногда одна фраза, но она помогает воскресить в памяти каждый боевой эпизод.

Выйдя из немецкого тыла, лейтенант Сергеев опять получил батарею. И в первом же бою — три ранения. Снова вспомнил Артем Сергеев те два жетона — две жизни подарил ему судьба.

Однажды один из этих жетонов, исполняя наказ сына, мать, Елизавета Львовна, собиралась-таки унести на могилу мужа, к Кремлевской стене — она получила похоронку на сы-

на. Но повременила. Сердце матери не захотело верить...

Изодранный пулями, исколотый штыком, с переломанными ногой и рукой, после долгих мытарств по прифронтовым госпиталям Артем Сергеев предстал в Москве перед знаменитым хирургом Бакулевым.

— Ну что, все с собой захватил, ничего не растерял по дороге? — по своей крестьянской простоте пошутил доктор. — Тогда отремонтируем.

Хирург сделал чудо — поставил на ноги солдата.

Артем Сергеев отпустил усы. Как у отца. Отец для него был всегда примером. О нем он прочитал все, что можно было достать. И образ отца представлялся ему четко: тот хорошо знал военное дело, люди любили его за внимание к товарищам, за отсутствие высокомерия. Артем знал, что внешне он похож на отца, а ему хотелось походить на отца не только внешне...

Первая боевая награда молодого офицера — орден Красного Знамени. Потом были еще многие боевые награды — более двух десятков. Войну закончил командиром бригады, в звании подполковника.

После войны А. Ф. Сергеев окончил высшую офицерскую артиллерийскую школу, затем — Артилле-

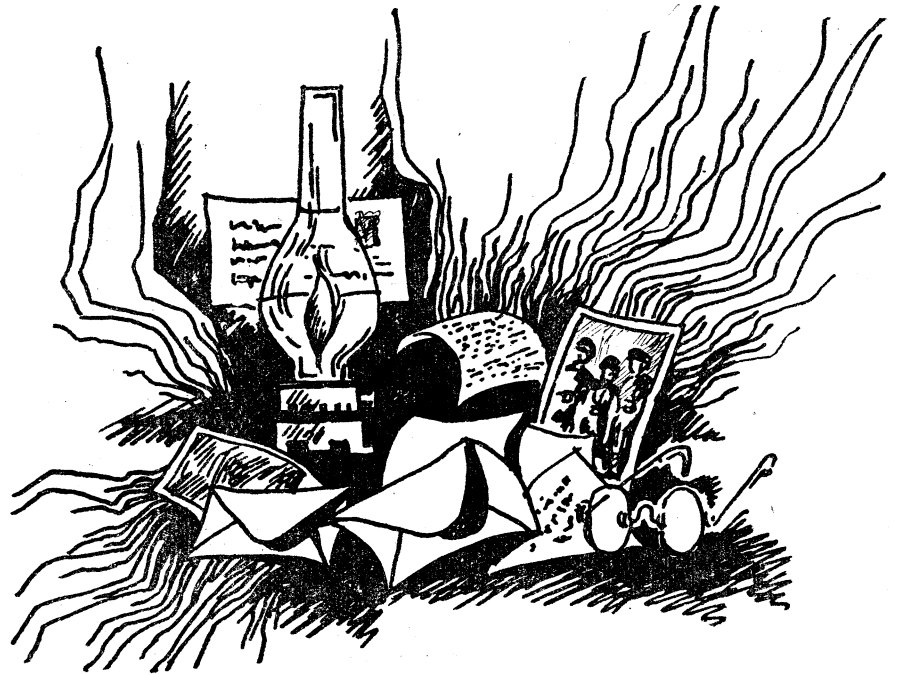
рийскую академию имени Дзержинского, наконец — Академию Генерального штаба.

Генерал Советской Армии Артем Федорович Сергеев оказался достойным сыном своего отца — большевика-ленинца Артема. Он — почетный гражданин ряда городов, носящих имя отца, в том числе города Артемовского Свердловской области.

На снимках: подполковник А. Ф. Сергеев в 1945 году; генерал-майор А. Ф. Сергеев в 1980 году.

Фото Э. Лузина.

НЕ РОЖДАЮТСЯ СОЛДАТАМИ...

**Федор
ЛАГУНОВ**

*Рисунки
Е. Крутских*

— Костя, поди сюда! Ой, из рук валится... Да скорей! — запыхавшись не столько от тяжести, сколько от своей чрезмерной полноты, тетя Поля еле удерживала застрявший в дверном проеме сверток матраса. Охая и вздыхая, она умудрилась шепнуть Косте на ухо: — Прибыл новенький, заправь ему койку рядом, а когда познакомишься, скажешь мне, откуда он пожаловал. Непутевый какой, или сирота бездомовая?

В комнате новичку в тот же день учинили допрос.

— Как звать? Какого района уроженец?

Новенький оказался из Орши, белорус. Зовут Сашкой. По фамилии Котов. Как только это выяснилось, Сашку тут же повернули лицом к подростку, заправлявшему койку:

— А это твой сосед. Костя, фамилия Пчелко... Берегись, ужалил!

Вечером соседи долго шептались.

— У тебя родители есть? — спрашивал Саша.

— Есть. Только я из дому ушел. Они меня — искать, весь колхоз на ноги подняли... А потом узнали, что я в Ленинграде, и успокоились.

— Чего не жилось дома?

— Матери-то у меня родной нет. Мачеха своих детей привела, да третьи еще народились... Мал мала меньше, все есть просят. В хате тесно, бедно. Отец с финской инвалид. Вот и ушел я.

— А меня Филат Иваныч, слесарь у нас, подбил. Мне дело слесарное — во как по душе! «Езжай, — говорит, — рабочим будешь». Вот... Приехал. Тут выучат на слесаря. Родители не пускали: что, мол, на чужбине скитаться. А я говорю — земля везде своя, русская. Отец-то не возражал, смолodu сам рабочий, а мать все...

Саша начал было рассказывать, как он добирался в Ленинград, но Костя уснул. Саша долго лежал с открытыми глазами: вспоминал, как ехал с пересадками в воинских эшелонах, соображал, почему на запад везут на ученья людей.

А утром грянула война.

Ремесленники из старших групп уходили на заводы, к станкам — заменять рабочих, призванных военкоматами; ребят поменьше отправляли на строительство оборонных сооружений; самых младших решено было эвакуировать в тыл, на восток.

— Что будем делать? — спрашивал Саша Костю.

Костя молчал. Саша сам придумал план и сказал о нем другу. Решили они идти пешком в Оршу. Никому об этом не говорили — только тете Поле.

— Ой, соколики!.. — запричитала тетя Поля. — Не пожалуют вас немцы, убьют, пулей достанут...

Однако утром следующего дня она собрала им узелок на дорогу и по-матерински благословила.

...Навстречу ребятам двигались нескончаемые колонны беженцев. Седовласый старик предостерег их:

— Не в ту сторону идете, хлопчики, там немцы... Деревни жгут, на каторгу людей угоняют...

— А Орша занята немцами?

— Орша? Да ведь утром была не занята, вечером займут... Прет он, немец-то, напралом прет.

— Дедушка, нет ли чего поесть? — на смелости спросить Саша. — Мы уж два дня ничего не ели...

Старик остановил лошадь, развязал мешок и, отломив от каравая краюху хлеба, молча подал Саше.

На дороге творилось невообразимое. Цеплялись друг за друга нагруженные скарбом телеги, ругались ездоные, плакали дети.

Ребята свернули с большака в лес: дорога утомил их. Спали, тесно прижавшись друг к другу. От грохота и лязга посреди ночи проснулся Саша. С дороги слышались немецкие команды.

— Кость, а Кость... Немцы...

Так оказались они за линией фронта, в тылу врага. Скрывались в лесу, ночами искали дорогу к своим.

Однажды наткнулись на лежащего на земле мальчишку. Лицо без кровинки, голова вся разбита.

— Кто его так разделал?

— «Кто, кто...» Немцы, а может, предатели... — прошептал Саша.

Ребята истратили на раненого весь свой запас воды, но в чувство привели. Узнали, что мальчишка зовут Ваней. Его схватили с облавой. Когда гнали с колонной на запад, он прыгнул в кусты, и конвойный бил его прикладом по голове — думал, что забил до смерти, и бросил... Много хлопот доставил Ваня своим новым друзьям, а когда они его выходили, линия фронта откатилась еще дальше.

...Наши разведчики привели их в штаб полка. После долгих скитаний все трое выглядели заморышами: чумазые, оборванные, истощенные.

Как ни просились ребята, ни в какую не хотело командование зачислять их в полк. Несколько раз всю троицу отправляли с эвакуированными эшелонами, но каждый раз ребята возвращались...

После согласования с политотделом дивизии решено было принять их воспитанниками 25-го стрелкового полка.

— Товарищ старшина! Явились в ваше распоряжение!..

Старшина сперва ничего не мог понять.

— Кто вы такие? Кто послал?

— Вот направление штаба...

— «...прикомандировываются для прохождения военной подготовки». Котов кто? Ты? Пчелко?.. А ты, Ковалев? Нда... гвардия... — разглядывая ребят, протянул старшина. — Ясно!..

Приказ был короток: умыть, обмундировать, накормить.

— Стрелять-то стреляли? — еще вдогонку, когда всех троих уводили в санчасть, спросил старшина.

— В тире, из винтовки...

Подогнали мальчишкам по росту военную форму, и стали они числиться в личном составе полка: Костя и Саша — в разведоте, а Ваня — связным.

Старшина опекал и наставлял маленьких солдат. Чему бы ни учил он — мыть посуду, «читать» рельеф, пользоваться оружием, оказывать помощь раненому, — все не упускал случая сказать: «Не робей, воробей! Хочешь жить — действуй смело».

И началась военная жизнь у юных разведчиков. Саша и Костя под видом беспризорников ходили в тыл врага. Вылазки были удачными. Однажды Саша Котов и Костя Пчелко захватили прибывшего из Берлина фельдъегеря — обер-лейтенанта, при котором оказались важные оперативные документы. Ребят представили к ордену Красного Знамени.

Газета 4-й армии от 2 марта 1942 года писала: «В жарких схватках с немецко-фашистскими захватчиками росла и крепла комсомольская организация 25-го стрелкового полка. За январь и двадцать дней февраля в комсомол принято 19 молодых бойцов. В числе принятых отважные разведчики, награжденные орденами Красного Знамени, Костя Пчелко и Саша Котов, воспитанники полка».

После освобождения Тихвина тяжелые бои возобновились в районе населенного пункта Кириши. Рота лейтенанта Н. А. Моисеенко готовилась к встрече командующего Волховским фронтом генерала армии Мерецкова. Командующий углядел в строю юных бойцов, побеседовал с ними. А потом отдал распоряжение направить их на учебу в военное училище. Это было днем. А вечером в бою, при захвате вражеского дзо-

та, смертью храбрых пал Ваня Ковалев...

...На пакете с литером «Совершенно секретно», под сургучной печатью, врученном бойцам Котову и Пчелко вместе с проездными документами, был адрес: Москва, ЦК ВЛКСМ. Тяжело было ребятам оставлять родной полк. Заскучали и бойцы, привыкшие к мальчишкам. Но не забыли они про гибель Вани, и хотели уберечь от смертельной опасности этих двоих.

Как бы не так!.. Мальчики в ЦК комсомола добились снова отправки на фронт — в 256-й Терский казачий полк 11-й кавалерийской дивизии.

«В середине 1942 года к нам в штаб явились два подростка, — вспоминал К. М. Мизерский, командовавший в то время кавполком. — Они подали мне направленные с резолюцией генерал-полковника Городовикова, который был заместителем командующего кавалерией Красной Армии. На этом направлении и наш комдив полковник Суржиков написал: «Посылаю тебе боевых хлопцев, зачисли их в полк».

Началась жизнь в новой семье. Кавалерийский полк дислоцировался на Хамовицком плацу под Москвой. Косте было легче — он вырос в сельской местности, а горожанин Саша с лошадьми никогда дела не имел. Когда лошади стали чувствовать в них всадников, им разрешили пре-

одолевать препятствия и рубить саблей лозу. Экзаменом перед старшиной эскадрона закончили Саша и Костя школу верховой езды. Теперь команда «По коням!» звучала и для них тоже.

Полк по нескольку дней не выходил из боев. Юношей, конечно, берегли. Но война для всех была одна... Ходили они и в дерзкие рейды по тылам врага, и в лихие кавалерийские атаки.

Саша Котов принимал участие в боях за Валуйки, Волоконовку, Харьков, сражался с фашистами на Северном Донце и под Белгородом. В 1943 году стал командиром отделения. Когда полк участвовал в рейде под Спас-Деменском, он был уже старшим сержантом.

В бою за деревню Арефьево-Церковщина Ельнинского района Смоленской области Саша Котов был ранен осколком мины и умер в санитарном эшелоне... Семь наград было у Саши. Орден Отечественной войны II степени спустя десять лет после войны получил за него отец, Иосиф Гаврилович Котов.

В Орше вместо сгоревшей в войну школы построено новое светлое здание. У входа прикреплена мемориальная табличка. Каждый учащийся школы № 3 знает, что Саша тринадцатилетним мальчишкой поступил в ФЗУ № 3 г. Ленинграда, добровольцем ушел на фронт, был

смелым разведчиком, пал смертью храбрых в боях за Родину. Первого сентября 1972 года со стапелей Ростовской судовой верфи сошел теплоход «Саша Котов». С его экипажем оршанских пионеров связывает тесная дружба.

Судьба Кости Пчелко осталась неизвестна. В свое время подполковник в отставке К. М. Мизерский пытался разыскать бывшего питомца своего полка, но безуспешно. Вдова К. М. Мизерского, бывший врач того же полка, рассказывала, что вскоре после того, как Костя пропал без вести под городом Валуйки Белгородской области, командиру полка сообщили, будто бы он пристал к какой-то авиачасти. Позднее вновь поступили сведения, что якобы после войны он поступил в военное авиачулище. Однако след его пока не отыскался.

Самый трудный, самый опасный путь выбрали в своей жизни эти трое ребят. Имена их достойны того, чтобы их носили школы и пионерские дружины, улицы и теплоходы. Пусть знают люди про их героическую жизнь. «Война призвала не только взрослых, — писала про юных бойцов фронтовая газета. — Храбрость и мужество мальчишек могли служить примером для подражания воинам-мужчинам».

ДЕТИ ВОЙНЫ

● Ученики 75-й омской школы знали Васю Шаврова по фотографии, которая хранится в школьном музее. Омские школьники были в походе по местам боевой славы 178-й стрелковой дивизии на Смоленщине и нашли место гибели юного солдата. На обелиск перенесена скупая скорбная надпись, которую во время войны сделали однополчане: «Вася-Василек, сын полка».

● Газета «Ленинградская правда» от 26 января 1944 года сообщала о вручении переходящего Красного знамени Государственного Комитета Обороны коллективу ремесленного училища № 12. Воспитанники его в войну не только занимались в училище — каждый день они ходили на работу на Невский машиностроительный завод, все получали рабочие карточки. В то время мальчишки помогли восстановить один из главных цехов — литейный, разрушенный фашистами. За это училище и было награждено Красным знаменем. Теперь училище называется ПТУ № 29.

● 201-я московская школа. В музее боевой славы можно встретить совсем мирные вещи: девчоночий берет, гитару, мольберт. Но этот берет носила Зоя Космодемьянская, а гитара и мольберт — ее брата... Давно в школе, как и повсюду, введена кабинетная система, появилась в классах новая, легкая и удобная мебель. Только класс, в котором учились Зоя и Шура Космодемьянские, сохраняется в том виде, в каком он был до войны: большие черные парты, старая доска — они остаются все те же.

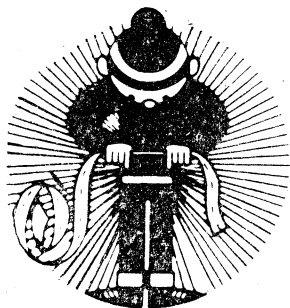
● Из школы — на фронт, из боя — в бессмертие... Память о каждом из 34 выпускников, павших смертью храбрых, сохраняют нынешние учащиеся 2-й школы города Енакиево Донецкой области. Дорогие реликвии хранит школа: аттестат зрелости погибшего Семена Шелудякова, полученный 21 июня 1941 года, залитый кровью комсомольский билет Кости Колесникова, песни, которые пел школьный запевала Леня Чугунов — он отстреливался до последнего патрона, а потом

подорвал единственной гранатой себя и восьмерых фашистов...

● Штурм рейхстага... На колонны и стены его уже водружены знамена и стяги. И вдруг среди них забился на ветру маленький красный флажок — пионерский галстук...

В мае 1942 года на станции Бологое к 380-му стрелковому полку прибилась двенадцатилетний мальчик Боря Новиков. Сам пробрался на передовую, перевязывал раненых, выводил их в расположение санчастей. Так Боря стал санитаром 3-го батальона. Но не довелось ему дожить до конца войны — остался лежать в могиле на братском кладбище. Достали однополчане тогда из его вещевого мешка пионерский галстук и поклялись пронести его до самого Берлина. Клятву бойцы сдержали.

● Медалью «За оборону Ленинграда» было награждено более 5 000 школьников и 13 000 подростков, работавших на заводах блокадного Ленинграда.

СЛЕДОПЫТСКИЙ

телеграф

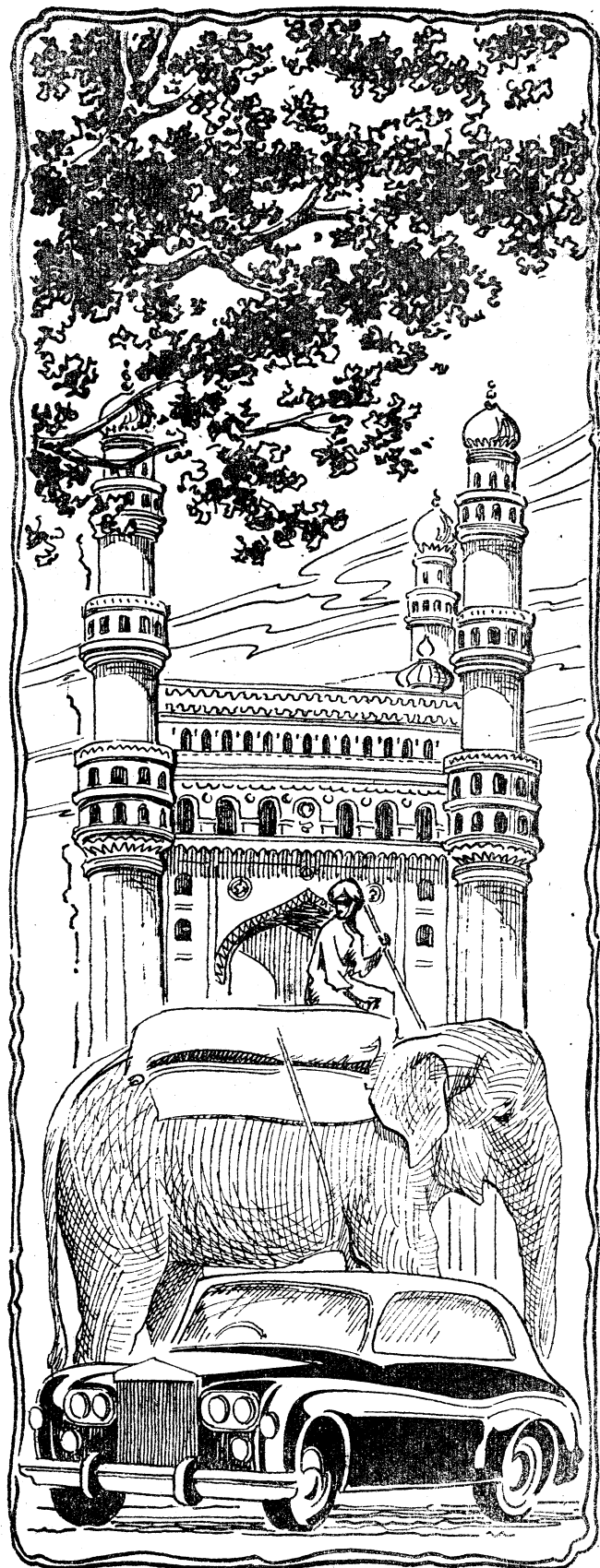
ДЕВЯТЬ- СОТ ДНЕЙ В ИНДИИ

**Константин
КОСТИН**

*Рисунки
Ю. Калмыкова*

...Большое место во взаимоотношениях Советского Союза с освободившимися странами занимает, конечно, наше сотрудничество с Индией. Мы приветствуем возрастание роли этой державы в международных делах. Наши связи с ней продолжают укрепляться. Советско-индийская дружба стала в обеих наших странах укоренившейся народной традицией.

Из Отчетного доклада Центрального Комитета КПСС XXVI съезду Коммунистической партии Советского Союза.

Несколько необходимых замечаний

Вряд ли на земном шаре есть другая такая страна, как Индия, о которой рассказывают столько легенд, где правда и выдумка переплелись и составляют органическое целое. Индия — многоликая, самобытная, красочная страна, полная контрастов, противоречий, объяснимых и загадочных явлений, корни которых уходят в глубь веков. Тяжкое наследие колониального прошлого до сих пор дает о себе знать в экономике, политике, культуре.

Народ Индии, талантливый, терпеливый, трудолюбивый, приветливый, честный и добрый, еще в древности обогатил человечество огромными успехами в философии, астрономии, математике, химии, прикладном искусстве, технике и архитектуре. Индия дала миру алгебру, здесь были открыты «ноль», «корень квадратный», число «пи».

Знаю ли я Индию?

После двух с половиной лет пребывания в этой стране однажды индийские друзья спросили меня:

— Мистер Костин, скажите, пожалуйста, насколько вы разбираетесь во всей окружающей вас обстановке?

Я ответил, что в первые месяцы жизни в Индии мне казалось, что немного разбираюсь, но после двухлетнего пребывания моя уверенность заметно поубавилась.

— Ну, а мы всю жизнь здесь живем и, видимо, поэтому ничего не понимаем.

В этой шутке друзей заложено зерно правды. Жизнь в Индии действительно сложна и полна противоречий.

Все, что изложено ниже, — это собственные наблюдения или свидетельства моих индийских друзей. Я не турист, который собирал «урожай» на протоптанных туристских маршрутах, и не штатный корреспондент с официальным документом журналиста. Два с половиной года я прожил в натуральной, естественной обстановке, общаясь с людьми на заводе и за его пределами. И об этом — мои заметки.

Из калейдоскопа впечатлений

С первых дней приезда в Индию мои «сейфы», куда откладываются впечатления, стали наполняться катастрофически быстро и без всякой системы. Эти впечатления были по преимуществу зрительного характера и не подвергались анализу. Постепенно наблюдения стали систематизироваться.

Для уральцев все в Индии так же необычно, как для жителя Африки или индийца, попавших в обстановку севера.

Как-то во время телепередачи из Московского университета имени Патриса Лумумбы, еще до моего отъезда в Индию, диктор спросил одного африканца:

— Как вы переносите наш московский климат?

На это он ответил так:

— Когда московская зеленая зима, жить можно, а когда московская белая зима, жить трудно.

Для него даже наше прекрасное лето — зима.

Нечто подобное, но в обратном смысле переживали мы, уральцы, в Индии. Зимой здесь жить можно, но ле-

том очень трудно. Зимой просто жарко, а летом нестерпимо жарко.

Солнце днем стоит в зените, не давая тени. Оно прокаливает вас от головы до пяток. Глаза болят не от яркого света, а от высокой температуры. Раскаленный воздух высушивает не только носоглотку, но, кажется, и легкие. Вы можете бесконечно пить, не замечая заметного облегчения. Дующий легкий ветер обжигает тело. В северной части Индии, где мы жили и работали, такой период продолжается с марта по июнь включительно. В конце июня начинается влажный дождливый период, приходят муссоны. Небо покрывается облаками, они сгущаются до грозных свинцовых туч, и начинаются тропические ливневые дожди. Потоки воды низвергаются до конца сентября. Воздух удушливый и влажный. Кожа не испаряет влагу. Капли пота собираются в ручейки и бегут с головы по шее, между лопаток. Ливни сопровождаются молниями и громом. Но это не молнии в понятии северян. Это параллельно-последовательные вспышки, непрерывно озаряющие небо и землю. Грозовые вспышки поливают в десятках мест кругом одновременно. Гром слывается в единый мощный и непрекращающийся рев, грохот, стон, как при мощной артподготовке. Потоки воды образуют на поверхности земли реки и озера.

В Индии не менее 90 процентов рек «сухих», «временных». Они становятся реками только в периоды муссонов. В остальное время года от этих рек остаются лишь берега, песчаное или каменистое дно, но ни единой капли воды. Отдельные «сухие» реки достигают ширины до 750—1000 метров. Но зато в период муссонов индийские реки несут бурные потоки мутной воды и, меняя русла, смывают все, что стоит на их пути: жилища, целые деревни, посевы. Гибнут люди, скот. Иногда ливневые дожди сопровождаются ураганными ветрами, и создается впечатление, что потоки воды движутся в воздухе горизонтально. Однажды такой ливень застал нас на работе. Крыша нашего здания держалась надежно, не пропуская ни капли воды. Однако вскоре в конструкторских бюро по полу потекли ручьи, которые в коридоре превращались в настоящую реку. Вода, проникая через оконные рамы, форточки, кондиционеры, каскадом падала по лестницам с четвертого этажа до первого и вливалась в озеро, окружавшее здание заводоуправления. На улице ливень с сильным ветром опрокидывал мотороллеры, перемещал легковые машины, стоявшие на тормозах.

А что такое горячие ветры в засушливый период?

Тихо. Безоблачное небо. Нестерпимая жара. На горизонте появляется коричнево-грязная туча. Она из рыжей пыли, поднимаемой ветром. Туча надвигается с невероятной быстротой и закрывает солнце. Становится темно, как вечером. Налетает ураганный ветер, в воздухе проносятся сучья деревьев, какие-то предметы. Начинается горячая пылевая буря. Тончайшая ржавая пыль забивает глаза, уши, лезет в рот. В квартирах она покрывает полы, столы, забирается в шкафы с бельем и посудой, лезет в плотно закрытые чемоданы. Ее способность пробиваться в труднодоступные места поразительна.

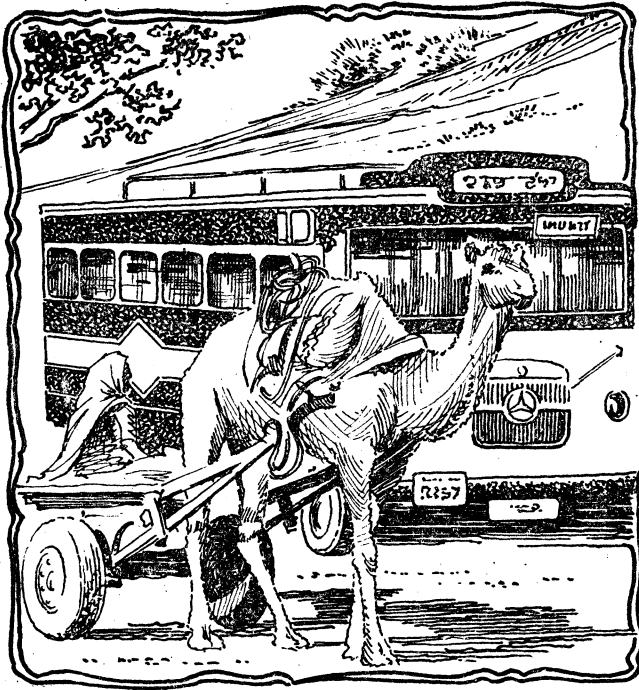
Наш врач рассказывал, что это самое опасное время с точки зрения эпидемиологической, так как вредные микробы с пылью переносятся на десятки и сотни километров.

Помню, с каким удивлением я смотрел на Большую Медведицу, которая находилась под другим, непривычным для нашей широты углом. Молодой месяц в темном небе был подвешен рожками кверху. Оригинально ведут себя здешние домашние животные: собаки не кусаются, коровы не бодаются, лошади не лягаются — вообще, все домашние животные Индии очень миролюбивые, хотя большей частью ходят голодные.

Здесь совсем другие деревья, насекомые, птицы. Исключение, пожалуй, составляет воробей, который одет в такой же скромный, бурого цвета, сюртучок, как и у нас. Он такой же забияка, жулик, приспособленец и жизнелюб.

У нас в прохладную погоду мы стремимся одеться

Константин Федорович Костин — заместитель главного конструктора завода «Уралэлектротяжмаш» имени В. И. Ленина, лауреат Государственной премии. Два с половиной года находился в Индии, был там главным специалистом электромашиностроения на заводе тяжелого электрооборудования, построенного при содействии СССР.

теплее, а голову зачастую вообще не покрываем. Зимой, когда температура ночью или ранним утром опускается до плюс 5—10 градусов, индийцы одеваются тоже теплее, но несколько своеобразно: на голове теплая меховая шапка-ушанка со спущенными ушами, на руках теплые меховые перчатки, голова, плечи и грудь завернуты в одеяло, а все, что ниже пояса, одето в «дхоти» из тонкой белой материи, при этом ноги нередко просто босые.

В Индии принято есть меньше всего с утра и больше всего перед сном. В стране сухой закон. Пьяных практически не видно. Среди модернизированной интеллигенции пьющие встречаются, но отличаются некоторой особенностью: вначале они только пьют, не закусывая, а потом закусывают и не пьют. Женщины совершенно не пьют ни вина, ни пива. Исключение составляют женщины, тронутые западной «цивилизацией». Если на дороге, тротуаре или у забора лежит человек — это не значит, что он пьян. Он просто отдыхает. Или у него нет пристанища.

Представители государственной автоинспекции на дорогах Индии встречаются очень редко. Поэтому часто можно видеть, что на одном велосипеде едут три взрослых индийца или муж, жена и двое детей; на мотороллере — 5 пассажиров: хозяин, жена и трое детей. А вот автомобиль «Амбассадор» (типа нашей «Победы») загружают независимо от его грузоподъемности, используя все внутренние и внешние возможности: на крыше — чемоданы, тюки, ящики, багажник наполнен до отказа, а внутрь машины набивается по 10—12 человек. Как-то мы обгоняли на дороге «Амбассадор» странного вида. Первое, что бросилось в глаза, — привязанный сундук. Затем увидели, что багажник открыт, а в нем устроились три взрослых индийца. Внутри машины — лес черных голов.

Управлять машиной на дорогах Индии не так просто. Дороги насыщены людьми, повозками, коровами, буйволами, собаками. Животные здесь, как и везде, не считаются с правилами уличного движения и не обращают внимания на автомашины, поэтому водитель вынужден и на прямой дороге петлять или двигаться по синусоиде. Но главные задержки в пути — это налоги, налоги. Чтобы проехать мост — налог. Новый участок дороги — налог. Перед въездом в какой-нибудь городишко — налог. Проезжаешь границу штата — налог. Мало того, что надо за-

платить, надо еще зарегистрироваться в книге у директора шлагбаума и потерять немало времени.

Если у себя на родине мы не знаем, что такое слуга и не избалованы услугами, то в Индии слуги и услуги на каждом шагу. Чем больше город, тем больше слуг и услуг, и тем настойчивее предложения. В центре больших городов вас осаждают мальчишки чистильщики ботинок. Лезут, как мухи на мед, при этом хорошо разбираются в национальностях. Нам по-русски говорят: «как дела?», «давай-давай» и «до свидания». Даже когда надо сказать «здравствуйте», все равно говорят «до свидания», видимо, это слово легче запоминается. Если вы настойчиво отказываетесь от чистки ботинок — смотрите в оба! На ходу вам смажут черные ботинки белой пастой, и вы невольно будете вынуждены обратиться к чистильщику, конечно, к другому, так как тот, который вас покрасил, мгновенно смоется. Здесь кругозая порука, взаимопомощь и согласованный бизнес.

Труднее с непривычки отделяться от нищих, которые требуют «бакшиш». В больших городах это профессия, тот же бизнес и откровенное вымогательство. У каждого свой метод воздействия на иностранцев. Но в одном они сходны: настойчивы, как комары, прилипчивы, как пластырь. Если вы дадите одному, второму, то вам не выпутаться из сетей. Спасение — бегство в следующий квартал, но, отделившись от одних, которые эксплуатируют свой квартал, вы попадете в лапы к другим. Верный способ — это зайти в магазин, ресторан, кафе, там вы в безопасности, как в очерченном кругу.

Трудно провести границу между истинной нуждой и голодом, которые заставляют прибегать к нищенству, и профессией с несложным методом заработка. В стране насчитываются десятки миллионов безработных, в том числе многие тысячи инженеров с высшим образованием. Только в 116 городах с общим населением 40 млн. человек около 100 тысяч нищих. Трудоустройство желающих получить работу — одна из сложных проблем Индии.

В небольших городах и селениях нужда без фальши угадывается проще. Просят подаяния калеки, старики, голодные дети. Просят скромно, но искренне, и невольно веришь этой умоляющей просьбе. Нельзя без горького чувства жалости смотреть, как маленькие детишки 5—6 лет, чтобы заработать несколько пайсов (1/100 рупии), стремятся неумело, но старательно оказать какую-нибудь мелкую услугу. Стоит остановиться у бензозаправочной колонки, чумазый полуголый карапуз уже вытирает тряпочкой вашу машину, лезет под нее, что-то там скребет, шуршит. После этого он скромно стоит в сторонке и смотрит своими детскими красивыми глазенками на саба (господина). Один саб даст ему монетку, а другой, не глядя, сядет за руль и едет дальше. И никаких жалоб, никаких претензий.

На другом полюсе находятся бывшие правители княжеств, которые до 1970 года получали огромные пенсии и пользовались другими привилегиями. Крупные финансовые средства, столь необходимые для развития индийской национальной экономики, до недавнего времени предоставлялись княжеским семьям в качестве компенсации за национализацию их бывших феодальных владений. Эта компенсация в 48 миллионов рупий в год выплачивалась 279 бывшим князьям — махараджам, при этом шесть из них получали свыше миллиона рупий каждый. Кроме того, бывшие правители Хайдарабада, Майсора, Бароды, Гвалиора, Траванкура и Джайпура были полностью освобождены от уплаты налогов. Многие из них живут за границей и ведут праздный образ жизни.

Прогрессивная общественность и премьер-министр Индии Индира Ганди неоднократно представляли проект закона об отмене этих пенсий и других привилегий на утверждение парламента, и только в 1970 году этот закон был утвержден.

Индия — многонациональная страна. Работая на предприятии, приходится учитывать, что окружающие люди разных национальностей и вероисповеданий, и, хотя по законам Индии касты отменены, их влияние еще доста-

точно сильно. Религия еще определяет взаимоотношения людей, населяющих страну, поэтому стоит о ней рассказать подробнее.

По религиозному составу население Индии делится на индуистов (их подавляющее большинство), мусульман, християн, сикхов, буддистов.

Что такое каста? Каста — это достаточно многочисленная группа людей, члены которой связаны между собой множеством социальных нитей и в первую очередь наследуемой профессией. По традиции, бракосочетание возможно только в пределах своей кастовой группы. Члены касты ведут одинаковый образ жизни, поклоняются одним божествам, следуют одним обычаям и выполняют одни обряды. Дух касты пронизывает все сферы человеческой жизни.

Кастовая принадлежность определяет отношения между людьми. Прибыв, например, в деревню, путник сообщает не только свое имя, имя отца, но и название касты и родной деревни, тогда каждый знает, где его надо поместить и как принимать. После этого и сам путник чувствует себя «в своей тарелке» и сохраняет достоинство, присущее его касте.

Кастовая иерархия Индии выглядит так: наверху стоит каста брахманов (священнослужителей), далее следует каста кшатриев — воинов, государственных деятелей, князей; затем идет каста вайшва — торговцев, ростовщиков, богатых ремесленников, бизнесменов. Это три верхние касты. Самая тяжелая и черная работа возложена на людей, именуемых «шудра» (слуги, бедняки), и, наконец, группа людей, стоящая вне этих каст, — неприкасаемые. Они должны выполнять самые грязные и низкооплачиваемые работы.

По учению индуизма, боги разделили людей на касты. Поэтому борьба с кастовой системой неразрывно связана с необходимостью освобождения от религиозного наследия.

Каста и цвет кожи взаимосвязаны. Цвет кожи брахманов был белый, кшатриев — красный, вайшва — желтый, шудра — черный.

У меня на этой почве был курьезный случай с нашим мусорщиком, который как-то попросил меня сфотографировать его. Я выполнил свое обещание и сделал неплохую фотографию, но немного передержал в проявителе, и темное лицо мусорщика вышло несколько темнее, чем было в действительности. Когда он пришел за мусором, я подарил ему фотографию. Он посмотрел на нее и сказал: «Но гуд» (нехорошая), смаял ее, бросил в мусорный бак и придал ногой. Я долго думал, почему ему не понравилась фотография, и все же догадался. Через несколько дней сделал другой отпечаток и нарочно недодержал в проявителе, фотография получилась с недоработанными деталями, но с более светлым лицом. Мусорщик остался доволен.

Каждая каста разработала свой кодекс поведения, собственную «дхарму», то есть священный закон, определяющий общественный порядок. Дхарма — это естественный долг живой и неживой природы. Так, дхарма реки — течь, дхарма пруда — стоять, дхарма сапожника — делать обувь, дхарма солдата — воевать.

У индийцев широко распространено убеждение, что рождение человека в той или другой касте есть результат прошлых деяний, поскольку человек живет не один раз, а совершает целую цепь перевоплощений, не имеющую начала. Каждое деяние человека добавляет какие-то достоинства или недостатки к его «досье», что в свою очередь зачтется при его последующем перевоплощении.

Если брахман честно выполнял свой долг — он будет возрожден брахманом, а если нет — то может возродиться в нижней касте. Даже среди образованных индийцев можно услышать, что они ощущают, как груз деяний прошлых жизней давит им на плечи.

Одним из первых мероприятий правительства независимой Индии было запрещение неприкасаемости. Разумеется, порядок, установившийся на протяжении веков, трудно ликвидировать одним росчерком пера. И тем не

менее развитие городской жизни, индустрии, транспорта наносят смертельный удар кастовой системе, так как становятся неизбежными самые близкие междукастовые контакты. Растет уровень грамотности населения, внедряются в повседневную жизнь радио и телевидение, развиваются культурные связи с другими странами, наука поднимает свой мощный голос, формируется рабочий класс и растет его руководящая роль.

Два полюса

Прежде чем приступить к рассказу о новом прекрасном заводе тяжелого электрооборудования, строительство которого велось при содействии Советского Союза, и чтобы глубже представить, каким контрастом оно является по отношению к старой Индии, давайте познакомимся с находящимся недалеко от завода древним городом Хардваром на священной реке Ганг.

Хардвар расположен у самого подножия Гималаев, у горы Шивалик, где бурный Ганг вырывается из горной местности на равнину и несет свои воды в Бенгальский залив. Истоки Ганга находятся высоко в горах, там же берут свое начало и еще две большие реки: Инд и Брахмапутра. Это место называется Кайлоса — «индусский Олимп», «обитель богов», «самое святое из всех священных мест». Происхождение Ганга окутано легендами. По одной из них, он вышел из головы бога Шивы. Более распространенное предание гласит, что однажды Сурс (бог) и Асурс (демон) вспенили океан, чтобы добыть нектар жизни. Им это удалось. Между богом и демоном началась ожесточенная борьба за кувшин с нектаром. Джайонт, сын бога дождя Индры, боясь, что кувшин с нектаром может попасть в руки демона и быть источником несчастий, схватил его и бросился бежать. Перепрыгивая через Гималаи, конь Джайонта зацепился копытом за вершину горы Шивалик, несколько капель нектара из глиняного кувшина упали в Ганг. Это место стало священным. Тут когда-то купался сам бог — создатель земли Брахма. Здесь и был построен город Хардвар. У подножия горы, за вершину которой конь Джайонта зацепился копытом, расположен белоснежный храм. В древнейшие времена город назывался Майавати, позднее Гагдвар, а еще позднее Хардвар, что значит «первая дверь к богу».

В Хардваре постоянно проживает около 70 тысяч человек, но в великие праздники в ознаменование спасения кувшина с нектаром в город съезжаются более миллиона паломников, чтобы совершить «биг дил» (омовение), испытать святой воды для исцеления болезней, отпущения грехов или с целью укрепления духа.

Омовения происходят как раз в том месте, куда будто бы упали капли нектара. Говорят, исцеляющая сила воды Ганга не всегда одинакова. Наибольшей силой воздействия священная вода Ганга обладает якобы каждые 12 лет, половинной — через 6 лет после каждого максимально целительного года. Все великие религиозные праздники омовения бывают в апреле. Фотографировать категорически запрещается, хотя мужчины и женщины купаются в своей обычной повседневной одежде.

Представьте себе, что на сравнительно небольшом участке реки сконцентрирована огромная масса людей — сотни тысяч человек. Старики, калеки, больные, греховодники — все жаждут исцеления и преисполнены верой в великую силу священной воды. Купаются серьезно, как больные сердечники, принимающие нарзанные ванны в Кисловодске. Купаются досыта, умываются, пьют целебную воду. Вода холодная, так как Ганг питается в основном талыми водами ледников Гималайских гор и, добежав до Хардвара, не успевает согреться под палящим солнцем. Утверждают, что от холодной воды Ганга еще никто не заболел, а легенд об исцелениях бесконечно много.

Помимо глубокой веры в лечебные свойства священной воды, имеются и некоторые объективные данные, заставляющие верить в исцеления. Дело в том, что вода Ганга насыщена серебром, так как река в Гималаях проходит через горные породы, содержащие серебряные руды. Утверждают также, что, помимо серебра, в этой воде есть и другие малоизученные компоненты, которые также благотворно влияют на лечение гноящихся ран, кожных, желудочно-кишечных и нервных заболеваний. Видимо, эта вода действительно обладает дезинфицирующим свойством. Она очень долго сохраняется свежей. Я не однажды видел, как по дорогам Индии, обязательно пешком, за сотни километров несут индийцы эту воду в сосудах на своеобразном коромысле из длинных бамбуковых палочек. Коромысло покрыто разноцветными тканями и лентами, а ночью на нем виден светящийся фонарик.

Индиец, несущий священную воду, не может поставить коромысло на землю, поэтому, когда путь далек — в несколько суток, коромысло несут на плечах по очереди, отдыхают также по очереди.

Промышленности, за исключением самой мелкой кустарной и пищевой, в самом городе нет. Зато строятся храмы, и довольно дорогие по затратам средств и труда, хотя храмов в Хардваре и без того не перечислять. Есть храмы — шедевры мировой архитектуры, а есть и такие, которые представляют собой пещеру площадью в два квадратных метра, в которой несколько сложенных в кучу булыжников, курящееся снадобье, бумажная картинка с изображением какого-нибудь бога или его примитивная скульптура. Все это покрыто тряпичей, подпертой бамбуковыми палочками, — и это храм. А храм по закону неприкосновенен. Какой-нибудь святой (свами) построит такой храм, где ему вздумается, и живет в нем, читая священную книгу. Каждый храм посвящен тому или другому богу, а сколько богов в Индии, установить не удалось. Один шутник индеец сказал мне, что когда-то было 3300 богов, но это было давно, когда населения в стране было около 300 миллионов. Население выросло, боги не стали справляться со своими прямыми обязанностями, поэтому их штаты сильно раздулись.

Как правило, в больших храмах очень чисто. Входит

внутри можно только босиком. Как-то в воскресенье мы зашли в один и вот что увидели: посредине храма, на невысоком мраморном постаменте, стоит скульптура бога Ганеша (сына Шивы) высотой всего 30—35 сантиметров. Приходят индианки с сумочками, корзинами, становятся на колени и кормят его. Кормят сухой пищей, а затем из чайной ложечки дают ему попить какой-то жидкости. То ли божок был сыт, то ли не нравились ему подношения, но вид у него был очень неряшливый: лицо, живот, ноги — все измазано пищей. Подобные статуэтки имеются и в некоторых индийских домах. Члены семьи, прежде чем садиться есть, сперва кормят своего божка, покровителя дома, а потом едят сами.

В Индии нет специальных духовных академий, где бы готовились служители культа. Эта категория людей — самоучки. Старшие берут себе ученика, выращивают его, а тот, подрастая, также берет себе ученика и т. д.

Есть священнослужители и святые чисто одетые, серьезные, сановитые и величавые, с умным выражением лица. Они ведут себя солидно и культурно. Представитель этой категории никогда не просит подаяния и может оскорбиться, если вы его предложите. Но много среди святых «бизнесменов», живущих за счет подаяния и использующих внешнюю религиозную форму для привлечения внимания простаков и выколачивания из них бакшиша. Одеваются они в особые оригинальные одежды или ходят совсем нагишом. На голове вместо прически что-то дикое. Всевозможные религиозные принадлежности не перечислить: здесь амулеты, знаки религиозных отличий, браслеты, трезубцы, посохи, колокольчики, гонги и просто какие-то железки. Лицо, особенно лоб, раскрашено всеми цветами радуги. Тело иногда натерто золой. Я видел, как один «святой мученик» лежал на куче хвороста из кустов розы и шиповника с колючками. Постель из колючек была расположена прямо на дороге, и святой изображал нечеловеческие страдания. Лежал он, конечно, нагишом. Этот святой, видимо, дал обет молчания, так как его язык был проткнут трезубцем. Однако периодически он переставал корчиться, приоткрывал глаза и смотрел, сколько ему набросали медяков. Наши индийские друзья обратили мое внимание на то, что эти колючки кругом него, а под ним никаких колючек нет. Позднее мы снова встретили этого святого, он шел довольно бодро, а под мышкой нес свой «колючий» матрац — наверное, менял место работы или шел на обеденный перерыв со своим оборудованием, приносящим доход.

Хардвар живет суетливой жизнью. По набережной Ганга ходят святые, лежат коромы, попрошайничают нищие, прокаженные, снуют паломники и туристы. Здесь стирают и сушат белье. Цирюльщики стригут и бреют клиентов. Прямо на каменных плитах насыпана куча мелких монет — это менялы. Тут же продают чашки из зеленых листьев, наполненные лепестками разных цветов. Такие чашки с цветами покупают родственники умерших и пускают их вниз по течению Ганга. Если их пускают после захода солнца, то в каждой горит зажженная свеча. И красиво, и таинственно, и немного страшновато. В это время как бы осуществляется связь между живыми и мертвыми.

В Хардваре две торговых улицы, они тянутся параллельно вдоль Ганга. Главная, шириной всего 3—4 метра, расположена ближе к реке. Непрерывной цепью по обе стороны улицы размещаются магазинчики, лавочки, навесики, лотки. Площадь этих торговых заведений ничтожная, и внутри такого «универмага» покупатель не всегда может войти. Чаще он стоит на улице, а продавец сидит внутри — ноги калачиком, — занимая площадь не более четверти квадратного метра. А кругом — товары. Есть специализированные магазинчики, но чаще это универсальные торговые предприятия, битком набитые всевозможными мелочами, сувенирами, съедобными и несъедобными изделиями. По сторонам улицы, у подножия лавочек — бетонные желоба — это сток канализация. Если нужно зайти в магазинчик, надо перешагнуть через этот вою-

чий сток. Если входа нет, надо стоять на краю желобка и вести торговые переговоры.

Крыс и мышей в этих магазинах изобилие. Их обижать нельзя. Они спокойно ходят по мешкам с крупой, сахаром и другими продуктами питания. Иногда продавец ласково помашет рукой, прогоняя их с глаз покупателя, но не бьет, а тем более не убивает. Говорят, что более прогрессивные владельцы магазинов ловят грызунов в ловушки, затем вместе с ловушкой относят метров за пятьдесят от своего магазина и выпускают на волю. Так, по существу, происходит обмен крысами, а общее поголовье при этом сохраняется.

Индуистская религия не позволяет убивать что-либо живое. Исключение составляет человек. При известных обстоятельствах его убивать можно, например, на войне или за преступление, или во время демонстрации, забастовок и беспорядков.

В Индии иногда можно видеть человека, рот и нос которого закрыты повязкой. Это для того, чтобы в рот не залетел какой-нибудь комар или букашка (тогда это живое существо может погибнуть, и человек нарушит религиозный устав, то есть примет на себя грех).

Индийцы не едят ни мяса, ни рыбы, ни даже яиц. Исключение составляют мусульмане, проживающие в Индии, и некоторые другие национальности иного вероисповедания. Недостаток в белковых продуктах питания частично пополняется за счет импорта зерна из других стран. Индия вынуждена нести огромные валютные расходы, чтобы прокормить свой народ, в то время как по поголовью крупного рогатого скота она занимает второе место в мире, а 80 процентов населения составляют крестьяне.

До сих пор в некоторых индийских семьях, опять же по религиозной традиции, не едят даже картофель, морковь, свеклу, редиску и т. д., то есть все, что растет в земле, вернее, ниже поверхности земли. Можно есть горох, фасоль, пшеницу, орехи (кроме арахиса), арбузы, тыкву, фрукты, ягоды.

Хардвар как бы олицетворяет старую Индию.

И вот в семи километрах от Хардвара, около деревушки Ранипур, как бы в противовес прошлому, построен гигантский завод тяжелого электрооборудования с целым комплексом культурно-бытовых сооружений. Здесь, как в зеркале, отражается новая Индия и ее будущее. Хардвар и завод, которому недавно присвоено название Шастри-Нагар (город Шастри), — это два полюса. Свет и тень. Индия в прошлом и Индия в настоящем и будущем.

Строительство завода началось в 1964 году.

Проектирование главных производственных корпусов завода было поручено нашему ведущему проектному институту «Ленгипроэнергопром», проектирование кузнечного и деревообрабатывающего цехов, инженерного и административного здания, центральной заводской лаборатории, а также жилых поселков — индийской стороне. Все основное технологическое оборудование поставлял Советский Союз.

Кроме того, высококвалифицированные советские специалисты оказывали Индии техническое содействие в строительстве завода, монтаже и наладке технологического оборудования, проектировании и освоении производства изделий, выпускаемых заводом. В 1967 году завод дал первую продукцию для Индии, а позднее и на экспорт.

Пожалуй, ни одна отрасль индийской экономики не развивалась такими темпами за годы независимости, как электроэнергетика. В 1947 году мощность всех электростанций Индии составляла всего около двух миллионов киловатт. Сейчас она характеризуется цифрой 30 миллионов киловатт, а в ближайшие годы планируется довести ее до 44 миллионов. С помощью СССР в Индии построено несколько электростанций общей мощностью более трех миллионов киловатт. Однако нехватка электроэнергии ощущается даже в таких крупных городах, как Дели,Bombей, Калькутта. В Индии насчитывается более трехсот тысяч деревень, куда еще не дотянулись провода от электростанций. Вместе с тем, имеющиеся огромные гидроэнер-

гетические ресурсы ждут своего освоения. Среди них — мощный, многоводный, священный Ганг, берущий свое начало в Гималаях и несущий свои воды на протяжении трех тысяч километров в Бенгальский залив.

Когда-то Дж. Неру писал, что с незапамятных времен Ганг привлекал на свои берега миллионы людей. История этой реки с древнейших времен до сегодняшнего дня — это история индийской культуры и цивилизации, расцвета и падения империй, история человеческих дерзаний. Как и тысячи лет назад, катит свои воды по широкой долине величественный Ганг. Однако многое изменилось на его берегах за последние десятилетия. Из объекта поклонения и культа река все более превращается в друга и могучего союзника индийцев в их стремлениях к лучшему будущему. Говорят, что идея строительства завода-гиганта по производству электрооборудования для электростанций Индии принадлежит именно Дж. Неру.

Электроэнергия — это «живая кровь» для промышленности, строительства и сельского хозяйства, а без мощной базы по производству электрооборудования невозможно успешное развитие электроэнергетики. Вот почему значение завода, построенного в Индии при содействии Советского Союза, трудно переоценить.

Предприятие выпускает мощные паровые турбины и турбогенераторы, средние и крупные электрические машины постоянного и переменного тока для компрессорных установок, мощные краны, экскаваторы, прокатные станы металлургической и алюминиевой промышленности, тяговые двигатели для железных дорог и т. д. Кроме того, здесь налажено производство пускорегулирующей аппаратуры для укомплектования турбогенераторов, гидроагрегатов, электрических машин и систем их возбуждения. По всем этим видам изделий Хардварский завод тяжелого электрооборудования является одним из ведущих предприятий Индии и одним из крупнейших в странах Востока.

Завод занимает общую площадь 65,4 гектара, имеющую форму прямоугольника. Вокруг раскинулись поселки, в которых живут работники предприятия.

Завод имеет техническое училище, готовящее кадры рабочих и мастеров по всем специальностям, соответствующим характеру выпускаемой продукции; есть хорошо оборудованная больница с бесплатным амбулаторным и стационарным лечением работающих, начальные и средние школы; построены два клуба с кинозалами, один из которых предназначен для рабочих, другой — для инженерно-технического персонала. В клубе для инженерно-технического персонала имеются плавательный бассейн, душевые комнаты, библиотека, читальный зал, бильярдная комната, площадки для волейбола и баскетбола, комната для карточной игры (на «интерес»), буфет, в котором продаются сигареты, кока-кола, чай, кофе. Продажа спиртных напитков запрещена, так как завод находится в зоне действия сухого закона.

Завод и жилые поселки имеют хорошее водоснабжение, подземную канализацию, и ни одного храма. Разительный контраст с Хардваром.

На заводе работает около 10 000 человек. Более 200 инженеров и рабочих завода проходили стажировку на предприятиях Советского Союза — на ленинградских заводах: «Электросила» и Металлическом заводе имени XXII съезда КПСС, харьковских — электромеханическом и «Электротяжмаше».

Все цехи отличаются большой опрятностью и чистотой. В корпусах много света, хорошая вентиляция. В сварочном корпусе, где обычно много копоти и грязи, рабочие носят белую одежду, и, когда возвращаются домой после работы, среди них вы не отличите сварщика от сборщика, токаря или слесаря.

Вместе с тем на заводе вы можете увидеть нечто необычное, экзотическое. В производственных корпусах, как в привычной обстановке, обосновались... обезьяны, получили свои клички, и только остается поражаться, что ни одна из них не попала под высокое напряжение. Во внутривозовском транспорте используются не только

автомшины, но и черные буйволы. Эти медлительные животные могучи, как танки. Они обладают огромной силой, неприхотливы в пище и отличаются спокойным, уравновешенным характером.

Технологическое оборудование, установленное в цехах, самое современное, поэтому сейчас заводу практически посильны любые технические задачи в области создания нового электрооборудования.

Однако построить такой гигант и оснастить его мощным и высокопроизводительным оборудованием — это решение только одной проблемы. Вторая и, пожалуй, наиболее сложная — как организовать и задействовать весь этот сложный механизм, чтобы все его звенья работали ритмично и давали государству доход. Здесь было немало трудностей, и главная из них — обучение и специализация кадров.

Традиции, особенности воспитания, религиозные и кастовые влияния, принципы выдвижения кадров, условия приема и увольнения на работу порой очень сильно влияют на ход прогрессивного развития завода.

Здесь, к сожалению, нет пока единой целеустремленности инженерно-технического и руководящего персонала, с одной стороны, и рабочих масс — с другой. Слабо прививается чувство патриотизма к родному заводу, низка материальная заинтересованность в работе. Идет время — идут деньги. Прошел год — автоматически несколько вырастет зарплата. Молодой, но талантливый специалист не будет выдвинут на руководящую работу, поскольку на пути стоят барьеры в виде возраста, традиций и стажа работы. В стране существует несуразная система конкурса на вакантную должность. Любый человек может подать заявление для участия в таком конкурсе. Однако в данном случае мнение дирекции предприятия решающей роли не играет. Определение годности человека на ту или иную должность находится в руках человека, проводящего собеседование. Обычно это пожилые, а чаще престарелые люди, не имеющие никакого отношения к заводу и к той специальности, на которую претендует экзаменуемый. Сегодня этот «старейшина» испытывает конструктора, завтра ветеринара, а послезавтра специалиста по архитектуре. Вопросы задаются какие угодно, но меньше всего по специальности. Этот «психолог», наделенный «высшей проникновенностью», делает заключение: пригоден или непригоден. Решение обжалованию не подлежит. Без резолюции этого «спеца» на работу или на новую должность вас никто не имеет права оформить. А кто этот «спец»? Может быть, исходя из своей партийной принадлежности, он не заинтересован в комплектовании государственного завода хорошими кадрами? Противников развития госсектора немало, и среди них есть люди с высоким положением. Для противников социалистического развития Индии госсектор — это бельмо на глазу.

Материальные условия работающих на заводе тяжелого электрооборудования неплохие. Минимальная заработная плата около 300 рупий в месяц. Рабочий день 8 часов. Каждый работающий имеет оплачиваемый отпуск в течение 30 дней. Кроме того, 12 дней в году можно брать дополнительно для личных надобностей. Эти 12 дней также оплачиваются полностью. Получить компенсацию за неиспользованный отпуск законоположением не разрешается. Время болезни оплачивается в размере 100 % заработка, если общее количество больничных дней не превышает 15 дней в году, и 50 % — если таких дней 30.

Есть и другие льготы для работающих на государственных предприятиях. К ним относятся право на пенсию по возрасту или по случаю производственной травмы, льготные условия оплаты за квартиру и т. д.

Если установлено много формальностей и трудностей для оформления на работу, то уволиться с работы по собственному желанию никакого труда не представляет, а вот уволить нерадивого или лентяя — трудно. Здесь на пути стоят мощные барьеры узаконенного порядка, поэтому бороться за трудовую и исполнительскую дисциплину не так просто. Можно опаздывать на работу, можно прогуливать, можно и поволынить — на это администрация

смотрит сквозь пальцы, поэтому борьба за повышение производительности труда и уплотнение рабочего дня остается серьезной проблемой.

Работая в Индии, мы вкладывали душу, опыт, энтузиазм, знания в свое дело, как на своем родном, советском предприятии. И, по моим наблюдениям, наш пример заражал многих индийских инженеров и рабочих, и особенно молодежь.

В Индии на заводе тяжелого электрооборудования работала относительно небольшая группа уральских специалистов, и все они со свердловского завода «Уралэлектротрактормаш» имени В. И. Ленина. Индийцы с большой похвалой отзывались об уральцах, внесших немалый вклад в развитие самого крупного завода в Азии по производству электрооборудования. Откровенно говоря, работа на таком заводе с огромными техническими возможностями плечо к плечу с индийскими инженерами и рабочими представляла для нас большой интерес.

Все же я не могу не отметить ту горечь, которая возникала у меня, когда хорошие индийские специалисты увольнялись с завода и уезжали работать в США, Англию, Канаду. Страна дала им образование, Советский Союз предоставил щедрую техническую помощь, завод — практику. Специалист встал на ноги, и вместо того, чтобы отдать свой труд и знания индийскому народу, своей родине, поднимает паруса и летит в другую страну, польстившись на повышенные заработки. Возмущало меня и то, что в честь уезжавших специалистов на заводе устраивались помпезные банкеты. Здесь нам трудно было понять друг друга.

Наши встречи с рабочими ограничивались по преимуществу заводской обстановкой. Рабочие, как правило, не знают русского языка, плохо владеют английским, да и сказывался дух установившихся традиций. К своей технической интеллигенции рабочие, как правило, относятся более чем настороженно. Разность служебного положения на предприятии можно было видеть на каждом шагу. Демократические принципы во взаимоотношениях еще не стали нормой жизни. Критика снизу вверх считается противопоказанной. К управлению предприятием рабочие не привлекаются, их советов никто не спрашивает.

Как-то директор завода мистер Малик, открывая курсы повышения квалификации рабочих, пригласил меня принять участие в этом важном событии.

В большом зале находилось человек полтора десятка ведущего инженерно-технического персонала, а отдельно, в стороне, — человек пятьдесят рабочих. Я рассказал о том, что такое учеба и повышение квалификации каждого работающего на предприятии в Советском Союзе, что у нас не стесняются обучаться все, начиная с директора и кончая подсобными рабочими, и в заключение предложил организовать подобные курсы повышения квалификации для инженерно-технического персонала. Мою речь перевели на английский, а с английского на хинди, но, открыв рот говоря, я не уверен, что мой призыв был в точности переведен, да и был ли переведен вообще.

Кто же призван защищать права и интересы рабочих? Профсоюзы. Однако профсоюзы не имеют никакого отношения к профессии или отрасли народного хозяйства. Каждый профсоюз создается партийной организацией, то есть профсоюзы отражают интересы и идеи той или другой партии. Сколько партий в стране — столько и профсоюзов. Например, на заводе тяжелого электрооборудования законную силу имел только профсоюз партии «Индийский национальный конгресс». Вместе с тем имеются нелегальные профсоюзные организации и от других партий. Каждый работающий на данном предприятии может быть членом любого профсоюза.

Инженеры завода до недавнего времени вообще не имели права быть членами профсоюза и только недавно получили законное право на создание профсоюзной организации. Однако профсоюз для инженеров является исключением — он не имеет никакого отношения к той или другой партии. Этот профсоюз внепартийный и носит название «Всеиндийский профсоюз инженеров».

Отношения советских и индийских специалистов обычно приобретали характер личной дружбы и дружбы между семьями.

В клубе завода мы устраивали совместные вечера, концерты самодеятельности, спортивные соревнования. Здесь же проводились показы кулинарного искусства. Наши пирожки, пельмени, салаты, украинский борщ, торты пользовались у индийцев большой популярностью, особенно у мужчин. Женщины обычно спрашивали, нет ли в блюдах таких компонентов, как сало, мясо или яйца. По причине некачественного перевода часто вызывали восхищение именно те блюда, в которых оказывались и мясо, и яйца. Наши обычно интересовались, много ли перца, но ели все подряд и с завидным аппетитом.

Большой интерес вызывали выставки вязального искусства. Здесь наши женщины держали неоспоримое первенство. Зато в способности вязать в любых обстоятельствах индианкам не было равных. Они вяжут в кино, в машине, на прогулке. Вяжут как автоматы, под оживленный разговор, не глядя на свое изделие.

Как-то в воскресенье индийцы организовали большой базар, доход от которого должен был пойти нуждающимся в материальной помощи. Перед клубом на огромной зеленой площадке, огороженной условным забором, разместились разноцветные торговые палатки. В них продавались всевозможные изделия, поступившие в дар для ярмарки от индийских и наших специалистов: салфетки, вязаные изделия из шерсти, термосы, отрезки на платья, посуда, игрушки и т. д. Были палатки, где индианки продавали кулинарные изделия, приготовленные из собственных продуктов. Отдельно были палатки с кофе и чаем, холодными и горячими закусками, при этом последние делились на вегетарианские и невегетарианские.

«Напрокат» был выдан великолепный слон для увеселения детей. Голова и хобот его разрисованы индийским орнаментом. На спине, покрытой коврами, — платформа для пассажиров. На голове его устроился маленький «машинист» — индеец, легко управляющий огромным и умным «автомобилем». Чтобы забираться на этот «Казбек», привезли специальный трап, почти такой же, как для ИЛ-62. Дети в полном восторге, не скрывают своего стремления скорей забраться на живой Казбек, родители более сдержанно, но настойчиво стараются попасть раньше детей. Бездетные взрослые тоже не отстают. Некоторые из них берут в «аренду» чужих детей и уже как полноценные граждане лезут наверх, порой забывая своего «любимого ребенка».

Периодически в клубе устраивались фотоконкурсы, которые привлекали массу зрителей. Однако индийцы в конкурсах не участвовали, и вообще они мало фотографируют. Возможно, это объясняется тем, что все виды фотопринадлежностей в Индии очень дорогие, а особенно фотоаппараты.

Все большие советские праздники мы отмечали в клубе, приглашая наших индийских друзей, которые с удовольствием принимали участие в этих торжествах и помогали нам в организационных хлопотах.

С огромным успехом прошло празднование 100-летия со дня рождения В. И. Ленина. Кроме доклада, большого объединенного концерта, выставки, посвященной В. И. Ленину, где бесплатно раздавались всем желающим книги, журналы, значки и т. д., был устроен большой ужин.

Нужно отдать должное индийцам — они исключительно хорошие организаторы вечеров, концертов, докладов и других культурно-массовых мероприятий. Делается все быстро, продуманно, без суеты и шума, без длительных уговоров и всегда с большой долей оригинальности и хорошего вкуса. Особенно отличаются этим индианки. Надо видеть, какие художественные композиции составляют они из цветов, овощей, фруктов при сервировке стола. Делается все с любовью, каждому общественному поручению отдаются вся душа и сердце.

Мы встречались с индийскими друзьями не только на заводе и в клубе. Мы ходили друг к другу в гости, выезжали совместно на природу, и каждый раз оставалось

прекрасное впечатление от организованности, дружелюбия, выдержанности и спокойной рассудительности индийских товарищей.

Индийские праздники

Неизгладимое впечатление оставляют индийские праздники. Надо сказать, в Индии существует великое множество праздников, имеющих религиозную подоплеку. Законами государства число праздничных (нерабочих) дней резко ограничено.

Установлено 15 общенациональных праздников. Среди них такие, как День республики, День независимости, День рождения Махатмы Ганди, Дивали, Холи и другие. Кроме того, установлено 14 праздников, которые отмечаются как дни отдыха в отдельных штатах или группой людей, объединенных религиозной общностью.

Мы, подданные СССР, отдыхали в дни наших советских праздников и отмечали также индийские праздники вместе с трудящимися завода.

Величественное и незабываемое зрелище представляет празднование Дня республики. В этот самый большой для Индии праздник города, местечки и села украшаются гирляндами цветов, сотнями тысяч разноцветных электрических лампочек и опрятной разноцветной одеждой празднующих индийцев.

В День республики нам посчастливилось быть в Дели на параде. В этот день в столицу Индии прибывают организованные и неорганизованные массы народа из всех штатов страны. Многие приезжают накануне праздника и занимают с вечера места, чтобы полюбоваться парадом. Гостиницы забиты до предела. Беднота ночует на улице, размещаясь в парках, скверах, на обочинах дорог — кто как может и где придется. Зрителей собирается до двух миллионов.

И вот начинается праздник. Сперва в машине проезжает министр обороны, затем премьер-министр, а уже потом в роскошной старинной карете, запряженной шестеркой белых коней, президент республики. Он приветствует народ и занимает свое место на трибуне. Исполняется национальный гимн, и начинается парад. Его открывает конная лейб-гвардия. Красочная одежда, на головах великолепные тюрбаны и разноцветные флажки на длинных копьях. Проходят все рода войск. Каждый со своим оркестром. Впереди оркестра дирижер-фокусник. Он подбрасывает и ловит свою дирижерскую палочку длиной 2—3 метра, как цирковой жонглер.

Проходит кавалерия на верблюдах. Красочные костюмы всадников, разноцветное убранство гордо шагающих животных. Потом идут колонны самой тяжелой военной техники прошлого — воины на боевых слонах. Все переливается золотом, серебром, яркими красками. Их сменяет современная, более скромно одетая армия: настоящие стальные танки, пушки, стрелковые части, белоснежные горнолыжные войска, морские части, санитарные службы, а в воздухе с ревом на малой высоте проносятся звеньями сверхзвуковые истребители. Вверх устремляются причудливые цветные ракеты и десятки тысяч разноцветных воздушных шаров. Куда смотреть, что успеть сфотографировать в этом удивительном калейдоскопе? Вокруг — небародное воодушевление, а над головой — голубое небо и золотое солнце.

Сразу же за военным парадом начинается грандиозный гражданский парад. Каждый штат возглавляется головной машиной. Собственно, машины не видно — кажется, плывет на малой скорости целый штат на колесах. Уму непостижимо, сколько выдумки и красок. В этом плывущем многоцветье отражена экономика, культура, история, национальные обычаи, техника, производство, ремесла, торговля. За головной машиной штата движется его делегация в национальных костюмах, с музыкой и танцами.

Проходят пастухи из Кашмира, охотники штата Ассам, потрясающие копьями и стреляющие из лука, красавицы девушки, украшенные цветами с Андаманских островов...

После парада улицы Дели покрываются внушительным слоем банановой кожуры, апельсиновыми корками, стаканчиками из-под мороженого, бумажками, пакетиками, но через полтора-два часа все убрано, очищено, вымыто. Уставшие зрители располагаются на лужайках, газонах в парках и скверах, чтобы позавтракать и отдохнуть.

На улицах «мудрые» попугаи предсказывают судьбу, вынимая «с гарантией правды» билетик, на котором написано, что ждет вас в будущем. Ученые медведи и обезьяны демонстрируют свои цирковые достижения, а стальной удав, кажется, вот-вот задушит заклинателя, но в последний момент разжимает свои тиски. Таксы на зрелища нет. Кто сколько даст. Бездна лоточников с пряностями, сладостями, мороженым, орешками, кешью, кукурузой, прохладительными напитками. Очереди нет. Торговля успевает справляться с запросами покупателей.

Интересен праздник Онам. Согласно древней легенде, в этот день король Кералы Махабали посещает свое королевство и знакомится с жизнью народа. Люди делают вид, что они счастливы, богаты и здоровы. В этот праздник они надевают яркие желтые одежды. Глава семьи дарит новую одежду членам ее. Все веселятся, поют, танцуют, а король, видя такое зрелище, возвращается в свои райские чертоги, довольный, что его королевство является страной изобилия.

Тягой к иллюзии благополучия, жаждой веры в лучшее будущее, которое принесут боги, а не сам человек, объясняется живучесть этих праздников в современной Индии.

Самый веселый и забавный, а вместе с тем самый неразумный, с санитарной точки зрения,— это праздник Холи. Празднуется он в марте. Из древней литературы известно, что раджитиращ по имени Кашепу не верил в бога и приказывал в своих владениях убивать всех, кто упоминает бога Раму. Однако его сын Прохлада поверил в бога Раму и тем самым страшно разгневал отца. Убедившись в неисправимости своего сына, раджа приказал своей сестре Холи надеть волшебное платье, которое якобы не боится огня, и броситься с Прохладой в костер. Когда костер догорел, все увидели, что Прохлада, верящий в бога Раму, остался цел, а Холи сгорела.

В этот день президент и батрак, миллионер и нищий, академик и мусорщик — все встречающиеся начинают красить друг друга с ног до головы. Краской поливают, втирают ее в лицо, волосы, уши. Посыпают красящими порошками друг друга. Краски въедаются в волосы, лезут в глаза, рот, уши, за шиворот. Никто не может уклониться от раскрашивания — это будет оскорбительно и непочтительно. Пытающихся увильнуть догоняют и с еще большим энтузиазмом красят.

Праздник Холи настолько демократичен, что в этот день жена может побить палкой своего мужа и излить весь годичный запас обид, что в другие дни года непозволительно.

Праздник Холи я пережил дважды. Первый раз мы были на экскурсии в Джайпуре. Запасной одежды у меня не было. Я заперся в номере отеля и не выходил до обеда. Мои друзья решили принять участие в этом празднике. Они вернулись в отель, похожие на всех чертей.

Второй раз я был в праздник Холи в своем городке, и на этот раз сам вооружился красками и смело пошел навстречу празднику. Чем агрессивнее я был, тем меньше меня красили. Однако все равно и мне досталось. Сильнее всех были раскрашены многослойным методом и во все цвета радуги наиболее видные и известные фигуры нашего городка — руководитель советских специалистов, его первые заместители, а с индийской стороны — директор завода, главный инженер, начальник производства и другие известные и популярные личности. В полдень раскраска прекращается. Все идут

домой, отмываются, переодеваются и направляются друг к другу в гости.

Больше всего мне, как человеку, связанному с производством, понравился праздник, посвященный богостроителю Вшиакарма, отмечаемый 17 сентября. Хотя официально праздник не является днем отдыха, большинство заводов в этот день не работает. По существу, это праздник труда, и я расскажу о нем несколько подробнее.

Накануне праздника рабочие собирают деньги, закупают цветы, всевозможные украшения, готовят пакетики со сладостями. Цехи празднично убирают. Станки тщательно чистят и украшают цветами, разноцветными лампочками, фонариками. В цехах устраиваются витрины с фотографиями из производственной жизни. В центре каждого цеха сооружаются своеобразные иллюминированные сцены, которые украшаются особенно красочно. В глубине сцены помещают бога-строителя в виде скульптуры или портрета, а иногда роль бога выполняет живой человек. Для этой цели подбирают рабочего с хорошим телосложением, приклеивают ему белые усы и окладистую бороду. Этот сидящий живой бог — ноги калачиком, по пояс голый и с поднятными мускулистыми руками — выглядит очень эффектно. Перед сценой пол покрывают коврами — на них располагаются рабочие во время молебна.

В день праздника громкоговорители неистовствуют, передавая самые разнообразные музыкальные произведения, начиная от популярных песен из кинокартин и кончая божественными песнопениями. На сценах-помостах сидят приглашенные из Хардвара святые и читают перед микрофоном священные книги и проповеди, время от времени подкладывая в глиняные горшочки с углями какие-то ароматические специи. Рабочие — они сидят босиком, так требует ритуал — внимательно слушают.

В день праздника ворота завода гостеприимно открыты для семей рабочих. Взрослые и дети приходят в нарядной одежде, с большим интересом рассматривают станки, на которых работают их отцы, мужья и братья, знакомятся с выпускаемой продукцией. Индийские друзья рассказывали мне, что дома жены нередко спрашивают у своих мужей, каково здоровье их станков, хорошо ли они с ними обращаются.

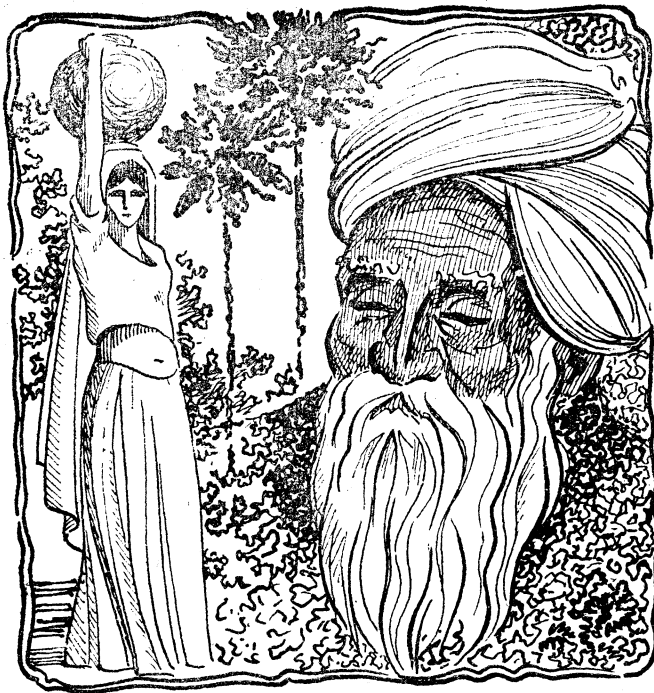
Я трижды участвовал в празднике бога-строителя и всегда с большим удовольствием отмечал, с каким энтузиазмом, выдумкой и организованностью он проводился. Как-то особенно отличились рабочие инструментального цеха. Они посадили на сцену оригинального робота. В одной руке он держал напильник, а в другой молоток. Через определенные промежутки времени глаза робота загорались каким-то демоническим огнем и в тот же миг устрашающе поднимались его огромные усы. Но как только потухал огонь и опускались усы, начинал бить по наковальне молоток. Все это рабочие придумали сами и сделали без чьей-либо помощи.

Что же касается религиозной окраски праздника, то это скорее — традиционный антураж, чем проявление религиозного фанатизма.

В деревне

Как-то глубокой зимой, когда температура днем опустилась до плюс 24 градусов, через наших индийских друзей на заводе мы получили приглашение побывать в деревне. Старейший житель этой деревни Натха Сингх и члены его семьи очень хотели повидать советских людей с родины Ленина. Нам тоже было интересно побывать в глухой индийской деревеньке, познакомиться с крестьянами.

Собралось нас человек 14, в том числе три женщины. Захватив с собою книги, открытки и некоторые другие предметы для подарков, ранним декабрьским утром на арендованных велосипедах мы двинулись в путь.

Деревенька оказалась небольшая. Домики разбросаны в беспорядке, как и во многих деревнях Индии. Оказалось, что в ней живут сикхи, которые были переселены во время отделения Пакистана от Индии.

Нас, конечно, ждали. На краю деревни мы увидели зеленый лужок и огромное тенистое дерево манго, а около дерева — красочную толпу крестьян, состоящую из мужчин и детей, женщин не было. Впереди толпы выделялся наш гостеприимный хозяин — величавый старик лет 75—80, с густой белой бородой, черными глазами, в чалме. Он приветствовал нас, произнося слово «намастэ» с какой-то особой теплотой.

За ним стояли молодые рослые парни — оказалось, его сыновья и племянники. Они были, как и положено сикхам, бородатые, черные, в чалмах, от пояса и ниже завернуты в кусок длинной материи, образующей что-то вроде длинной юбки до самых пят. Трое из них были, словно три мушкетера, с охотничьими двуствольными ружьями. Дальше находились разных возрастов родственники, старики и односельчане, а кругом на нас смотрели десятки пар пронзительных глазенок ребятишек.

Старик был очень растроган. Он говорил, что этот день для него — один из самых светлых дней в его жизни. Он увидел у себя, в глухой деревне, впервые настоящих живых посланцев Ленина. Впоследствии оказалось, что он далеко не простой крестьянин. Его кругозор, взгляды на социальные стороны жизни России и Индии были достаточно прогрессивны. Он был знаком с трудами Ленина, с историей России, начиная с Октябрьской революции. Знал первые декреты Советской власти и этапы последующей жизни нашей страны. Старик говорил: «Кто освободит Индию от нищеты? Не кучка миллионеров. Кто нас лечит? Джунгли, а не врачи, которые требуют у нас денег, а их нет у бедняков. Кто может получить образование в Индии? Только не мы. Я верил когда-то в бога и его всемогущество. Я молился, просил помощи и счастья, а он полагает и внемлет молитвам только богатых. Зачем нам такой бог?»

После паузы продолжал: «И молодой, и старый живут мечтами. Моя мечта, конечно, несбыточная, но право мечтать никто отобрать не может. Если бы я мог своими глазами посмотреть на вашу великую страну, где родился, творил и умер великий Ленин!».

Целый день мы провели в гостях у наших новых знакомых. Простота, искренность, радушие нас покорило.

На одной из полянок наши хозяева устроили концерт пенджабской самодеятельности. Особенно отличился паренек лет пятнадцати. Он исполнял народные танцы и пел на пенджабском языке песни своего штата. Сколько выразительности, задора и экспрессии! Богатейший репертуар песен! Ему подпевали и подплясывали другие. Все это сопровождалось громом аплодисментов и стрельбой из охотничьих ружей.

Танцевал паренек, как и подобает при исполнении танцев в Индии, босиком, однако ступни ног не были покрашены в красный цвет, что обычно мы видели у исполнителей танцев на профессиональной сцене. В ярко-красный цвет были покрашены только ногти пальцев рук. У некоторых других мужчин — не танцующих — ногти на руках были также намааникюрены.

Под огромным манговым деревом на столах нас ожидал отварной рис, баранина в соусе со специями, лепешки из пшеничной муки. Кроме того, стояли бутылки с приятным напитком золотистого цвета, приготовленным из сахарного тростника.

Мы, конечно, понимали, что такой шикарный обед — далеко не частое явление в этой деревне, но таковы законы гостеприимства.

Теплым речам, тостам, вопросам и ответам не было конца.

По индийским обычаям, индианок за столом не было. Они готовили блюда. Обслуживали гостей молодые индийцы. Мне объяснили, что приготовление пищи — это благородный удел женщин, а обслуживание гостей — несколько унижительная работа для них. У сикхов подчеркнутое уважение к женщине, и особенно к матери, но почему они все-таки не находились за столом, мне трудно было понять.

Расставались очень трогательно. Теплые пожелания, слова благодарности, крепкие объятия и рукопожатия, салют из охотничьих ружей. Мы пригласили наших гостеприимных друзей приехать к нам, чтобы ближе познакомиться с нашими советскими людьми, заводом, клубом, школой и, конечно, с нашими блюдами домашнего приготовления.

В моих глазах до сих пор стоит живой образ Натха Сингха. В нем достоинство и мудрость, вдумчивое выражение умных глаз и какая-то грусть, как мне показалось, от неосуществленной мечты, за которую он боролся всю жизнь, в которую верит и сейчас.

Намастэ

«Намастэ» — это первое слово, которое мы услышали в Индии, когда наш лайнер ИЛ-62 приземлился в дельтском аэропорту Палам. «Намастэ» было последним словом, которое мы слышали на гостеприимной индийской земле перед возвращением на Родину.

Если вспомнишь, что звучное и мелодичное слово это сопровождается приветливой улыбкой, а руки складываются ладошками внутрь при легком поклоне, — на душе становится солнечно и радостно.

«Намастэ» — это приветствие, «здравствуйте». «Намастэ» — это «до свидания». Я уезжал из Индии с радостью и грустью. С радостью потому, что возвращался на Родину, на свой завод, к своим детям и друзьям. И в то же время мне было грустно. Жаль было расставаться с индийскими друзьями, с которыми был связан общими интересами. Завод-гигант формировался на моих глазах, при мне рождались первые машины. Работая плечо к плечу с индийскими друзьями, я вместе с ними гордился успехами и огорчался неудачами. Уезжая из Индии, я увозил с собой глубокую веру в ее прекрасное будущее.

ДЕМИДОВСКИЕ ПРЕМИИ

**Николай
МЕЗЕНИН**

Шведский инженер А. Нобель в 1867 году взял патент на взрывчатое вещество, названное динамитом, затем основал в ряде стран — Швеции, Германии, Франции и других — фабрики по производству взрывчатых веществ. Часть огромного состояния он завещал для учреждения пяти ежегодных премий за важнейшие исследования в области физики, химии, физиологии и медицины, за лучшие произведения изящной словесности и за труды, ведущие к осуществлению идеи мира и сближения народов.

Уральские заводчики Демидовы тоже были баснословно богатыми. Часть денег, заработанных за счет беспощадной эксплуатации крепостных, они тратили и на благотворительные цели. Конечно, не филантропия была целью Демидовых. Занимаясь благотворительностью, они еще раз напоминали о своей фамилии, были на виду у власть имущих, тешили свое тщеславие...

Демидовы вышли из тульских кузнецов, в 1720 году стали дворянами, в конце XVIII века вошли в круги высшей аристократии и знати. Они основали около полусотни заводов, на которых выплавлялось сорок процентов чугуна в России и выделялось знаменитое на весь мир уральское железо с маркой «Старый собо́ль».

Большой знаток истории родного края П. П. Бажов даже заступался за первых Демидовых: «Конечно, трудно от них народу приходилось, и большие деньги они себе заграбастали, только и дело большое поставили и умели не то что в большом, а и в самом маленьком полезную выдумку поймать и в ход пустить».

А сделали первые Демидовы немало. Они сумели наладить массовое производство ружей, в 5—6 раз дешевле зарубежных. В Полтавском сражении победили не только доблесть русского солдата, смелость полководцев, но и новое огневое оснащение русской армии, что было заслугой Акинфия Демидова. По качеству железо Демидовых было лучшим в мире. Благодаря энергии Демидовых Россия в короткий срок освободилась от импорта железа и сама стала его экспортировать...

В 1831 году Павел Никитич Демидов (1798—1840) учредил так называемую Демидовскую премию.

Ежегодно он обязался вносить на это по 20 000 рублей ассигнациями.

Тогда в России большинство премий за научные труды присуждала Академия наук. Первой из них считалась Демидовская премия. Она назначалась Академией наук по всем отраслям знаний. Полные премии были по 5000 рублей ассигнациями и второстепенные — по 2500 рублей. Выделялись также деньги на издание рукописей научных трудов.

Согласно положению о премиях, П. Н. Демидов, «желая содействовать к преуспеянию наук словесности и промышленности в своем отечестве, жертвует ежегодно по жизни своей и еще по кончине своей, в течение двадцати пяти лет, начиная с нынешнего 1831 года, сумму двадцать тысяч рублей банковыми ассигнациями с тем, дабы из оной назначаемы были ежегодно награды... авторам отличнейших сочинений, коими в течение предшествовавшего года обогатилась российская словесность».

Вот некоторые параграфы Положения о премиях (с сохранением стиля того времени).

Все действительные члены Академии наук исключались от соискания наград. На получение ее могло притязать оригинальное, напечатанное на русском языке, сочинение, хотя бы автор оного был иностранец. Предмет сочинения мог быть заимствован из различных отраслей человеческих познаний или приложения оных к потребностям житейским. Врачебные науки и различные отрасли промышленности не должны быть допускаемы из виду при определении премий.

К состязанию принимались:

1. Оригинальные творения о всех отраслях человеческих познаний, как и приложений оных к пользам общественным, не исключая и простых, менее пространных рассуждений, если сии последние обогащают науку каким-нибудь новым, важным открытием.

2. Сочинения о теории изящных искусств и словесности.

3. Новые полезные изобретения или открытия на поприще промышленности, с подробным их описанием и с приложением, буде признается нужным, достоверных свидетельств в том, что польза сих изобретений или открытий уже опытом дознана.

4. Учебные книги, излагающие полную систему какой-либо науки и могущие стать на ряду с лучшими сочинениями сего рода как в России, так и в чужих краях.

5. Ученые путешествия. Словари научные. Словари, излагающие историю какой-либо науки.

6. Пространные грамматики русского языка. Словари с толкованием на русском языке и др.

Книги, писанные на новейших иностранных языках, могли состояться в награде только тогда, когда рассуждали о предмете, имеющем непосредственное отношение к России.

Удостаиваемые награды сочинения непременно должны быть напечатаны в России. Печатанные за границей могут быть допускаемы, если они писаны по-русски.

Интересно отметить, что по инициативе Академии наук были учреждены также медали за дельные рецензии, помогающие по достоинству определить лауреатов.

Первое присуждение Демидовской премии состоялось в 1832 году на общем собрании Академии наук. С торжественной речью выступил ее президент. Всего на конкурс поступило 13 сочинений.

Тридцать четвертое и последнее присуждение учрежденных П. Н. Демидовым наград состоялось в 1865 году. За все годы, начиная с 1832-го, Академия рассмотрела 903 сочинения.

Глядя теперь на список лауреатов Демидовской премии, мы видим, какие сочинения прошли проверку временем; какие авторы заняли почетное место в истории отечественной науки. В целом это — когорта славных деятелей науки и техники, оставивших заметный след в развитии русской культуры, исторических и естественных наук, промышленности.

Четырежды, в 1840, 1843, 1850 и 1859 годах, высшей награды Российской Академии наук был удостоен великий хирург Н. И. Пирогов. Ему были присуждены три полные и одна половинная премии. В рецензии, в частности, отмечалось новаторское значение трудов Пирогова. «В настоящее время существуют искусные хирурги, которые не уверены в пользе хирургической анатомии, а некоторые (в Германии) даже в кафедре горюют о ее бесполезности. Цель автора не только опровергнуть это во все неосновательное, по убеждению его, мнение, но и пополнить трудом своим весьма ощутимый недостаток в хирургической литературе».

По разделу биологических наук в 1862 году получил премию профессор Петербургской медико-хирургической академии И. М. Сеченов за курс лекций «О животном электричестве». При ее вручении молодого ученого характеризовали как глубокого знатока дела, который «может... со временем поставить свое имя наряду с

именами лучших иностранных электро-физиологов». Предсказание сбылось. Уже в следующем году И. М. Сеченов опубликовал свои знаменитые «Рефлексы головного мозга».

Молодой доцент Петербургского университета Д. И. Менделеев вернулся в феврале 1861 года в Петербург из Европы, куда он ездил для усовершенствования в науках. Найти преподавательскую работу в середине учебного года не удалось. Решил издать учебник органической химии, положив в основу его записки и конспекты курса, читанного им в университете. Издательство «Общественная польза» приняло его предложение, и автор написал учебник всего за три месяца. В том же году он вышел из печати и был представлен к соисканию на Демидовскую премию. «Органическая химия» Менделеева была награждена полной премией — за редкое явление самостоятельной обработки науки в форме учебного руководства.

Профессор Казанского университета, химик и ботаник К. К. Клаус в 1844 году получил из Петербургского монетного двора около 15 фунтов заводских платиновых остатков. Анализируя их, Клаус открыл последний из элементов платиновой группы — рутений (назван в честь России). Ученый получил металл в чистом виде, изучил его химические свойства и определил атомный вес.

Открытие, принесшее Клаусу всемирную известность, было представлено в виде сочинения «Химическое исследование остатков уральской платиновой руды и металла рутения», увенчано полной премией.

Любопытно отметить, что Клаус проводил опыты с нижнетагильской платиновой рудой с принском Демидовых. Платина в России впервые была найдена на Урале еще в 1819 году. Пять лет спустя на склоне горы Благодать, а позже и в Нижнетагильском округе были открыты чисто платиновые россыпи. В 1828 году на Урале добывали неслыханное по тем временам количество платины — 1550 килограммов в год.

В группе математиков-лауреатов премии самое выдающееся имя — П. Л. Чебышев, которого по праву считают отцом современной теории механизмов.

В детстве Чебышев часами мастерил разного рода деревянные механизмы. Он изготовил водяную и ветряную мельницы со всеми их передаточными механизмами. Страсть к изобретательству и конструированию у него сохранилась на всю жизнь.

В 16 лет он уже стал студентом математического отделения Московского университета. Через год после окончания университета Чебышев принял предложение работать на кафедре Петербургского университета. В 1849 году защитил докторскую

диссертацию «Теория сравнений», составившую одну из глав современной теории чисел. Эта работа и была представлена Демидовской комиссии.

П. Л. Чебышев — основатель петербургской математической школы, многое сделал в области теории чисел, математического анализа, теории вероятностей. Большинство проблем, которыми занимался выдающийся математик, отличались практической ценностью. В частности, он написал работу «О кройке одежды»: казалось бы, что это сочинение имеет мало общего с так называемой чистой математикой. Но Чебышев, занявшись частным вопросом кройки одежды, обосновал практическое применение закона о функциях. Именно практическая ценность научных работ его принесла ему мировую славу.

Инженер Д. И. Журавский получил Демидовскую премию в 1855 году за результаты девятилетних исследований в мостостроении, которые произвели настоящую революцию в этой области. Его расчеты легли в основу проектирования мостов железной дороги Петербург — Москва, его труды многие годы служили главным пособием для строителей и проектировщиков.

В положении, как уже было сказано, оговаривалось, что премии могут быть вручены за «ученые путешествия». Начиная с 1803 по 1866 год, до продажи царским правительством владений в Северо-Западной Америке Соединенным Штатам, русские моряки и ученые предприняли 36 кругосветных плаваний, которые оставили неизгладимый след в истории мирового кораблевождения. И первым из них было кругосветное плавание Ивана Федоровича Крузенштерна (1776—1846).

7 августа 1803 года корабли «Надежда» и «Нева» подняли паруса и вышли из Кронштадта в открытое море. На капитанском мостике «Надежды» стоял И. Ф. Крузенштерн, «Невой» командовал его друг Ю. Ф. Лисянский.

Экспедиция прошла Балтийское и Северное моря, вышла в Атлантический океан и взяла курс на юг вокруг Америки. Пройдя Мадагаскар, корабли направились на северо-восток. По дороге русские посетили Яву, Борнео, Филиппины и наконец пристали к берегам Японии. После короткой остановки в Петропавловске-на-Камчатке взяли курс к Гавайским островам, посетив по пути Аляску.

Во время путешествия И. Ф. Крузенштерн собирал материал для важного труда, над которым в то время работал. Этот труд и был признан, наряду с другими географическими открытиями Крузенштерна, достойным полной Демидовской премии в 1832 году.

Пытливые исследователи устрем-

ляли свой взор не только в заокеанские дали. Немало белых пятен таила и карта России, в частности, наш край. В 1846 году экспедиция для исследования Северного Урала была разрешена советом Русского Географического общества. Полковнику Э. К. Гофману поручили управление ею и проведение геологических и минералогических наблюдений.

Одним из главных открытий экспедиции было то, что Урал не достигает Карской губы, а напротив того — верстах в 50 к югу от нее внезапно вместе с горой Константиновым Камнем (ныне Море-Из) отклоняется к тундре и что простирающийся к южному берегу низкий хребет Пай-Хой совершенно отделен от Урала широкою низью и резко отличается от него как своим направлением, так и видом. Было определено точное географическое положение Северного Урала, его исход к Ледовитому морю, внешний вид, геологические свойства и гидрографические данные, изучены флора и фауна.

Описание путешествия и его результатов вошло в сочинение «Северный Урал и береговой хребет Пай-Хой». Авторами были астроном М. А. Ковальский и геолог Э. К. Гофман. Оба они были удостоены премии. Рецензент академик Отто Струве в числе многих достоинств авторов заметил, в частности, что они побывали в пунктах, «прежде по большей части не посещаемых образованными путешественниками». Это говорится о местах, которые лежат между 60 и 70 градусами северной широты, где сейчас расположены индустриальные города Североуральск, Красновисерск, Ивдель, рабочие поселки Полуночный, Маслово, Северный.

Кстати, Мариан Альбертович Ковальский (1821—1884) в 1855 году снова получил Демидовскую премию за свою докторскую диссертацию — «Теория движения Нептуна», в которой он рассчитал орбиту недавно открытой планеты.

В особом ряду среди лауреатов Демидовской премии стоит уральский умелец В. И. Рожков — выдающийся русский гидротехник, автор первого трактата о плотинах на русском языке и пионер отечественного гидротурбостроения. Самым ценным и долговечным памятником В. И. Рожкову стала созданная им и носящая его имя двойная гидротурбина, построенная в 1856 году и поставленная на Екатеринбургском монетном дворе. В своей книге «О гидравлическом горнозаводском хозяйстве», отмеченной отзывом, В. И. Рожков описывает способы образования запасов рабочей воды, расход ее, говорит о построении деревянных плотин и устройстве водопроводов. В то время, когда вода была главной энергетической силой на заводах, труд Рожкова был чрезвычайно нужным.

Весьма скудны сведения об удивительном и единственном в своем роде лауреате Демидовской премии, крепостном графе Строганова Николае Рогове. Он, простой лесничий, представил рукопись «Опыт грамматики пермяцкого языка».

В рассказе о Демидовских премиях есть печальная страница. Премия не досталась автору, вполне достойному ее, — П. П. Аносову.

Работа Аносова «О булатах», опубликованная в 1841 году, рассматривалась в качестве претендующей на премию в 1842 году. Рецензия была поручена двум академикам — А. Я. Купферу и Б. С. Якоби. К сожалению, они отметили, что рукопись Аносова содержит не все подробности в описании открытия, что было бы неверно, если бы Академия признала публичное денежное вознаграждение открытию, которое не для каждого ясно, и есть сомнение, что изобретатель утаил часть секрета... И П. П. Аносов был удостоен лишь почетного отзыва.

Через 25 лет Д. К. Чернов повторил некоторые опыты Аносова и, руководствуясь его сочинением «О булатах», приготовил прекрасные образцы булата. Златоустовская булатная сталь прославилась на весь мир, ей не было равной.

По разделу педагогических сочинений в 1837 году получила половинную премию А. О. Ишимова (1806—1881) за книгу «История России в рассказах для детей». Это имя связано с А. С. Пушкиным, ибо именно ей послал последнее, написанное в день дуэли письмо великий русский поэт.

27 января 1837 года А. С. Пушкин, уже зная о предстоящей вечером дуэли, работал в кабинете. Он читал, подбирая материалы для «Современника» — прежде всего ему нужно было закончить редакционные дела. Писательница Ишимова согласилась перевести сцены английского поэта Барри Корнуоли. Пушкин отметил пьесы, особенно близкие ему, завернул книгу в плотную серую бумагу, надписал адрес и быстро набросал сопроводительную записку — свое знаменитое последнее письмо Александре Осиповне Ишимовой: «...Вы найдете в конце книги пьесы, отмеченные карандашом, переведите их как умеете — уверяю вас, что переведете как нельзя лучше. Сегодня я нечаянно открыл вашу историю в рассказах и поневоле зачитался. Вот как надобно писать!»

Выше перечислены далеко не все русские ученые, получившие Демидовскую премию. Но и неполный рассказ о тех, кто назван, свидетельствует, что Демидовские премии составляют славную страницу в истории русской науки.

Летал

На железной мухе

Некоторые машины, скажем, паровоз, автомобиль и самолет имеют довольно-таки забавные прообразы. Паровозы поначалу кое-где строили с зубчатыми колесами. Полагали, что на гладких колесах далеко не уедешь — забуксуешь. Англичанин Брунтон даже пытался поставить паровоз на ноги. Однако слишком уж было сложно отладить систему рычагов. Словом, стопоходящий паровоз так и не пошел. Кстати, идея эта продолжает волновать умы изобретателей.

Еще Леонардо да Винчи обдумывал конструкцию автомобиля. А голландский физик Стевин еще в 16 веке осуществил движение повозки без помощи лошадей и других живых двигателей, а под парусами ветромобиль бежал с неплохой скоростью — 30 километров в час. И все же он был бесповоротно забракован. Правда, спортсмены иногда отправляются в путешествия на автомобиле под парусом.

Больше всего курьезов — в истории воздухоплавания. Это и аэростаты с веслами и парусами, с бьющими, как у птиц, крыльями, с рулями, словно у бригантины, с хвостом рыбы. В 1789 г. австриец Кайзерер издал книгу «О моем изобретении управления аэростатом с помощью орлов». Вместо пропеллеров пытались также использовать и голубей. Архит Тарентский, друг Платона, еще за 300 лет до нашей эры придумал искусственного голубя, чтобы, разумеется, летать на нем. Ученый Миллер в средние века делал железную муху и орла, на которых он якобы летал.

Как бы то ни было, но после курьезных паровоза, автомобиля, самолета появились и настоящие. Как видите, в технике тоже бывает, что от смешного до великого всего один шаг. А потому смейтесь, если представится случай, над необычным, новым, но не зло смейтесь. Зло тормозит прогресс...

А. КОПАЙСКИЙ

РОЛИ ЕВГЕНИЯ ЧЕРВЯКОВА

**Даниил
ЧЕХОВСКОЙ**

Известный советский режиссер, кинодраматург и актер Евгений Червяков театральное образование получил в родной Уфе, окончив Студию драматического искусства. Работал режиссером и актером в уфимском театре, а в 1926 году переехал в Ленинград. Здесь поставил фильмы «Девушка с далекой реки», «Крест и маузер», «Мой сын», «Золотой клюв», «Города и годы», «Заключенные». В некоторых из этих фильмов Е. Червяков — автор сценария, режиссер и исполнитель главной роли.

В первые дни Великой Отечественной войны Евгений Вениаминович Червяков ушел добровольцем на фронт. Участвуя в героической битве за Ленинград, он пал смертью храбрых...

В тяжелую осень и зиму 1941 года, когда только тучи да ладожский лед связывали город с Большой землей, на Ленинградском фронте много говорили о некоем молчаливом «немецком полковнике», который действовал на южном берегу Невы. В сумерках на черном штабном «хорхе» в сопровождении нескольких солдат в формах эсэсовцев он появлялся в расположении вражеских тыловых частей, у штабов, складов боеприпасов... На его требовательные команды выбегали немецкие тыловые начальники, готовые докладывать или выслушивать разносы. И тогда в них летели гранаты, автоматные очереди косили фашистов. А «хорх» исчезал по лесной дороге...

В фронтовых землянках у огня рассказывали, что в полковничьем мундире действовал во вражеском тылу отчаянный партизан, что распознать в нем русского было трудно — то был актер по профессии, и свою роль он играл уверенно. Фамилия его якобы Червяков. И для убедительности рассказывавший доставал из кармана фронтовую газету, где описывались эти подвиги партизан...

Уточнить достоверность рассказов я не мог ни тогда, ни после.

...В январе 1942 года я, тогда военный шофер, вез в составе небольшой колонны грузовиков мины в одну из стрелковых частей, в район населенного пункта Погостье. Во время выгрузки боеприпасов налетели «Юнкерсы» и, пикируя, начали бомбить и обстреливать колонну. Взрывной волной меня отбросило с дороги, осыпало землей и камнями. На помощь подбежали товарищи, сержант, возглавлявший нашу колонну, поднимая меня, крикнул: «Чеховской! Жив?!»

Открыв глаза, я увидел склонившегося ко мне командира лет сорока пяти, он слышал окрик сержанта и спросил добродушно:

— А что, борец Якуба не твой ли отец?..

— Да, отец... — откликнулся я через силу.

Он обнял меня за плечи, сказал, что знал нас с братом еще детьми, и назвался кинорежиссером Евгением Червяковым.

Я не мог тогда вспомнить отчества Червякова и назвал его старшим лейтенантом — три кубика на петлицах виднелись под расстегнутым воротником телогрейки. Из головы моей сочилась кровь, от контузии тошнило. Червяков вызвал санинструктора. Пока тот бинтовал мне голову, Червяков рассказал, что прибыл в эту часть недавно после госпиталя, где лечился от ранения, полученного в партизанском отряде. Расставаясь, я пообещал, что при первой возможности приеду в его часть.

Недели через три, когда рана зажила, меня действительно послали с грузом боеприпасов в ту самую часть. К этому времени я вспомнил

**Е. Червяков
Ленинградский фронт,
январь 1942 года.**

отчество Червякова и предвкушал интересную встречу. Вспомнил я и то, что Червяков в числе многих фильмов немого кино поставил «Города и годы», где одну из типажных ролей исполнял мой отец. А вот фильм «Заключенные», поставленный Червяковым в конце тридцатых годов, мы, мальчишки, смотрели по десятку раз — уж очень нам нравился Костя-капитан в исполнении замечательного актера Астангова...

Нашей встрече, к великому сожалению, не суждено было состояться. В штабе стрелкового батальона я узнал, что при попытке выбить противника с выгодных позиций 16 февраля 1942 года старший лейтенант Евгений Вениаминович Червяков был тяжело ранен в живот и на следующий день скончался. Было ему 42 года. По трагическому совпадению, у него было такое же ранение, от которого ушел из жизни великий Пушкин, роль которого полтора десятилетия назад исполнял Е. Червяков.

В конце шестидесятых годов одна из передач Центрального телевидения была посвящена творчеству Червякова, она заканчивалась фразой: «Без имени Евгения Червякова немислима история советского кино».

История Великой Отечественной войны была бы неполной без имен таких воинов-патриотов, как Евгений Вениаминович Червяков.

ОСЕДЛАТЬ КОНЯ

Руслан
ЛЫНЕВ

Дорогая редакция! Страстно желаю заниматься в школе верховой езды. К этому решению подтолкнула Олимпиада-80. Соревнования конников были самыми захватывающими! Расскажите об этом виде спорта, о тренерах-конниках...

Елена КРУТИХИНА,
г. Кустанай.

В старое время о силе человека могли сказать так: «Он подковы гнет». Нынче такое большая редкость, потому что где вы найдете подкову? И в утешение остается разве: «Были когда-то и мы рысакими».

Недавно я повстречал человека, умеющего лошадей подковать и подковы гнуть. Дело было так. Сперва я заметил всадников. Это были мальчишки и девочки, человек десять. Дальше у леса виднелись загоны для лошадей и конюшня. Из нее навстречу мне выкатился с заливистым лаем бело-рыжий пес. На нем даже шерсть поднималась — так старался. На шум, поднятый им, из конюшни вышел мужчина. Он был в годах — это ясно, но в каких? Высок и строен, папаха набекрень, на плечи наброшена длиннополая, на кавалерийский манер шинель, козырнул этак по-гусарски. Одежда и стать, все с головы до ног подсказывало: не иначе старый кавалерийский офицер. Даже фамилия — Конишевский. А руки как у кузнеца. Я сразу же решил уточнить:

— В войну вы были кавалеристом?

— Нет, — улыбнулся он, — танкистом. А «лошадина фамилия» — от предка. Был запорожский казак Марко Кынь. Потом он стал Конишевским. Жена моя тоже из казаков, только из донских. Она директор школы.

Падал мягкий снег. Остро пахло конюшней.

Несколько лет назад, когда создавался пионерский лагерь «Прометей» для детей липецких металлургов, его основатели мечтали: пусть будет не хуже «Артека». Предусматривали парашютную вышку, картингодром, да пока не все получилось, к сожалению: то не удалось достать современного оборудования, то не подходил руководитель. Со школой верховой езды повезло — нашли энтузиаста. Точнее, как все энтузиасты, он нашелся и пришел сам.

— Хочу быть полезным.

— Вы кто?

— Инженер-испытатель на тракторном.

— Понятно. Но нам-то необходим специалист совсем в другой области.

— Знаю — тренер верховой езды. А еще вам нужен ветеринар,

конюх, кузнец, шорник, ночной сторож, заготовитель кормов, а главное — педагог, умеющий работать с детьми. Где, как вы возьмете на одну вакансию всех их? Кто подберет вам лошадей — и резвых, и в то же время не злых — для безопасности ребят?

Похоже было, он говорил дело. В наш век, просвещенный и индустриальный, легче набрать целый штат конструкторов, экономистов и юристконсультов, чем одного шорника, кузнеца. Как-то, например, таллинский ипподром давал объявления на всю страну: срочно требуется кузнец, оплата и все остальное как следует. Нашли или нет кузнеца — не знаю.

Так вот, Конишевского спросили:

— Вы, что, разбираетесь во всем этом?

Дельный вопрос. С детских лет на расспросы: кем станешь? — он, профессорский сын, отвечал неизменно: «Извозчиком». Вскоре миновали времена извозчиков, а с ними целая эпоха канула в прошлое, пришла другая, с иными ритмами, скоростями, и Конишевский, человек с натурой горячий, неуемной, не оставал от этих темпов и скоростей. Но детский «пунктик» засел, видно, крепко. После войны Юрий Григорьевич работал шофером. Затем, став инженером, помогал сельским специалистам овладевать современной техникой, а сам, едва выпадала возможность, ездил по хозяйствам верхом, в крайнем случае на бричке. Все отпуска проводил на Хреновском конезаводе. И проводил их не праздным зевакой, а работал бригадиром, конюхом наездником. За многие годы собрал богатейшую библиотеку по коневодству. Педагогика? Изучил и ее. Помимо технического вуза, заочно окончил институт педагогического.

— Допустим, — сказали, — выслушав его. — Но сколько вам платят на тракторном?

— Триста.

— Ну вот... У нас ставка гораздо меньше.

Он согласился на меньшую. И не считает, что потерял. Наоборот!

Не так давно в городе был праздник: митинг, концерты, парад спортсменов на стадионе, а потом футбол. Тут надо отметить, что свою

команду горожане любят, как чрезмерно мягкие родители капризное дитя: тем сильнее, чем оно больше огорчает их. Тот матч был очередным испытанием их чувств. Но что вдруг стряслось? Не успела игра набрать полную силу, как публика на трибунах повела себя очень странно: задвигалась, возбужденная чем-то совсем не футбольным, а там, забрав шапки, повалила на улицу, где происходило нечто странное: оружием на солнце сверкая, шла кавалерия. И как шла: девушки в гусарских киверах и ментиках гарцевали стоя на крупах коней. Ребята в фуражках, в брюках с лампасами — настоящие казаки — на скаку играли саблями, скашивались, поднимая с земли оружие. Какой там футбол!..

Зрелище было тем диковиннее, что многие сверстники юных всадников, сбегаюсь смотреть, видели до этого лошадей лишь в цирке да по телевизору — как обычные городские дети в наши дни. А давно ли наездники сами не знали, с какой стороны к лошади подойти?

С той поры джигитовка стала гвоздем городских праздников.

А еще был агитационный кавалерийский рейд по местам формирования и боев одиннадцатой дивизии, которую во время гражданской войны собрал в липецких землях и повел К. Ворошилов. Впереди агитэскадрона знамя, позади пулеметная тачанка. Вступают в село, и на зов трубы спешат к памятным местам и стар, и млад. Бойцы вспоминают минувшие дни, а дети...

— Лошадь должна помочь в их воспитании, — убежден Юрий Григорьевич.

— Так ставите вопрос?

— А как же! Это же красота, романтика! Австралийские психологи считают даже: сами по себе зрелища с верховой ездой благотворно действуют на психику человека.

Мы разговариваем в его небольшой комнатке здесь же, при конюшне. Тут ни одной лишней вещи: на табурете батарейный приемник, несколько книг, на стене ружье, уздечка, плетка. Койка заправлена по-солдатски. Слышно, как в стойлах фыркают лошади.

Юрий Григорьевич говорит:

— Верховая езда воспитывает в человеке немало хороших качеств. Ведь бывает, что лошадь перед барьером сбросит седока. Я тут же внушаю: «Ты казак. Ты мужчина. Тебя ждут инструктором на границе. Так что не хнычь — немедленно в седло!». И он садится.

— Так надо?

— Да. И ему, и лошади. С девочками я обхожусь мягче. Но в том и в другом случае действует педагогика естественных последствий.

— В духе Руссо?

— В духе здравого смысла. Попленился, не позаботился о лошади,

плохо оседлал, например, — она тебя не повезет. Это дисциплинирует, развивает самостоятельность. Некоторые мои ребята сами могут работать инструкторами. Я не боюсь за них, потому что знаю, как они поведут себя в критической ситуации. И уверен: надо катапультироваться — не струсят! С парашютом — спрыгнут. Мальчики помогают мне косить, девочки убирать сено. Все ухаживают за лошадьми, кормят, чистят их. То есть постоянно учатся заботиться о другом. Постигают основы ветеринарных знаний. Я не говорю уже о физическом совершенстве, неизбежном качестве наездника. Все мои ребята выжимают гирию, крутят солнце на турнике.

— А как на все это смотрят родители?

— Естественно, беспокоятся за детей, особенно поначалу. А вот Саша Щербаков сумел увлечь своего отца. И он, до выхода на пенсию работавший экскаваторщиком на аглофабрике, сейчас охотно помогает мне ухаживать за лошадьми.

Добавлю: за время существования школы здесь не было ни одной травмы.

Но это пока что разговор о спортивной, нравственной. А есть ведь и другая: со времен Льва Толстого, когда конный спорт был привилегией исключительно богатых и знати, породистые лошади не стали дешевле. Как тут быть?

— Есть вопрос, — соглашается Юрий Григорьевич. — Каждая из наших лошадей стоит «Волги». Не всякий может позволить себе такое дорогое удовольствие. Другое дело — предприятие или несколько. Им это по карману, как, например, нашему заводу.

— Пусть так, но где-то еще надо взять хорошего тренера и целый штат людей других «арханческих» специальностей.

Тут Юрий Григорьевич увлекся пуще прежнего и достал пухлую папку с надписью «Дело о лошади». Наряду с двадцатилетней подшивкой журнала «Коневодство и конный спорт», к стати сказать, одного из старейших отечественных отраслевых журналов, он давно собирает вырезки с публикациями по «конской проблеме». И готов дискутировать по ней со свойственной ему категоричностью, для которой у него, впрочем, есть свои основания. Ну вот, например:

— Будь мое право, я бы запретил в пределах одного хозяйства ездить без нужды на легковых машинах.

— И это говорите вы, шофер первого класса, специалист по двигателям, владелец машины?

— Да!

— А на целине, где концы по сто верст?

— Я говорю не о целине, а о центральной России, черноземной и нечерноземной. Мы что, к каждому полю намерены прокладывать асфальт? Или, напротив, преодолевать бездорожье исключительно с помощью тракторов, досрочно разрушая двигатели? Где мы так нападемся горючего, запчастей?

— Выходит, что же? Назад к природе? Верховом на лошадь? А где напасешься на нее кормов? Не превратим ли мы таким образом лошадь в нахлебника?

— Прежде всего, не назад, а вперед, к разумному сочетанию живой и машинной тяги. Ведь и трактор можно превратить в нахлебника, если, как это бывает, возить на нем несколько пустых бидонов на ферму. Зачем? Для ряда работ на фермах лучше держать пару лошадей. Американцы так и делают, хотя уровень механизации в сельском хозяйстве у них, как все хорошо знают, не ниже нашего. Поголовье лошадей у них, кстати, вдвое больше, чем у нас. И большая часть его содержится в полудиком состоянии, не требуя ни заготовки кормов, ни капитальных помещений типа коровников. Лошадь гораздо выносливее, неприхотливее. Недаром она у нас распространена от Туркменистана до Якутии. Киргизские чабаны подтвердят: раньше лошадиные табуны и овечьи отары образовывали симбиоз. Когда, например, выпадал снег и покрывался настом, овцы гибли бы, если бы их не выручали лошади: они разрушали наст, поедая одни травы и оставляя овцам другие. Таким образом пастбище использовалось эффективнее... Вообще, здесь нужен свежий взгляд. Вот почему мы, «лошадники», с особой надеждой восприняли строку в решениях XXVI съезда, где говорилось о повышении эффективности кролиководства и коневодства. Ведь речь идет о больших резервах производства мяса, кож, шерсти, молока, к стати, более целебного, чем коровье. Неужели мы настолько ограниченные люди, что оставим лошади, одному из самых старых и испытанных друзей человека, место лишь в цирке, медведей катать? А кумысолечение? А коннотуристические маршруты?

Да, проблема, о которой говорит Конишевский, не проходная, не последняя в нашем большом и сложном хозяйстве. А если и оказалась в последних, то это ясный недосмотр, просчет. Недаром в документах партии по развитию нашей страны в одиннадцатой пятилетке о коневодстве сказано так: «усилить внимание». Усилить.

Снова и снова Юрий Григорьевич возвращался к сердцевине проблемы — кадрам. Хорошо, что народ на селе привык ладить с техни-

кой, но хорошо ли, что стал забывать некоторые крестьянские привычки, в том числе к коневодству. В известной степени этому способствовала и оплата труда — в коневодстве она опять-таки одна из самых низких в сельском хозяйстве. Специалистов по коневодству вузы готовят мало — как для отрасли явно отмирающей. Не рано ли? Не ждут ли ее, эту «обреченную» отрасль, добрые перемены? Кто даст им импульс? Может быть, ребята, которых воспитывает Конишевский?

— А почему нет? — размышляет он. — Слава Папанов отлично учится. Хочет поступать в Тимирязевку. Туда же намерены пойти Саша Щербаков, Толя Гончаревский. Ближайшее будущее девушек я вижу в пединституте, а увлечение, полученное здесь, они, уже став педагогами, смогут передать другим. Жаль только, что такая школа, как наша, пока что единственная в стране.

Эту школу прошло примерно сто ребят и девушек. Желающих заниматься много больше. И не только в Липецке, а и в Москве, на Урале, в Сибири... Одному вести разросшееся хозяйство Юрию Григорьевичу все труднее. Рабочий день его перенапряжен.

— Боюсь заболеть. Скорее бы ребята выросли, выучивались.

Конечно, он показывал мне лошадей, рассказывал о их нравах, родословных, поведал много любопытного о знаменитых скакунах, наездниках, отечественных и зарубежных. Но вот и подошло время прощаться. Он козырнул, подал руку. Я снова почувствовал, что она у него по-настоящему рабочая.

Работать он начал в четырнадцать лет, когда с Украины эвакуировался в Саратов. На заводе, где делали противотанковые ружья, стал кузнецом на паровом молоте. По восемь часов — в кузнечном смена была на четыре часа короче, чем в остальных цехах, — едва успевал поворачивать сорокакилограммовую заготовку. В пятнадцать лет стал бригадиром. Это потом, в сорок четвертом, узнав, что фашисты перестреляли его родню под Черниговом, он, несмотря на бронь наркомата, отпросился в танковую школу.

Я жму его руку, смотрю в лицо.

Бывают кузнецы с лицами, как у Конишевского, — интеллигентные лица. Бывают интеллигенты, как он же, Конишевский, с руками кузнецов. Те и другие мне симпатичны. Вот и все, что я хотел бы сказать.

Наследники тагильских мастеров

**Алексей
НАГИБИН**

На вкладке фото автора

В прошлом году в картинной галерее Свердловска открылась большая выставка работ художников Нижнего Тагила. Пожалуй, она была самой представительной и интересной за многие годы. Отчитывались мастера многих поколений живописцев и графиков.

Особое внимание обращала небольшая экспозиция работ учащихся Уральского училища прикладного искусства. Захотелось поближе познакомиться с их авторами.

...Если от старого демидовского завода по древней плотине перейти на левый берег и подняться по мостовой из брусчатки, отлитой из шлаков, оставшихся от многих тысяч плавков металлургического завода, мимо Лисьей Горки с ее сторожевой башенкой, найдешь небольшое здание единственного на Урале среднего учебного заведения, которое готовит к творческой жизни художников-оформителей, мастеров по художественной обработке металла, камня, художников - конструкторов бытовых предметов из металла и пластмасс.

Свыше тысячи специалистов своего дела разлетелись во все концы нашей страны, десятая их часть стала членами Союза художников СССР.

Многие годы мечтали тагильчане об открытии такого учебного заведения, да вот никак не удавалось эту мечту сделать былью.

Она стала осуществляться, казалось бы, в самый неподходящий момент — в тяжелые годы Великой Отечественной войны. Враг еще не был изгнан с нашей земли, а в июле 1944 года местные органы приступили к формированию Уральского художественно-промышленного училища в г. Нижнем Тагиле.

Уже в 1945/46 учебном году занятия начались. В первые годы жизни училища здесь стали преподавать

Г. В. Патко и М. П. Крамской, О. Э. Бернгард и В. В. Маркин. Это они закладывали первые камни традиций нового учебного заведения.

Придет время, и училище переедет в свое собственное здание, капитально отремонтированное. В его музее разместятся многочисленные экспонаты. Среди них особо выделяется гарнитур из нефрита и мельхиора Надежды Горбуновой.

Когда-то Нижний Тагил славился своими уникальными подносами. И теперь многие дипломники обращаются к старинному ремеслу. В запасниках хранится множество подносов — дипломных работ. Один из них посвящен изобретателю велосипеда Артамонову. Совсем в другом ключе сделана дипломная работа Владимира Миронца — сабля, украшенная самоцветными камнями, напоминающая изделия древних мастеров Востока.

А вот эти забавные ребятишки появились на свет всего лишь год назад. Из шайтанского переливта создала их Татьяна Тюменева. К сожалению, многие работы вам не удастся увидеть: они «бродят» по многочисленным выставкам. Некоторым из них повезло. Они представляли творчество молодых на Выставке достижений народного хозяйства, посвященной XXVI съезду КПСС. «Улетели» в Москву и филигранные мельхиоровые петухи Анатолия Безуглого, которых видели и свердловчане. Да и сам Анатолий уже не тагильчанин, а житель Днепрпетровска. Такова уж судьба воспитанников училища.

ДРЕВНИЙ ЦЕНТР НИЖНЕГО ТАГИЛА.

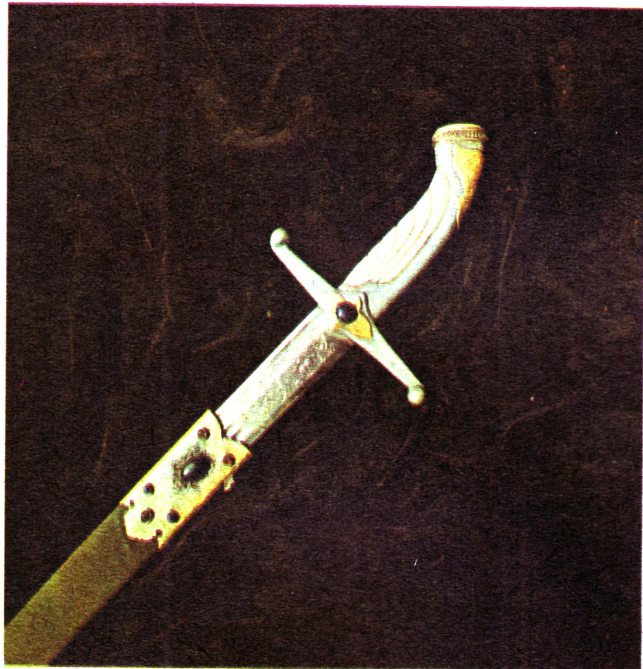
А. БЕЗУГЛЫЙ СОЗДАЕТ ФИЛИГРАННОЕ КРУЖЕВО.

МЕЛКАЯ ПЛАСТИКА Т. ТЮМЕНЕВОЙ.

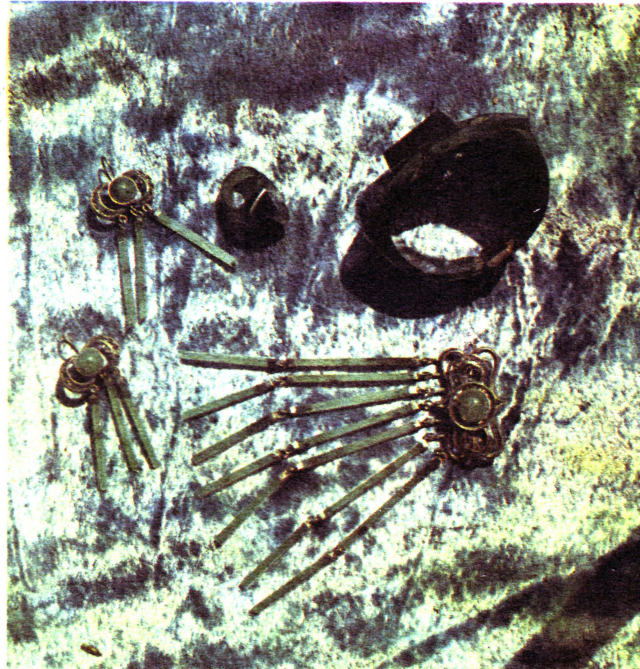

САБЛЯ В. МИРОНЦА.

ГАРНИТУРЫ Н. ГОРБУНОВОЙ И В. СЕРГЕЕВА.

КАЗАК ГОРЕВАНОВ

**Владимир
ПЕЧЕНКИН**

Рисунки
Н. Мооса

Писец Кунгурской канцелярии

1.

Тимохин постоялый двор от торговых рядов стоит в отдалении. Богатые купцы, на Кунгур-городок с товарами наезжая, сюда не захаживают, они в гостинных палатах жительство имеют. Тимохины же постояльцы — из деревенских уездных народ: торговцы достатку среднего, ямщики либо гонцы с Верхотурья на Чердынь и наоборот, духовного сословия мелкая сошка, дьячки да псаломщики, еще тобольский служилый люд, казаки. Подворье не шибко велико, да места всем хватает — и возам, и лошадям, и проезжающим. Опрочь избы постоялой, есть еще и чистая изба для гостей поденежное, потароватее... А еще хозяин, длиннорукий, ухватистый мужик Тимоха Вычегжанин, держал каморку скрытную под сеновалом, а кого в ней привечал — про то лишь богу единому в молитвах покаянных сказывал.

Сей день, во храме еще к вечерне не ударили, собрались в чистой избе люди степенные, земские служилые, тут и кунгурские жители, и из уезда.

Октябрь, на дворе сыро, холодно. А в избе печи топлены, окна заперты наглухо, рядом завешены — слово сказанное до недобрых ушей не донеслось бы. У окна стол сосновый, ладно струганный, и писец сидит, пишет борзо, с усердием. С лица парень бел, а телом худ, хоть и в кости широк. То ли хворый, то ль давно не корм-

Владимир Константинович Печенкин родился в 1925 году в Нижнем Тагиле. Здесь же окончил медицинское училище и в 1943 году ушел в ряды Военно-Морских Сил, начал службу мотористом 6-го гвардейского истребительного полка. До конца войны и в мирное время продолжал службу в частях Черноморского флота. После демобилизации работал рентгенотехником на Урале и Алтае. Вернувшись в родной Нижний Тагил работал тринадцать лет электромонтером на металлургическом комбинате.

В. Печенкин — член Союза писателей СССР. В газетах и журналах Урала, в центральной прессе, различных коллективных сборниках опубликовано много его очерков, рассказов и повестей. Издано пять его книг. Историческая повесть «Казак Гореванов» в основе своей документальна.

ленный. Рубаха на нем — ровно собаки подрали, волосья на голове космами, как у монаха-забулдыги кабацкого. Пред ним чернильница глиняная, гусиных перьев пук, ножик, хлеба краюха да квасу бурак берестяной. Он хлебца отщипнет, кваску глотнет и дале щипет.

Супротив писца набылчился земский староста Парфен Четверик: рассудителен, слово молвить складно умеет, сам понимает грамоту. Глядит неодобрительно — эо жует парень, будто корова...

— Написал?

Парень кивает, к хлебу тянется.

— Пиши: а в казну уездные люди платят сборы таковы. Окладные с двора три рубля четыре алтына с полуденьгою. К городовому строению девять алтын и полчетверти деньга... Написал? На подряд генеральному провианту по рублю. За пустые дворы по тринадцать копеек с полушкой. На мостовое строение опять же по пятаку со двора. Да на ямскую гоньбу по десять алтын со двора. Банные по десять копеек с бани. На отвоз и на отдачу радетельного сбора по пять денег с рубля.

— Какого сбора?

— Радетельного.

— А кто кому радеет?

— Про то подъячих спроси, они за нас радуют. Пиши знай, не то, гляди, перо с хлебом сжуешь... Да опричь казенного платежа берут чины Кунгурской канцелярии многие сборы для безмерной корысти своей, с великим пристрастием и боем. А подъячий Савва Веселков неведомо по какому указу собирает во всем уезде по пяти алтын и две деньга со двора да еще и бьет на правезе батогами смертным боем. От тех поборов неправедных пришли уездные люди в скудость, и лошадей, и коров, и хлеб продают мелкою ценой. А те, кому платить и продавать нечего, оставя дома свои, разбежались.

В углу сидевший Медынского острожка сотский Никита Ширинкин выкрикнул:

— Ныне велено по уезду искать медны да железны руды, кирпич возить тож. У мужика свой воз, да ишо б чужой повез — нешто справедливо?!

Парфен на крикуна бородой мотнул:

— Погодь! Мы кому челобитную пишем? Главному начальнику горному да заводскому. Ему царь велел руды сыскивать, а ты, выходит, перечишь цареву указу? Не надо про сие, парень, разгневаешься генерал.

Выборный Торговишского острожка Ларион Дунаев негромким стоном вымолвил:

— Про нас, Парфен, про нас обскажи.

— Валяй про них. В Торговишском-де острожке тот подъячий Савва Веселков бил крестьянина Слудкина Ивана плетьюми и из своих рук дубиною, и говорил всем мирским людям и выборным: ежели они не дадут ему рубля, он их всех до смерти побьет.

Ширинкин опять:

— Эй, верхотурец, а ишо пропиши: дерут с народа деньги на подношение генералу. Отколь взять?!

— Какому генералу?

— Который суды главным управителем едет. На подарки ему.

— Это которому вы челобитную-то сочиняете?

— Ему.

— Эва! Бьете челом против лихоимцев, а он, выходит, сам лихоимец!

Мужики завозились, зачесались. Смирный Ларион Дунаев жалобным тенорком состонал:

— Куды денешься? Он большой начальник, дать надобно. Только Веселков заберет себе половину...

— Эх вы,— писец головой покачал, жалеючи.— У кого управу ищите...

— Не пиши про то,— угрюмо сказал Парфен.— Не дело ты молвил, Никита.

— Про все пиши! — кричал сотский.— Пущай хошь единова узнает генерал мужицку боль! Он в наших местах господин приезжий, а нова метла по-новому метет. Пущай сам с нас берет, а Савке не велит.

Мужики зашумели: писать — не писать? Парень отложил перо, пил из бурака, тек квас на рваную рубаху...

Сочинять покончили в сумерках. Мужики поднялись с лавок, покрестились на образа: пошли, господи, челобитной — ход, мужикам — генеральскую милость, а челобитчикам — кнута б не отвечать...

Остались с писцом Парфен да Никита Ширинкин. Засветили свечу. Парень хлебные крохи собрал в горсть, съел. Вытер столешню рукавом, принял от Парфена чистый лист, челобитную переписать набело. Вывел: «Начальнику казенных заводов генералу мазору господину де Геннину».

Парфен полюбовался, похвалил:

— Баско пишешь. Где научился?

— В Верхотурье, при монастырской канцелярии.

— Ты из посадских али кто?

— Шадринской слободы крестьянский сын. На Верхотурье в землянке жили. В первую же зиму маменька померла, а к весне и родитель. А я вот, бог знает на что, выжил. Отец игумен и взял в монастырь из милости, отец же Евмений бил без милости — при эких-то отцах я и грамотным стал.

— Везло тебе, парень!

— Не знаю... Я так рассудил: конюшня чище канцелярии, а самая худая лошаденка все ж отца келаря честнее. Стал в ямчики проситься... С полгода били, потом надоело, выгнали. Подал воеводе прошение, поверстали в ямчики, казенну лошадь дали...

— Звать-то как?

— Ивашка.

— А прозванье?

— Гореванов.

— Сказывай, Иван-Гореван, мы послушаем.

Иван Гореванов заговорил без охоты:

— Ну, ездил я в острожки, в городки... А в последний раз на Соликамск, воеводе ихнему вез депеш. Отель меня в обрат с отпиской. Потрафил как раз на Верхотурье обоз кушечкий, малый, и я с ним — все не одному чрез леса ехать.

— Оно того... Развелось в лесах воров, что комаров.

Сотский на Парфена покосился:

— Мужику невмочь при пашне своим домом жить, оттого и бегут в ватажки. Ну?

— Краше б одному ехать... Прошлый год осенни дсжди почались рано, дорога водяна, мосты худы. Ло-

шади заморилися. Косью-реку миновали, на Павдинский камень уж выйти — тут они и встретили нас. Под вечер было. Я на дороге бывалый, передом ехал. Гляжу, будто мелькнул в чащобе... Не зверь, не вогул, человек в кафтане, кажись... Хотел товарищей упредить, а тут крик, из лесу выбегли с кистенями, с топорьем. Хлестнуть бы мне по лошади, в бега прытче удариться, цел бы остался: возок без клади, на что я пужен. Да гляжу — товарищей сейчас порубят! Я за топор... А меня кистенем и достали. Вот она, памятка... — Иван разгреб на темени грязные космы. — Ничего не помню боле...

Иван схватил бурак, сглотнул опивки. От взмаха заколыхался огонек свечи, на белом лице Гореванова задрожали синеватые тени, жиденская борода ходило ходила. Никита вздохнул:

— Во, жизнь распроклята! Сверху свора чиновная давит да рвет, снизу погань разбойная грабит да бьет, а мы, народ работный, посередине сдавлены, и не у кого защиты искать.

Парфен толкнул сотского:

— Поди-ка, братец, привнеси Ивану кваску. И хлеб, покуда бумагу перебелил.

Никита ушел. Парфен обнял Ивана за плечи.

— Скажу я тебе, парень... Вишь, один ты на белом свете. На Верхотурье торопиться не для ча — там тебя за покойника считают. Так что, родименький, яви такую божеску милость, потрудись для миру крестьянского. Не обидим, ежели все обойдется... Приоденем, денег тебе наберем с алтын, в дорогу на корм...

— Ты про что, дядя Парфен?

— Да про челобитную же.

— Счас перебелю.

— То само собой, как уговорились. И ежели согласный будешь... Мы б тебе щец с убойнкой сколь захочешь! Винца надобно, так и винца бы...

— Спаси тя Христос, дядя Парфен! Да не пойму, за что мне...

Парфеновы глаза по углам зарыскали, затомились.

— Хм, того... Стало быть, Ванюша, энтого...

— Да чего?

— Отнес бы ты челобитную-то нашу, а? Генералу де Геннину то есть. Сам рассуди, милай, тебе сподручнее: ни кола у тебя, ни двора. Опять же, ни бабы, ни лошади. Отнять неча. У нас же дома, робятки малые...

— Под генеральское зло мою голову кладете? Славно! Али две шкуры у меня? Запрет генерал...

— Не должен бы, Ваня, шибко пороть-то... Насмелся, Ваня, бог тебя боронит, сироту!

Сотский принес хлеб и квас.

Иван попил квасу, утерся драным рукавом.

— Ежели опричь меня во Кунгуре храбреца ни единого... Пойду.

2.

В сенях Татищев столкнулся с Осипом Украинцевым.

— Эко скачешь! Резвость такова не по чинцу тебе, Осип. Помощнику генеральскому шествовать с важностию надлежит.

— Ох, не по мне чин сей, Василий Никитич! Сер-

жант я, не рудознатец, мне б при баталии из пушек палить. Прими, Христа ради, должность мою! В горном деле ты горазд, у господина Геннина в фаворе...

— Да от Питербурха в опале. Не чинов мне, а кабы тюремного харча не отвечать.

— Ништо, новый начальник де Геннин сыщет демидовские неправды.

— Сыщет, нет ли, бог знает. А покуда терпи, Осип, на то ты и гвардии сержант.

Татищев оправил мундир, вошел в зал канцелярский. За двумя длинными столами корпели над бумагами писцы: новый начальник казенных заводов Георг Вильгельм де Геннин, едва успев ступить на землю уральскую, прицался за дела, и прежде всего готовил рапорт о прибытии своем. Надсмотрщик Головачев вдоль стола ходил, диктовал:

— ...машинный кузнец Наум Вигуров, колесник Антон Соболев да горных дел ученик Иван Ефремов в пути на реке-Каме умре.

Надсмотрщик оглянулся на дверной скрип, поклонился. Подьячие и писцы встали. Татищев кивнул им, в кабинет прошел.

Управитель де Геннин, крупный, дородный, сидел в мягком кресле, вытянув ноги в черных шерстяных чулках до колен, облокотясь на стол, заваленный бумагами, чертежами, камнем грязным всевозможным — здешних руд образцами. Руку в кружевной манжете протянул:

— Входи, Никитич, входи. Каково здравствуешь? — Поворошил на столе бумаги, одну подал Татищеву.

— Еще челобитная получена. Супротивника твоего Демидова облачают в ней.

Генерал де Геннин, двадцать лет в службе российской пребывая, изъяснялся по-русски свободно, иной раз и бранился под горячую руку не хуже здешних приказчиков. Челобитная же, которую читал Татищев, хоть и по-русски писана, но буквы наполовину иноземные, слова тоже. Бергмейстер Близер жаловался новому управителю, что Акинфий Демидов чинит противности казне, а служителям казенных заводов от него в письмах и словесно поношения срамные и обиды. Татищев дочитал, со вздохом положил бумагу на стол.

— Каков! — Геннин сердито ткнул в бумагу пальцем. — Наглости у тульского мужлана в преизбытке! А и то сказать, пошто б ему наглым не быть? Понеже его заводы, а не казенные, государю отменное железо дают в изобилии. В противоборстве нашем он победитель. А победителей не судят, хотя и зело надобно бы...

— Имею надежду, Вильгельм Иваныч, что под вашим попечительством пойдет с казенных заводов железо изряднее демидовского, — поклонился Татищев.

— Послужу государю, сколь сил моих станет. Мало у меня людей честных, в горном деле понятием оларенных. Всюду лихоимцы, яко тараканы, ползают. Вот и сей день в канцелярию две челобитные поданы...

Толстые, в перстнях, пальцы мяли, комкали синюю скатерть, и оттого челобитная бергмейстера Близера шевелилась, топорщилась, ползла к Геннину. Татищев сказал вполголоса:

— Две челобитных? А и третья, Вильгельм Иванович, у ворот дожидается. Малый там...

— Все жалобы в канцелярию подавать надлежит.

— Мужик канцелярии не верит. Тот малый и мне отдать не захотел, не доверил. Явите такую милость, прикажите звать сего упрямаца.

Управитель насупился. Тяжело сидел в кресле, расставя ноги, под распахнутым камзолом вздымалась дышаньем натужным белая, голландского полотна, рубаха на широкой груди. Человек он видом могучный, здоровьем же не весьма крепок, и дорога измотала его.

— Мужик с прошением?.. Коль ты за него ходатаем, так и быть, вели ему войти... Каков упрямец, канцеляристам моим веры не имеет! А и правильно делает...

Татищев встал, поклонился низко — не взирая на благосклонность Геннина, он вольностей себе не дозволял, — дверь приоткрыл, велел позвать мужика.

Проситель вошел. Перво-наперво на образа перекрестился. Потом господам отвесил поклон, коснувшись половника пальцами. И встал у двери. Молод, лицом невзрачен, синий зипун висит на нем, как на колу. Супротив породного генерала — ровно соломинка перед снопом. Глядит без робости, с любопытством.

— Говори, на кого извет принес, — дозволил Геннин.

— Не извет, святая правда в бумаге прописана.

— Отчего в канцелярию отдать не хотел?

— Таков наказ имел от людей кунгурских: в собственные чтоб руки, а боле никому.

Татищев челобитную принял, Геннину подал. Вскинув голову, далеко бумагу держа, управитель стал читать. За дверью, в канцелярии невнятно звучал голос надсмотрщика. Тихо шипела лампада пред образами.

— Гм! Складно и красовито писано. Кто сочинял сие?

— Я сочинял. И писал я же. Правду писал.

— Где ты, мужик, столь презрительно грамоте учен?

— В Верхотурском монастыре Никольском.

— Какова ж тебе корысть за чужой уезд радеть?

— Пошто за чужой? Кунгурцы и верхотурцы, одному мы богу молимся, беды терпим одинаковы...

Управитель тяжело поворотился в кресле, на парня набылчился.

— Как звать?

— Ивашка Гореванов.

— Гореванов ты и есть, поелику много битья припмешь — язык остер не по чину... Ямщик ты? Ямщику много ли слов надобно: коня бранить, коль дорога плоха, да богу молиться, коль жив доехал. Но к писарскому делу у тебя талант несомненный. Глянь, Никитич, сколь пригоже начертано, буквицы ятвые, слог хорош. Головачев! — гаркнул управитель. Надсмотрщик явился тотчас, во фронт вытянулся. — Сего грамотея, — махнул бумагой на Ивашку, — возьми в канцелярию копшистом. Писцы нам zelo надобны.

Головачев парня по затылку двинул:

— Благодарю, дурак, кланяйся!

— Батюшка! — парень завопил. — Пошто меня в писцы? Сделай милость, приставь лучше к лошадям, хошь конюхом! Не свычен я по канцеляриям сидеть...

Геннин ногою топнул.

— Головачев! Сведи на конюшню, коли сам того просит. Да всыпь кнутом по заду, чтоб не мудрствовал. А после того веди в канцелярию, пушай стоя пишет, ежели сидеть не свычен.

Надсмотрщик сгреб парня за шиворот, словно кот воробья, едва не на весу из кабинета выпер. Управитель глянул на Татищева не то гневно, не то с укором.

— Видал? Говорит, в бумаге сей правда писана!.. Смерд полудохлый мужицкую правду принес! А что мне с нею делать? Кому на Руси правда сужна?! — потряс над головою бумагой, хотел на стол кинуть, да передумал, опять в строки воззрился, сопя и хмурясь.

Татищев с делом пришел, но, видя Вильгельма Ивановича нерасположение, почел за благо удалиться, встал.

— Куда? Ты надобен мне. На вот, что от сего места, — протянул челобитную. Сам вскочил, заходил от стола к печи, бранясь по-русски и по-немецки.

— Прочел ли? Каково? Новому управителю на подношение — то бишь мне! Мне! С народу деньги взимают! Едва ногой ступил, а уж всему краю ведомо: Георг Вильгельм де Геннин вор и взяточник! Ах, мерзавцы, каналы! Писать указ немедля!

Хлопнулся в кресло, ногами сучил, плевался, выкрикивал слова указа с бранью пополам. Василий Никитич писал, крепкие слова не упуская.

«...Ежели кто учнет неуказанные зборы раскладывать и збирать, будто бы мне, генералу маэору, или мне обретающимся служилым мастеровым людям и канцелярским служителям в поднос, называя в почесть, и по таким запросам ничего не давать (генерал маэор такое тут присовокупил, что гусиное перо кляксами брызнуло, а Татищев фыркнул!) и доносить, понеже те с миру собранные деньги и прочее не токмо мне не потребны, но и другим при мне обретающимся под великим страхом брать запрещено!..»

Донисав, Василий Никитич поставил дату: «Писано на Кунгуре 1722 году октября 16 дня».

3.

В ноябре новый управитель вкупе с прежним, Татищевым, отбыл в Соль Камскую для осмотра мест рудных и к строению заводскому пригодных. Надлежало также и Пыскорскому медеплавильному заводу осмотр произвести, ныне заброшенному. И далее двигать — на Уктусский завод. На Кунгуре до поры до времени остались двое писцов да за всеми делами доглядчик Осип Украинцев. Помощник геннинский сваряжал на Уктус обозы со всяким припасом, с машинами мудренными, с пожитками мастеров иноземных.

Ноябрь сыпал снегом ранним, в сугробах присели под ветром избы. А Осип Украинцев в одном камзоле взопред, пока очередной обоз снарядил да проводил, дождался, пока последние сани отъехали, крикнул приказчику, чтоб зашпрал амбар, сплюнул с облегчением и перекрестился на деревянную колокольню Велико-мученицы Параскевы-Пятницы. Накинул поданный приказчиком тулуп, пошagal к избе.

На крыльцо взойдя, услышал за двойными дверьми

канцелярии возню превеликую: стуки, топот, будто в присутственное место лошадь привели. Рванул дверь.

У стола писецкого на полу сидел подьячий Фома, бороду задрал, нос разбухший щупал. В углу надсмотрщик Головачев поровил достать кулаком по скуле Ивашку-копииста. Парень весьма успешно наскоки отбивал, до себя не допускал. Присутствие канцелярское в порядке: скамьи повалены, на столе чернила пролиты, песочница глиняная разбита, а на полу возле ног Фомы валяется кверху лапками гусь ощищенный, яиц побитых с дюжину.

Осип подьячего Фому за шиворот на ноги поднял, двукратно по щекам хлестнул:

— Коли слаб — не встрывай, а встрял — под стол не падай. Соромно двум эким боровам против одного парнишки на ногах не устоять.

— Бешеный он! — гундосил Фома.

Украинцев, с утра при обозе вдоволь набравшись, благодушно взирал на погром канцелярский. Гласом трубным спел сигнал отбоя.

— Тру-ру-рум, тру-рум! Эй, гренадеры чернильные! Отвести полки на исходные позиции!

Головачев опомнился, Ивашку отпустил.

— Пошто баталия сия? — ухмыльнулся Осип.

Головачев дышал со свистом, отвечал неохотно, смущенно:

— Прикажи вязать оного разбойника, господин сержант! Меня да Фому лаял всяко, бунтом грозил... Злоумышлял противу властей!

— О! Это вы с Фомою — власти? Да как он посмел таких важных господ по сопаткам бить!

Осип на лавке расселся, тулуп распахнул. Потешно глядеть, как Фома гусиным пером скребет с пуза яичную желть. А Ивашка-то удал копиист! Сам — соплей перешибить, а двоих ражих канцеляристов избидел. В настоящей полевой баталии такие молодцы и сотни подьячих стоят. И какой там, к черту, бунтовщик он. Но — дурак безрассудный.

— Ну-ка, подь сюды.

Копиист подошел. И ведь никакого в нем страху! Широкие плечи костлявые не съезжил, глазом не сморгнул — либо совсем невинная душа, либо шельма изрядная. Сержант было длань уж воздел, а не ударил. Лишь за ухо взял, повлек в кабинет генеральский, а ныне его, Осипа, кабинет. Дверь захлопнул, копииста к стене прислонил, сам в кресло плюхнулся, брюхо выпятил, как генерал Геннин.

— Ты пошто начальников лаял? Пошто Фому под стол загнал?

— Господин сержант, они бить зачали, а я не дался.

— За что хотели бить?

— Генерал приказать изволил, чтоб лихоимство подьячего Веселкова и прочих они доподлинно выявили. А Головачев с тем Савкою Веселковым стакнулись, Фома посулы принимал, курей, гусей, яйца... Нешто оно по правде деется?

— А ты правду кулаком нащупывал? Ну, братец ты мой, хошь я не ворожея, а твою судьбу предреку: быть тебе битую на веку многократно за глупость либо умность твою. А коли так, то и науку откладывать не

след — ступай к Головачеву, пуцай тебе плетей отмерит. Пшел!

Украинцев потянулся, сладко позевнул, зажмурясь. От тепла в сон клонило. Еще один обоз, предпоследний, отправлен, еще одна гора с плеч. Приятственно, черт дери, после трудов праведных сидеть в жарко натопленном кабинете, в кресле мягком... И кабинет, и кресло — генеральские, а Осип Украинцев всего лишь сержант... Залетела ворона в высокие хоромы! Геннин да Татищев едва узрят здешние руды, каменя рыжие — кидаются на них, как пьяница к водке... Украинцев в горном деле человек несмышленный, и послать бы сии дела к черту...

— Господин сержант!..

— А? Ты все еще тут! Пшел!

— Отпусти меня, господин хороший!

— Я и отпускаю. Поди скажи, чтоб тебе дюжину плетей выпали.

— Совсем отпусти. На Верхотурье, в ямщики опять. Я лошадей люблю.

— Ах, лошадей возлюбил боле, чем подьячих? В тепле, в сытости — чего не живется?

— Не ко двору я тут пришелся.

— А ты — придишь.

— Взятки брать, у бедняков последнее отымать, как иные, не приучен. Не ко двору, одно слово.

— «Не воруя, не ко двору я», — передразнил Осип, улыбнулся своему остроумию. Подумал: «Я вот тоже не ко двору...»

— Вот что, Иван-Гореван. Состоишь ты в службе государственной, вот и служи, привыкай. Терпи, казак, атаманом будешь... О! — вспомнил сержант, громыхнул кулаком в подлокотник генеральского кресла. — О! Дратья ты мастак, лошадей паче людей уважаешь. А велено меж тем сыскать из гулящего люду казачьего десятника толкового на завод Башанлыкский. Ты толковый, хотя и чрезмерно иной раз. Да ништо, в Башанлыке башкирцы-воры саблями тебя пообтешут, в разум вгонят. По-едешь с оказией на Башанлык. А допреж сего велю тебя, однако, выдрать.

Ивашка поклонился, как и генералу не кланялся, с почтением искренним.

— Башкирцы, поди, не злореднее крапивного семени канцелярского. А пороть меня не надо бы: на побитом заду в седле сидеть неудобно...

— Востер ты, писец бывший, казак будущий! Ии ладно, сохраняю твой зад. Ступай.

Башанлыкский Десятник

I.

Про башкирский налет известие ночью получено, потому выехали до восхода, не мешкая. И вот уж солнце высоко стоит, палит, а казаки все гонят на рысях да галопом. На ручей бы натакаться, воды студеной испить, лошадей напоить, роздых им дать. Но кругом хол-

мы пологие, распадки, березовые перелески, и ни речки, ни мочажинки малой, а десятник Гореванов скачет и скачет впереди, а ему перечить не в обычае.

Когда ж и горевановский воронок заспотыкался, перевел десятник коней на шаг, свернул в распадок, где какая ни есть тень от березовой гривки, где трава посочнее. Сползали казаки с седел и, едва отшагнув к березам, распластались неподвижно. Потные лошади тотчас принялись щипать траву, фыркая от полынного духа.

Десятник на ногах остался. Вороного огладил, похлопал по мокрой шее и пошел по склону холма. Тогда подвинулись нехотя, за ним пошли Афоня Пермитин да Ахмет — казак из крещеных татар.

С каменистого влобка далеко видать. Холмы, перелески. Пёкло полуденное. Едва тянет ветерок, душный, пахучий. Кругом безлюдье и тишь, ни дымка, ни голоса. Если кто и есть в березнике, так таится. Опасная тут земля, приграничная.

— Теперя мы их не достанем, — Афонька молвил. — Уйдут в свой улусы, а там ищи-свищи.

— С табуном далеко уйти не могли, догоним.

— За чужими лошадьми бежим, своих сгубим. А то и самим стрела из засады...

Афонька знал: все одно десятник по-своему делать будет, и ежели надумал отбить табун и хозяевам вернуть, то гонять казаков будет до упаду. Настырный, черт!

Гореванов долго холмы разглядывал, типину расслушивал, горячий ветер по-собачьи нюхал. И что-то узрел, унюхал.

— Айда, ребята, — негромко велел и пошел к вороному. Гореванов уверенно повел распадками да редколесьем. На открытых местах гнал вороного крупным галопом. С вершины холма увидели башкирскую ватажку. Те, полагать надо, погоню давно почуяли и табун захваченный кинули где-то, налегке утекали по распадку всего в полуверсте. Десятник распорядился:

— Афонька, айдате с кем-нито вдвоем, табун по следу сыщите. А мы, ребята, ну, господи богослови!

— Не догнать, — усомнился Филька. — И пошто они нам, без табуна-то?

— Пострадать надобно, чтоб другой раз мужиков не зорили. Пока на виду у них, поедем шагом, будто в другую сторону.

Повернул десятник вороного, а как скрыла их зелень, оглядел своих и вломился конем в кустарник...

Башкирцы поздно спохватились. Пригнувшись к гривам, нахлестывали лохматых лошадок. Ватажку сажень на двадцать обогнав, утекает без оглядки всадник в халате зеленом, у него одного в поводу конь запасной — этот, должно, покида остальные с русскими пастухами свару заводили, в дозоре стоял, и лошади его свежее прочих. Кучно скачут четверо, среди них, похоже, и вожак — халат узорный, конь кровей туркменских. Шестой приотстал, до него уж сажень не боле сорока, заморенную лошадедку пятками бьет...

Филька Соловаров, зло усмехаясь, ружье изготовил. Десятник это заметил.

— Эй, не балуй!.. Ахметша, готовь аркан!

Иван Гореванов узкую узорную спину взглядом ко-

лет: из богатеньких вожак башкирский, беспрерменно это он налет затеял — и не от скудости, от жадности. Догнать его, поучить! Однако и самим опаска надобна, кабы не вскочить в засаду.

— Приударь, казаки, гоши-и! — кричит десятник, саблю поднимая.

И башкирский вожак своим визжит что-то, бодрит или бранит. Узкоплеч он, станом тонок, молодой, видать. Рядом с ним низенький, в халате драпом, бритой башкой вертит, оглядывается, а в руках лук-саадак. Стрелы башкирские и на скаку метки, остерегаться надо того, гологолового. Ишь, привстал, прицелился...

— Берегись, ребята!..

Гореванов пригнулся — мимо свистнула стрела. И — ругань, Фильку задела...

— Не стреляй!

Но уже грохнул выстрел, будто надкололась под копытами знойная земля. Из башкирцев никто с коня не пал, согнулись ниже, плетьюми замахали рьяно.

— Не попал, однако, — кто-то из казаков осудил.

Но Филька попал, только не вдруг углядел: туркменец под вожакем с ноги сбился, призамедился. Хозяин хлестал его жестоко, саблею бил плашмя, визжал тонко, может, запасного коня требовал. Но зеленый халат удалялся, зову тому не внимая. Да и остальные вожака своего обходили, плена страшась.

Бритоголовый на выручку пришел: свое стремя вожаку подставил, пересесть помог, а сам наземь скользнул, встал лицом к погоне, вскинул саадак, в десятника целил.

Тень-пр!.. Гореванов саблею стрелу отбил, наскочил, рубанул по саадаку, дале устремился, а на бритоголового рысью пал с седла Филька Соловаров, подмял. Еще увидел десятник мельком, как сбили казаки отсталого башкирца. Сам же он догонял вожака, своими покинутого. Видя, что не уйти, тот поводья натянул, саблею от удара заслонился. Молоденький парнишка, лет не более осмнадцати, из-под черного пушка усов оскалены зубы по-собачьи, в глазах раскосых страх, жуть. Отбил удар, от второго увернулся... Мог бы Иван его враз порешить, да надо ли? Молод байский сынок... Ишь ведь, сам кидается сечь, от жути бел весь, на губах крик и дрожь... Ну-ка, ну-ка!

Ахметов аркан сорвал его паземь — отвоевался малый. Конец погоне.

2.

Казачьеѳ головы изба на улице Торговой, улице богатой. Пятидесятник Анкудинов — мужчина бессемейный, телом крепок, но головой часто хвор бывает по причине склонности к зелью винному. Но себе на уме. Иза что крепость, двор крыт, во хлеву коровы, на конюшне четыре лошади, в жилом амбаре трое работников-башкирцев, из пленных, а в избе при господине хромой прислужник русский. Полная чаша!

Гореванов своего коня у ворот привязал, второго скакуна за повод взял, застучал в тесовы ворота. Отпер слуга хромой.

— На-ко, дед, сведи сего аргмака на конюшню вашу. Ничего, что хром, как и ты, зато кровей не в пример добрых, оздоровеет скоро. Что Силантий Егорыч, дома ли?

Старик буркнул, кивнул. Повод принял.

В горнице никого не было. Иван на образа Спаса покрестился, в спальню заглянул.

— В добром ли здравии пребываешь, Силантий Егорыч?

Можно б и не спрашивать. Лежит Анкудинов на кровати под одеялом пуховым, на плешивой голове мокрое полотенце. Анкудинов показал глазами:

— Налей мне.

Иван потянулся к бураку с квасом.

— Дурак! Сперва вина налей.

Приподнялся, приладился, опрокинул чарку, забубнил:

— Замаяла лихоманка, сам налить не в силах. Ефрем, черт хромой, на зов нейдет, налить хозяину не хочет. Ужо встану, втору ногу ему, анафеме, покалечу. А ну, Ивашка, налей ешшо.

— Как хошь ругайся, Силантий Егорыч, не налью. Сперва про дело доложусь...

— Про дело без тебя ведомо. Налей, за твою удачу выпью. Хошь из мужиков ты, а хватка казачья, хвалю. Много лошадей взяли?

— Крестьянский табун возвратили сполна.

— То учинили вы не гораздо. Утаить бы с пяток — мол, башкирцы съели.

— Башкирцев-то всего-то шестеро было, нешто каждый по лошади съел?!

— Кто их считал, шестеро али сотня... Нет, не гораздо дело изладили.

— Казаку грех крестьянина обижать.

— Эх! Не обессудь, Ивашка, а дурак ты. Мужиком был, таковым и остался. У казака — что схватила рука, то и его.

— Трех лошадей у воров поймали, то добыча праведная. Тебе, Силантий Егорыч, кланяемся конем добровеешь, и на нем ездить можно станет. Ты мне пистоль свой давал, так на вот, принес я.

— Пистоль у тебя пуцай будет, мне, хворому, нужды в нем покуда нету. А сколь денег мне принес? — глянул остро, не по-пьяному.

— Каки деньги?

— За ясырь. Знаю ведь, троих башкирцев взяли. Немошен, а свою выгоду и лежа ухватить поровит. Коня ему мало, вишь!

— Ясырь не выкуплен, да и корысти от него большой не чаю. Двое полонянников худорожны вовсе, кому надобны? Ты ж, Силантий Егорыч, бойся бога, не обижай казаков...

— Станете верой и правдой службу справлять, мне во всем прямить, то и вам обид не будет. А ежели своевольство да воровство, тогда на себя неняйте.

— От нас воровства нету никоторого. От тебя же тершим...

— Остерегись! Воровство — от меня? Облыжны речи твои слушать не желаю!

Он хотел подняться. Но застонал, зажмурился, упал на подушки.

— Ахти, мать пресвятая богородица!.. М-м... Налей-кось.

— Не налью. Сперва доподлинно разберемся, чьи речи облыжны.— Иван убрал бутылку под кровать.— За службу казаку безземельному, конному жалованья в год семь рублей. Да жалованья хлебного двадцать четыре пуда. Я знаю, читал в реестрах окладных. А нам ты о прошлый год сколь выдать изволил? Иному рублев с пять, иному и того менее! А утаил хлеба от нас...

— Ты свое сполна получил! Али не так? Ну и по-малкивай.

— Получил. Но рот мне тем хлебом не заткнул ты.

— Можно и иным чем заткнуть...

— Не мне, а тебе, Егорыч, глотку потребно казенной печатью оградить, чтоб наши деньги вином туда не текли. А ты с казаков еще и выкупу ясырного хошь! Не жирно ли?

Анкудинов губы расквасил плаксиво, заприбеднялся:

— Ванька, креста на тебе негу! Того гляди, богу душу отдам, да ишшо ты мучаешь... О, господи!

— Коня доброго тебе отдаем,— гнул свое Гореванов.— Деньги ж от выкупу ясырного — меж собою, коли дадут деньги. И жалованье казакам впредь чтоб сполна давал.

— Эй, Ивашка! Ты пошто ноне экой храбрый? Чаешь, что боле не подымусь я? Ой, гляди, парень, дерзки речи твои не забудутся...

— Покудаве ты подымаешься, я завсегда на ногах. Недолго мне в седло сесть, да в город Катеринбурх съехать, довести Геннину-генералу, каков ты есть нам казачий голова.

— И пошто взъярился на меня, убогого? Забыл, Ваяя, каков здесь появился ты, рванный да тощий? Моей волею в силу вошел, моей правой рукою сделался, так на благодетеля свою не замахвайся, Ваня. Ин ладно, зла на тебя не держу. Клячонку пораненную, полудохлую дали, и за то спаси вас бог. Кабы ешшо башкирка одного в работники... ась? От меня ж твоим казакам завсегда... Да налей же, доколе мучить будешь!

Выпил, крикнул блаженно.

3.

Лет пяток тому, как Башанлыкский завод еще только строить зачинали, первым делом воздвигнуто было добротное, из дикого камня строение, о двух ярусах хоромы: сверху канцелярия, внизу тюрьма. Тут же флигель обширный для чинов управления, уставщиков да приказчиков. При тюрьме же сарай правожный — для экзекуций, сиречь наказаний телесных. От этих важнейших строений и весь завод пошел.

А заводского строения в Башанлыке — одна домна, два горна, молотовая фабрика, четыре амбара под железо и всякий провиант, да амбары под припасы лесные, да погреб с порохом и иным ратным припасом.

Вкруг сего избы, землянки. Весь посад стеною обнесен — для бережения от башкирцев, которые хоть и государевы ныне данники, но своевольны, до грабежей охочи. Земли же их близко.

В царстве Российском во все времена, при всех почти государях близ трона непременно временщики обретались, и случались они иной раз самого царя грознее. На Башанлыкском заводе таков же пребывал порядок: самого управителя редко кто видел, всеми делами вертел помощник оного, господин Тарковский Казимир Карлович, польский немец в русской службе. До этого состоял он в пехотном полку и за некие подлости удален на уральские казенные заводы. В деле горном не дюже смысленный, но господин хваткий, увертливый. Наезжал в Башанлык три года назад сам Татицев, нашел в заводском да рудничном устройстве небрежения многие. Ожидалось, что если не чинам многим, так вороватому Тарковскому быть в розыске и с должности устраненному. Да в скорости Татицев сам молитвами промышленника Демидова смещен был. Тарковский же остался, упущения тоже.

Кроме людей пришлых, мастеровых, железному делу обученных, числилось за заводом приписных крестьян полторы тысячи душ из четырех селений. Но числилось только по ревизским сказкам, то бишь согласно последней переписи. С той поры иные померли, иные в нетях. Бежит и мрет народишка от заводских тягостей, в людях работных великая нехватка. Посему помощник управителя господин Тарковский (заглазно комендант Тарковский) велел в тюрьме сидельцев зазря не держать, а, выпоров, сколь по вине их пригодно, наряжать бы в работы: неча казенный харч переводить даром. Секли тоже не до упаду, а с расстановкою: побьют вполонину или в четверть указанного, да и отпустят в завод, а подживет спина, еще побьют и отпустят. И для казны не убыльно, и милостиво вроде. Оттого Тарковский почитал себя просвещенным человеколюбом.

Казакам, поверстанным большею частию, из людей вольных, гулящих, службу гарнизонную не шибко доверяли. Канцелярия, тюрьма, покои комендантские и управительские состояли под охраною солдат караульной команды. И казачий пятидесятник, и солдатский поручик пребывали в подчинении того же Тарковского.

Гореванов и Ахмет, к тюрьме направляясь, шли улицею посадской. У плотнины сопели, вздыхали водяные машины, ухала молотовая фабрика, на товарном дворе лягало железо. А на конторском дворе, за каменными его стенами, тихая сонная жара. Караульный солдат в тенечке посиживает, ружье меж колен. Сухарь грызет, чтоб дрема не долшла. На казаков только глянул, не остановил — эти свои.

— Полоняников кормил ли? — спросил Гореванов у Ахмета.

— Утресь хлеб давал, вода приносил. Мало-мало сытые.

— Пригляди, чтоб баенок весь хлеб не отымал.

— Байского сына комендант особо держит, в иной камере. Приказывал ему солома подстилать. Глядеть надо, чтоб мимо тебя комендант выкуп не забрал себе.

— На то ты и представлен, чтоб глядеть.

По каменным ступеням сошли в караульную. Сумеречно здесь, прохлада подземная. На нарах солдат храпит, двое у стола лениво играют в пешки. Из караульной еще три ступеньки вниз, тут двери каморные на засовах, иные и на замках заперты. Ахмет к одной двери приступил, засов взвизгнул. Навстречу Гореванову с подстилки соломенной шатко поднялся байский сынок. Верхняя губа под черным пушком то ли улыбку дернула, то ли плачем злобным оскалилась, видит он над собою врага — но и господина, от чьей милости свобода, судьба, жизнь зависит. Стоит над ним урус начальник, левая ладонь на рукояти сабли, в правой плетть о сапог похлестывает. Страшно парню, и обидно, и стыдно за страх свой.

Ахмет сказал:

— Сапог-то на ем хорош. И халат, гляди. Казак таку одежду в праздник не носит, а он — на разбой...

— На чужое не зарься.

— Не чужое — добыча наша.

— В полоз взят мальчишка, и довольно ему бесчестья. Ежели, выкуп взяв, нагишом его отпустим, то уж казачьей чести поруха выйдет. Айда, глянем тех двоих.

Захлопнулась дверь, засов скреженул. Пленный дух перевел: не стегнула плетть уруса по самолюбью молодому...

Чтоб в эту камору зайти, надо в пояс неволе поклониться — дверь низка и низки потолки сводчатые. Четыре ступени еще вниз, в яму. Пол из камня плитного, чтоб сидельцы подкоп не учинили. Едва Гореванов порог переступил, как чуть не под ноги башкирец на колени пал. Узнал его Иван по повадке — тот, отсталый, без всякой драки взятый.

— Эко его бай насобачил. Сведи к Анкудинову, пусть теперь нашему пятидесятнику кланяется.

Второй полонянин на казаков лица не поднял. Сидит на холодном камне, сам как каменный божок монгольский. Спина пряма, бритая башка серой щетиной поросла, глаза закрыты. Грязна и рвана рубаха грубая, в прорехи темная кожа видна, сквозь нее кости выпирают. Сапоги русской выделки — поди, с убитого содрал. На полу коврик с водой, аржаного хлеба ломток, мало еденый.

— Так и сидит истуканом, — пальцем указал Ахмет.

— Да он живой ли?

Ахмет из-за пояса выхватил плетть-камчу, сунул пленнику под бороденку, голову ему приподнял. Черные глаза открылись, уставились в потолок отчужденно. Тоска в них.

— Ладно, не тронь, — велел Гореванов.

— Его Касымка звать. Сидит, молчит, ровно мертвый. Вон тот за него говорил — мол, Касымка он. В улусе баба, малайка — сын. Бабу — ничего, малайку — жалует шибко. Скучает, кушать хлеб не хочет.

— А ну растолмачь ему: скоро отпустим к бабе, к сыну. Выкуп пригонят — и отпустим не мешкая.

Ахмет перевел. Башкирец не шевельнулся, только желваки на скулах обозначились. Ахмет щелкнул языком:

— Ежели долго не пригонят — помрет, наверно.

Но вдруг Касым быстро проговорил что-то. И вновь замер.

— Чего он?

— Говорил, шибко бедный, выкуп давать некому.

— Ну, это еще поглядим. Айда отсель.

На двор выйдя, щурясь от яркого солнца, Гореванов молвил:

— Мужество надобно в ратном поле, а в тюрьме и того боле.

— Нешто в тюрьме ты сиживал?

— Не доводилось. А впредь — от сумы до тюрьмы не зарекайся... Этому, как его, Касымке, ужо баранины сноси. Баенка дверь нашим замком запири, надежней будет.

— Вашему грамотейству наше почтеньице, — сказал Гореванов в канцелярию входя. Душно, томно здесь, хоть и окошки настезь. Подьячий за столом сидит в исподней рубахе, босой, на носу капля пота повисла.

— Ты, Гореванов, где запропал? Пошто доискаться не можно? Тебя господин комендант требует. В судную поди, там он таким, как ты, укорот дает...

Судная изба деревянная, из сосновых плах сложенная, на две половины поделена: в одной господин комендант суд правит, а ежели кто не винится, ведут того на другую половину, где служитель из ссыльных, бывший капрал, детина ражий Карпыч злоумышленника в покорство приводит, правду надобную из него добывает. Кому ж после суда порка уготована, ведут в амбар.

Молчалива сегодня изба судная. Вчера большая часть солдатской команды отправлена ловить на дорогах беглых, а в таком разе комендант суд чинить опасается. Рассудил лишь несколько безотлагательных дел — от избы уходили понуро двое бедолаг, за ними уставщик шел, суковатой палкой поигрывал, будто скотину гонит. А вот на крыльцо сам комендант Тарковский выйти изволил. Без сюртука, по случаю жары, но в треуголке и при шпаге. Казачьего десятника ястребиным взглядом ожег.

— Сколь за тобою посылать? Где черти носят?

Ответствовал, поклон по чину отдав:

— Пришел вот.

С ног до головы оглядел казака презрительно: ишь, морду наел, каналья! Прибыл сюда из Кунгура тощ и рван, а за год в Башанлык от харча доброго, от воли казачьей в тело вошел, плечья раздался, борода долнитя приглядно. Комендант Тарковский любил рявкнуть по-медвежьи, голосом властным устрашить. Но против Гореванова отчего-то не кричалось, когда и хотелось бы, и надобно. Что-то в казаке этом было... Или не было чего-то... Раболепства не чуялось, а это закричать на него весьма мешает. И на сей раз комендант приказ изъяснил без обычных ругательств:

— В правожном амбаре мужик дожидается, вели ему штаны сымать, да всыпь полста горячих.

Тарковский с крыльца сошел, треуголку снял, платочком лоб промокнул.

— Людей бить, то служба не наша, господин комендант.

Из-под платка брови белесые насупились. Но и опять же не рывкнул комендант, уместным почел до отеческого назидания снизойти.

— Пятидесятник ваш хвор, Карпыч ушел с солдатами беглых вразумлять. А ты ступай и пори, коли приказано.

— А за какие провинности?

— Тебе не все едино? Лошадь казенную пропил!

Подтолкнул Гореванова к правожной. Пришлось идти.

И то: мужику все одно битому быть, не сей день, так когда Карпыч воротится, а уж он-то, Карпыч, охулки на руку не положит.

Правожная — не амбар даже, а сарай, из ивовых виц плетен, щеляст — дабы вопли наказуемых далеко слышно было, прочим в острастку. Воняло навозом, кожами, еще чем-то. Солдат караульной команды и седоватый мужичонка в замыганной рубахе сидели рядом на правожной скамье, беседу вели мирную. Пред комендантом встали. Солдат грудь выпятил, подтянулся. Виновный, догадавшись, кому палачом быть, на Ивана щурился с полуулыбкой. Ни страха, ни злобы, ни обиды на лице морщинистом. Ливялый мужичонка, много жизнью, видно, трепанный, да и не пужлив. Господин Тарковский в воротцах стоит, сквознячок ловит, треуголкой на себя машет.

— Начивай!

Солдат усы встопорчил:

— Чего стоите, мать ваша курица! Вали его!

Мужичок без суеты, деловито развязал гапник, портки спустил — будто просто так, до ветру собрался. Рубаху задрал, лег на лавку. Снизу вверх на Ивана взглянул: дескать, ладно ли я лежу, сподручно ль будет господину казаку хлестать? Иван плетью затылок почесывал, медлил. Не подымалась рука для удара. Спросил:

— Как же ты, братец, коня-то, кормильца свою?..

— Да ведь на грех мастера нету, благодетель ты наш....

— Бей, черт! — комендант подскочил, плеть у Ивана выхватил, сунул ему свою треуголку. — Кххы!..

Хлестнула ременная плеть, дернулся тощий зад, еще, еще... На бледной коже вздувались багровые полосы, мужик екал горлом, но терпел, не выл.

— Кхы, двенадцать! Кхы, тринадцать! — отсчитывал Тарковский, с каждым ударом сатаня.

На двадцать первом счете мужичонка застонал протяжно, вскинул с локтей своих лицо, еще более сморщенное страданием. Иван шагнул, поймал занесенную плеть.

— Дозволь и мне...

— Прочь!

— Запарисься, господин, не барское оно занятие.

Отнял плеть, размахнулся широко, р-раз — взвыл мужик диким голосом.

— Во-о, так его, растак! — пропел довольный комендант. Гореванов в размахе чуть самого его концом плети не достал, Тарковский отскочил подале. Наказуемый воил благим матом, взрыдывал, визжал.

— С оттяжкою бей, дурак, каналья! — лютовал Тарковский. — Сорок два-а, сорок три-и...

Крик захлебнулся, захрипел надсадным кашлем.

— Бей, чего стоишь, песий сын!

Иван замахнулся, но сзади кто-то ухватил его за руку.

— Дяденька, миленький, хватит, ой, хватит!!

Девчонка! Отколь взялась? Тонка, как соломинка, а вцепилась — не оторвешь.

— Как смеешь! Кто пустил?! — во всю грудь Тарковский рывкнул.

— Он тятенька ейный, — пояснил солдат. — Вместе пришла.

— Нет, как смеешь препятствовать?! Пор-роты! Хлещи ее!

Иван заслонил девушку.

— За что, барин? Она, чай, лошадь не пропивала.

— Молчать! Бей, приказываю!

— Охолонь, барин. По экой жаре горячиться не след. Вишь, тятка ее сомлел, чуть тепленький.

От ровного, уговорливого голоса Тарковский вроде поспокойнее сделался. Треуголку нахлобучил. Девку кругом обошел, оглядел со вниманием. А с виду ей годков шестнадцать. Дюмотканый сарафанишко выцвел до глубины, платочек белый, из-под него коса светло-русая ниже пояса. Тоненькая, белая, среди троих сердитых мужиков — барина, солдата и казака, словно лучик солнечный проник в сарай. Солдат соорил девке рожу зверскую: беги-де отсель, покуда сарафан не задрали да плетью не погладили. А она нейдет, хоть у самой от страха губы прыгают.

— Дяденька, ради бога, дозвоьте нам идтить! Милые, не надо боле!..

Комендант к ней было руку протянул, да на Гореванова покосился, «гм» сказал, плюнул, мужика пнул коленом.

— Убирайтесь!

Вышел вон. Солдат к мужику наклонился.

— Подымайся, коли можешь. А ты, девонька, пошто встревала? Али не боязно себя, эку тоненьку, барскому гневу подставлять?

Мужик все еще кашлял. Дочь ему встать помогла. Придерживая на заду портки, чтоб по рубцам не елозило, поклонился Гореванову.

— Спаси тя Христос.

— На здоровье. А лошадь, хоть и казенну, берегчи надо.

Дочь шепнула:

— Айда, тятенька, пойдём.

Иван глядел, как шли они: в ярком проеме ворот — мужичонка битый враскоряку, девичья молодая стать опорю ему.

— Хороша у пьяницы девка, — солдат заметил. — Пропадет однако.

— Не каркай.

— Да я что... Комендант на нее глазищи пялил...

4.

Хромой балалаешник седые кудри к плечу клонит, прилаживается, пальцы разминает — да как свистнул, гикнул, вдарил:

Гей, гуляйте, казаки,
Не жалейте пятаки,
Коли живы будете,
Червонцы добудете!

Пьяно в кабаке. Нынче горевановскому десятку
праздник вышел, сам черт их стороною обходит.

Да на Яике на реке,
Во Яицком городке
Житье распривольно...

Из яицких здесь лишь Васька Порохов, и тот бес-
путный, бродячий. Но под вольную казачью песню раз-
дольно и гуляется. Звенят кованы сапоги, гнутся поло-
вицы — это Филька Соловаров, распахнув руки, впри-
сядку мелким бесом стелется. Над ним Порохов избо-
ченился, и ленивой проходочкой притоптывает, озорным
глазом рыжей кабацкой бабенке подмигивает, и вдруг —
у-ух! — рассыпал лихую дробь. Афоня Пермитин сте-
пенно дрыгает то одной ногой, то другой. А балалайка
частит, в пот вгоняет — веселись, душа, пляши, нога!

Со двора в окна заглядывают: понизу головенки ре-
бятчи, над ними бабьи платки, а поверх — мужичьи бо-
роды. Завидуют, вона какая горевановская удача под-
валила.

Сам десятник Иван Гореванов пьет мало, но веселья
не портит: и песню завести горазд, и беседу, коль пля-
суны приустанут. Между тем за своими приглядывает:
не учинилось бы какого непотребства. При гульбе стро-
гость более надобна, чем в работе.

Гореванов собой пригож. Блудная женка, играя,
платком ему ухо щечочет, ластится. Иван ее маленько
локтем отодвинул:

— Ну-кось, не засти пляску.

— Уй, строгие мы какие! — ее хмельные глазки
приязню так и светятся. — Ванюшенька, правду бают,
из монашеского ты звания, беглый? А меня, Ванюша,
и монахи не обходят. Да взгляни хоть, экой ты! В ка-
бак пришел, а сидишь святее архирея.

— Иди пляши, Дуня. Успевай, покамест балалаеш-
ник не захмелел, — выпроводил ее мягко.

Губки надула, к Порохову перекинулась. Афоня Пер-
митин осудил его:

— Пошто отогнал? Бабенка пышна.

Казак Семка тычет в бок Ахмета:

— Пей, басурман, скула сибирска!

— Крещеный я, — сердится Ахмет.

— Право? Тем паче пей. Лакай, друг, на зло ваше-
му аллаху! Веселись!

— Мне и без вина весело — Ивашка коня дал! Вах, знатный конь!

Гореванов хлопнул его по спине:

— И ты казак знатный, Ахметша. Ты его, Семка, не спаивай.

Васька Порохов, наплясавшись, десятника облапил, чмокнул в лоб мокрыми губами.

— Ивашка, атаман ты наш, башка премудра! За малая-сопляка экой богатый выкуп стребовал! Казаки! Эй, уймитесь, слушайте! Казаки, возглавим Иванку атаманом? Право слово. На кой нам ляд Анкудинов сдался?

— Сядь, — одернул его на скамью Иван.

— Не-ет, на что нам Анкудинов? Вина ему дай, ясырь дай, коня дай! За каки доблести? Теперя Ахмет ему полведра вина снес — за что?

— То гоже, — вмешался Соловаров. — Пушай Анкудинов запьется к чомору. Ты, Иван, его не слухай.

Порохов не унимался:

— Еще и башкирца ему подарил ты, Ивашка. Продать бы купцу в работники, деньги пропить всем миром...

— Не бояре мы, холопами барышничать, — сказал Иван.

— Ясырь с бою взят, добыча праведная, продать — не грех. Башкирцы сколь наших девок да мужиков персиянам продали — тыщи!

Один из казаков, лицом посуровев, молвил:

— Свояка мово Саввы. Полухина из Ключевского высела сестру-девицу угнали о прошлый год. А у Максима Боброва жену тоже.

— Оно и худо, что мы и башкирцы продаем друг дружку, а надобно заодно бы... — покачал Иван головой.

Соловаров опрокинул в рот чарку, усы рукавом обмахнул, крикнул:

— Худо, нет ли, а живет искокон сия торговлишка. Эх, братцы, мне б хана ихнего споймать!

— И с женами всемя? — хохотнул Васька.

— Сказывают, у ханов табуны несметны, золота и камней самоцветных, и всякого богатства не считано. За хана выкуп огреб бы...

— Бери! — гаркнул Порохов. — Хватай хана! Обдери его как липку! Погуляем уж власть! Поедем в Верхотурье-город, по всем кабакам зальемся, друг сердешный Филька...

— Не. Я б на Русь обратно, землю пахать. Избу поставил бы из бревен лиственничных, чтоб как терем боярский...

— При богатстве да землю пахать? Так не бывает. За сохою ходить тому пристало, у кого денег ни гроша, ума ни шиша, храбрости на таракана только. Казачья судьба — не пахать, а саблею махать, храбростью зипуна себе добывать.

Соловаров отвечал раздумчиво:

— Ноне я казак, да родом крестьянский сын. В деревне своей, на Тамбовщине, хотел, вишь, землицы прикупить, хозяйство ставить крепко, да не сдюжал, сил не хватило... А ведь как тянулся, недопивал, недоедал, по грошику скалывал... Нет, Васька, деньги, они и пахарю надобны. С ними ни боярин, ни дьяк, ни сам черт меня не потеснит.

— Про черта не ведаю. А от бояр да дьяков не от-

купишься, им все мало. От них средство — сабля! — Васька вскочил, руками замахал. — Сказывали старики, когда во Яицком городке Степан Тимофеевич Разин стоял, — где те бояре-дьяки подевались...

— А после куды подевались казачьи сабли? Атаману — плаха, гулебщикам — петля.

— Зато гульнули деды — не нам чета!..

— Будя! — крикнул Гореванов. — Ты, Васька, ешь пирог с грибами, да держи язык за зубами. Ежели на плаху шибко охота, то хошь бы за дело, не за слово пустое.

Притихли пьяные речи. Кабацкий целовальник, видя, что на гостей печаль пришла, дернул за ухо балалаешника. Тот спросонья с маху по струнам вдарил, зачастил плясовую. Женка Дуня, простоволосая, на красной роже ухмылка до ушей, мимо Васьки пьяной павой заходила, платочком помахивая. Васька взвился.

— Чего сидим мы? Казаки али думные мы дьяки? Не велик пост, казацкое воскресенье поне! Изх, тари-тари-тари, куплю Дуне янтари!

Дуня с привизгом ему:

Уж я ж тебе за янтари...

Ах, никому не говори...

— А и впрямь, айда-ко плясать, — поднялся Соловаров. — Пропьемся, тогда и думать станем.

— Размять, что ль, ноги, — и Пермитин пошел степным приплясом к целовальниковой бабе, забыв, что своя в окно глядит.

Гореванов улыбался плясунам, но сам в круг не шел, балалайке не подпевал. Не ко времени — от байки про выкуп, что ли? — вспомнился день вчерашний, как пленных отдавали.

С утра явилось солнце в пустом блеклом небе, жгло горы, перелески, сушило землю, пашни жаждою томилась. Злое нынче солнце. Прогневалось небо, грозит пожарами, недородом...

За острогом на равнине приречной пыль с утра, и дым, и топот, крики. Пахнет шерстью паленой — казачи лошадей, кои для себя, клеймят своим тавром. Для торга пойдут неклейменные.

В стороне верхами трое улусников. На лицах скуластых, темных, как седельная кожа, тень презрения к суете. Улусники выкуп пригнали. Ругался бай, всех бил, пока мулла с купцом не уlestили: вах, удалой сын у бая Тахтарбая! Русские глупы, но молодого карагуша оценили по достоинству, от того баю Тахтарбая честь, не надо скупиться, не надо торговаться, надо сына выкупать.

За полдень управились казаки с табуном, в острог загнали, чтоб вороватым улусникам соблазну не было. Оседала пыль, висел над рекой в безветрии парной дым залитых костров. Улусники терпеливо ждали: десятнику Гореванову верить можно.

Гореванов с двумя казаками, при них Ахмет толмачом, вывели из ворот острожных молодого Тахтарбая и Касыма. Парню сказано было, какой выкуп отец дал — за него одного два десятка отборных скакунов, а Касым так, даром отпущен, ради почтения к байскому роду

Тахтарбая. Узнав это, баенок стал себе дорог, от гордости превознесся, на десятника и казаков взирал надменно. Раздулся от важности, страхи недавние забыв. Казакам смешно. От удачи подобрев, малая потешили — поклон ему отвесили, сами ухмыляются в бороды. Баенок ухмылок не заметил, но и на поклоны отвечать не унизился, животик выпятил, шагов десять прошел достойно, и не утерпел, побежал, вскочил на оседланного коня.

— Стой! — Иван у казака ружье выхватил. Парень скакуна осадил, съезжился.

— Ишь обрадовался, — Гореванов ему сказал. — Верного слугу покинуть не гоже.

Касымовы глаза на десятника широко уставлены, не верит, что и его к бабе, к малайке пустят. Насмежаются неверные урусы? Какая нужда им отпускать без выкупа? Или милостивый аллах помрачил их разум?

— Айда, айда домой, — легонько подтолкнул его десятник. — Нет, погодь маленько, спросить хочу. Али так хорош барин твой Тахтарбай, что за сына евоного под сабли башку подставлял? Ахмет, растолмачь ему.

Стоял Касым, на земляков глядел, на молодого хозяина, который в седле все вертелся, страпась казачьего ружья. Урус-начальник говорит с Касымом голосом добрым. Станный урус. Зачем спрашивает, и так понятно... Ладно, пусть слушает.

— Чего лопочет башкирец?

— Ему, бает, все одно пропадать было, что от русской сабли, что от байской палки. Тахтарбай велел сына беречь. Касым без малая вернется, бай убьет. Касым малая спасет, сам погибнет — тогда, может, бай семье его хлеба дал бы маленько.

— Выходит, не от любви к барину, а с отчаяния на рожон лез, бедняга? Ну, пушай идет с богом.

— Айда, Касым.

Этот не побежал. Уверившись в отпущении своем, поклонился издали казакам...

Звенит, гремит, гуляет кабак. Васька подскочил:

— Чего задумался, атаман наш удалой? Али новый ясырь брать замыслил? Веди! За тобой хошь на край света!

— Думаю вот... Поговорка, есть: ворон ворону глаз не выклюет. Отчего ж человек человеку голову оторвать готов? Неужто век и у всяких народов так: у кого богатство, у того и власть, а остальным хошь пропасть?..

Филька Соловаров палец вверх поднял:

— Знатко, надобно богатым быть, и вся тут премудрость.

5.

Колокола не звонят — плачут голосами человечьими. Возносятся их жалостные звоны-плачи к небу пустому, к солнцу нещадному, молят у бога дождика для пашен, как молит голодный ломтик у богача. Дай-й, дай-й, дай-й, господи! Спаси от глада и мора, грядущего в знойном мареве на земли иссохшие! Несутся в звонах тех слезы

баб, мужиков, детишек: господи милостивый, спаси! И без того худо, страшно живется в краю приграничном, и от басурманских набегов разор, и тяжки подати государевы да поборы господские, надрывна заводская работа. Спаси, господи, люди твои!

Крестный ход после молебна в поле возвращается к храму. Впереди лавошник благообразный фонарь несет. За ним справа другой мирянин с крестом запрестольным, а слева третий, с иконой Пресвятой Богородицы. Потом хоругви несут, за хоругвиями священник с дьяконом. Хворый старичок-дьякон от зноя изнемог, большая свеча в руке его на сторону клонится, кадило за рясу цепляется, голос старческий дребезжит. Псаломщик Тихон, в первом ряду певчих шагая, за стариком приглядывает: то кадило поправит, то свечу, то самого старца за локоть поддержит.

За певчими следует управитель с семейством, комендант Тарковский, уставщики, мастера, плотинные, прочая заводская старшина. Казачий пятидесятник Акудинов ковыляет на нетвердых ногах, двумя десятниками подпираем — ему тоже охота дождичка, ибо от жары хворь его усугубляется. Пот с него каплет, пропахший винным зельем. Далее простой люд идет, казаки, солдаты. В руках свечи восковые, и не колеблются их огоньки в безветрии, не видны в солнечной яркости.

Гореванов с толпою шел, подпевал клиру; в годы отроческие при монастыре Никольском едино что радовало — пение стройное, слуху и сердцу приятное. Но когда с полей ко храму крестный ход возвращался, ослаб голос его, стало пение отрывочным: весь обратный путь не образ девы Марии созерцал — иной, земной образ искал в толпе, и сарафан до голубизны выцветший, словно вот из этого неба сшитый. Что ж, крестный ход — дело святое, да шествуют в нем люди грешные, не всяк только на поповские гривы любитесь... Баб молодых, девок на молебствии множество, есть на кого любоваться. Девицы на выданье, вдовушки, да и замужные молодухи на пригожего десятника глазами поводят: дождик надобен, а и добрый молодец тоже... Потому-то иная, приблизясь, — очи на свечечку опущены, щеки не жарою раздумянены, — шепнет меж словами молитвенными: «Какovo поживать изволите, Иван Федотыч?» Поклонится учтиво. — «Вашиими молитвами, Авдотья Харитоновна», — и сызнова выцветший сарафан взглядом выискивает. А девка та и незнакомая вовсе, единожды видена, и то в месте недобром, в месте правежном...

Казак Ахмет, нареченный при крещении Савной, рядом идет, свечку несет, шепчет:

— Николка, ты добрый! Мне лошадь обещал — дал. Гляди, свечку тебе несущу. Николка, дождика нам дай! Видишь, люди просят, батька-поп кричит — почему не даешь? Николка? Башкирски муллы тоже дождика просят, аллах тоже не дает, пошто, а? У тебя, видно, воды нету, у аллаха нету. У какого бога вода есть? Тому богу свечку твою отдам...

— Ахмет, святым грозить нельзя.

— Осерчают? Вах! Все начальники таки: просишь — не дают, ругаться станешь — бьют...

Рослый дюжий мужик все время заслонял, не видать из-за него... Иван отстранил сермяжную спицу, вперед

стал пробираться. Сухая горячая пыль вздымается, в нос, в глаза порошит, навертываются слезы, и чудится людям — то от молитв в небе влага копитя... Но пыль, только горячая пыль.

Догнал. Девка, как девка. Одежку не боярышня, красую не царевна. Да станом крепкая, ладная. Ручонка маленькая, да не только для свечи сподоблена — вона как тогда за плеть схватила цепко, сильно. Такие девки что в избе, что на огороде, что на фабричной работе иного мужика ухватистей. А доля их и мужицкой горше...

Шествует крестный ход, в благовесте, в молитвах, в пыли... Иван девчонку обогнал чуток, поглядывает искоса. Белый плат повязан до глаз, видно личико округлое, ресницы опущены, губы совсем девчоночьи, припухлые, молитву шепчут. Ах ты птаха малая в перышках голубых, слышна ль на небеси сердечная мольба твоя, видна ль оплывшая в зное свечечка восковая? Хотелось заговорить, про отца бы спросить, что ли, — и отважился: молитве негоже мешать. Да и обидел отца ее, хоть не своею охотою бил. Не своею охотою, по господскому велению — так отчего совесть неспокойна? Не оттого ли, что он, десятник казачий, саблю и пистоль при себе имея, приказу жестокому не перечил?

Но мужик-то коня пропил... Ежели всяки непотребства прощать, этак и весь завод прощем. Строгость Руси надобна, ибо велика страна, и народ в ней праву разного. Так где истина? Или посередке меж добром и злом? Жестокостью и прощеньем? И где в той истине, на каком ее краю десятнику Гореванову себя блюсти?

— Куды путь держит атаман наш? Пошто буйну голову повесил? — улыбается бородатый Афоня Пермитин, плечом подталкивает. — Али спишь на ходу, ровно конь заморенный? Зайди ко мне в избу, испей бражки.

— После молебна да сразу бражничать?

— А чего? Выпьем за дождик, авось это крепше молитвы тучи двинет.

Уходит вдале голубой сарафан, платочек белый...

— В другой раз, Афоня. И без браги голова дурна — напекло.

— Ну и бог с тобою. Ахметша! Пошто за Иваном тянешься? Ты за мною айда, зальем попову молитву.

— Верно, Ахмет, ступай-ка с Афоней.

За воротами острога, за мостом через ров в обе стороны расползся выселок. Избы здешние низки, закончены, ютятся в выселке нищета, голь перекатная. Избенки ставлены наспех, сложены из чего бог пошлет, житьельствовать в них долго выселковцы не чаяли. Бывало не единожды, в налете внезапном ордынцы дотла выселок выжигали, и сызнова он возникал. Бывали налеты и свои: солдатская команда беглых лавливала. Барышники, лавочники, господа заводские и прочие состоятельные худородный выселок не жаловали, побаивались в одиночку по кривым проулкам хаживать. Скудно, смутно прозябал выселок.

Вкруг Ивана собачня заходила лаем, свирепствовала. Гореванов ножнами песью стаю пуганул, подошел к развалюхе, куда голубой сарафан скрылся. И уж коль явился, зайти следует.

В сенцах че поберегся, головой о притолоку треснулся.

— А ты клавайся, когда в наши хоромы пожаловать рискнул, — встрел его насмешливый голос.

День белый на дворе, а в избухе сумрачно. Поморгав, пригляделся. С улицы, со двора избушка не красна, ветка, а в середке столь опрятна! Стены белены, пол земляной ровен, дух здесь чистый, травяной. Тесно, бедно, а пристойно. На дощатых нарах белая холстина. Под лоскутным одеялом мужик лежит спиною кверху. Иван шапку снял, перекрестился на передний угол.

— Здорово, хозяева!

— О-о, гли-ко! Опять пороть? И то, заду моему полдюжинки горячих еще недо дано. Спускать штаны али посидишь, отдохнешь сперва?

— Лежи знай, не зубоскаль. Проведать пришел, как ты теперича вроде крестник мой. Полдюжины горячих — бог простит.

— Бог-от простит, он милостив. Комендант — навряд ли. Ну ин садись вон на лавку. Водочки бы тебе поднести, да негу, уж не взыщи, служивый.

— За водочку с тебя взыскано довольно. Не чарку вымогать пришел я, а просить за битье не злобиться.

— Что ты, батюшка! Вот оздоровею — в ножки поклонюсь за битье твое милосердное!

— И ты лежал, молодцом. Голосил таково отменно, что и дочерь твоя спужалась.

— Старался. Ажно в кашель ударило. Кабы не ты, господин комендант в усмерть забить мог! Противу его лютости твоя порка — баловство. Вишь, счастливый я: страшна плеть, да не дал бог околет. Скоро подымусь. Подживет спина, и иди робь, Кузьма.

— Тебя, что ль, Кузьмою звать?

— Ага.

— А по батюшке?

— Как Стеньку Разина — Тимофеич. Только разные нас Тимофеи на свет божий пустили. Степан-то Тимофеич сам горазд был ударить, а меня, Кузьму Тимофеича, всю жизнь другие колотят. И то: он атаман, я мужик. Должно, так уж мужика бог устроил: душа богова, тело государево, спина барская. Ништо, я привыкший. Коль долго не бьют — скучаю: ах, начальство про меня забыло! И таково тоскливо станет, что выпить охота. Ну и выпью. Глядишь, и бьют. Живу дале весело.

— Ты стерпи, не пей.

— А пошто? Я выпью — доволен. Начальство выпорот — тоже довольно. Всем удовольствие!

Экий мужичок веселый. Лежит пластом, а боли и злости не сказывает. Из-под лохматой брови озорной глаз на казака поглядывает, в голосе надтреснутом ни стона, ни жалобы. Телом худ, да душою крепок Кузьма Тимофеич. Поди, и дочка в отца удалась...

— Девка-то где твоя?

Спросил и покаляся: оцетинилась бровь, стал остер глаз, голос глух.

— Сказывал ты, будто меня проведать пришел? Вот меня и проведай, как хошь, а дочерь не трожь. Она тебе покуда не крестница.

Гореванов сам на слово скор, но промолчал на сей раз. Неловко ему стало. Отвернулся к окошку, смущение пряча. На улице пусто. Под заплотом пес лежит в пыли,

кусают блох в паху. Иван псу обрадовался: нашел тропку, куда разговор свернуть.

— Собаки у вас заполошны, прямо разорвать ладят.

— Умнейшая животи́на! — отозвался Кузьма охотно, по-прежнему весело. — Они берега наша. Кто сюды сунется — царский писец али с товаром купец, милостивый барин аль злой татарин, — они и взлают, а мы глядим в оба: на коленки пасть, на брюхо лечь, аль оглоблей хрясь, да в лес убець...

— Складно баешь, Кузьма свет Тимофеич, — обрадовался Иван, что хозяин за неугодный вопрос не осерчал. Поднялся с лавки. — Прощевай. Оздоровливай. Еще зайти дозволишь ли?

— Приходи, ежели твоя милость будет. А не придешь, ишшо лучше, собакам лишний раз глотку не драть.

На другой день горевановцы в дозор ходили — все ль окрест покойно, нет ли угрозы какой землям приграничным. Но все тихо, слава богу. Жара, безлюдье. Лишь за полдень, когда казаки, вконец изопрев, под березами дремали, Гореванов и Филька завидели далеко-далеко в стороне восточной людей малым числом и с пяток телег. Филька догонять навострился:

— Кажись, беглые. На башкирские земли тянутся. Пойду казаков подымать.

— Кони заморены, не поены. Да, может, и не беглые. Может, за солью обоз. Не наше дело.

В Башанлык к ночи въехали. Иван пятидесятирку сказался: никого не видали, кроме обоза купецкого, что за солью, должно полагать, на Ямышевское озеро шел.

Еще день на всякие службы срасходовался. Покончив с делами, воротился Гореванов в избу свою. За стеною жужжит прятка хозяйки, у которой он на хлебах. Голосенки ребячьи. Хозяин на дворе лошадь распрягает, покрикивает. От застенных чужих шумов домовитых Ивану грустно сделалось. Спать эку рань неохота. Пойти разве к Кузьме, проведать? Обрадовался даже, будто лишь сейчас придумалось...

Мимо кабака проходя, завернул, бутылку вина купил. День воскресный, час не поздний — в самый раз ийти гостевать.

Солнце на лес легло, когда он, собачьем облаян, на кузьмов двор вошел. За избушкой огородишко, на четырех грядочках редька, лук, репка зеленеются. И поливает грядки кузьмова дочка. Господи, до чего в работе баска, все-то ловко у нее, споровисто...

— Бог в помощь, — шапку снял.

Поклонилась. Платочек поправила до бровей. Коромысло подхватила, ведерки лубяны, да и пошла бороздою, словно плыла над зеленью ухоженной... За соседским заплотом скрылась, не оглянулась. Вздохнул казак: хороша Маша, да не наша... Направился в избу.

Не вовремя наведался,— или тот, другой гость не вовремя? — сидит у Кузьмы дьякон церкви Преображенской, отец Тихон. Гореванов с поры отроческой, монастырской недолюбливал особ духовных. Отца Тихона во храме видывал, но знакомства с ним не водил.

Дьякон, молодой еще, облика смиренного, со скамьи встал, казаку поясной поклон отвесил. Волосы жиденькие, белесые, сзади в косицу заплетены, лицом бел и тонок, одет в подрясник потертый, холста домотканого. Скопидомны, жадноваты служители божьи... Гореванов в угол покрестился, хозяицу и гостю поклонился достойно, сел. Тогда лишь присел и дьякон — руки в рукава, очи опущены долу. Кузьма Тимофеич неловко, боком сидел на ложе сенном. Глядел на Ивана неприветно, дьякону подмигнул:

— Слыхал, отче, к Каменскому выселку опять неведомы ватажники набегли. Пять коров да телку угнали. Отчего така напасть, а?

Отец Тихон отвечал негромким приятным голосом:

— По грехам нашим господь наказует...

— Ты все про грехи. А по моему разуменью, оттого лихие людишки балуют, что казаки наши замест карательной службы по гостям гуляют. Ведь оно как: чей ни грех, а крестьянину поруха за всех.

Гореванов понимал: уйти бы отсюда надобно, чужой беседы не рушить — незванный гость хуже лихого татарина. Однако слово сказано не только ему обидное, а и всему казачеству в укор несправедливый...

— Зряшно баешь, Тимофеич. Каменских коровенок наши служивые отбили, хозяевам отдали. Ватажка разбеглась, не слышать их теперь. И вот чего, дядя: ежели я тебе не люб, то и сказывай прямо, всех казаков не порочь.

Зол, неласков ныне Кузьма Тимофеич. С того ли, что на заду ему сидеть больно, ерзает, уместиться ладом не может.

— Хошь, казак, чтоб тебе прямил? Изволь! Но и ты без утайки ответствуй: чего ради сюда ходишь? Меня, убогого, проведать? Эка забота приспела! А не тайный ли сыск замыслил? Так помни, в выселке не только собаки злы...

Белое лицо дьякона болезненно изморщилось.

— Окстись, для чего речешь гостю дерзостно! Какой сыск? Нешто мы крамолу замыслили? Мы, господин десятник, беседу ведем благоправную, более в рассуждении жития пристойного, христианину подобающего...

Но Иван уже шапку в охапку.

— Не впрок вам беседа такова, ежели казака от ярыжку не различили. Прощевайте, беседники благоправные.

— Прости великодушно, хвор Кузьма, оттого и речи ведет неразумны,— Кузьме перстом погрозил: — Грех тебе, грех! Гордынею преисполнился, раб божий!

Кузьма привстал, избочась.

— Ладно, не сердчай, служивый. Может, и сдуру поклеп я возвел. Да в диво мне от чинов военных забота добрая. Ты сядь, смени гнев на милость.— К дьякону обратил растрепанную бороду.— Гордыня, баешь? Какая, братец, гордыня, коли в скудости ныне. В кои-то веки

пришли ко мне человеки, а нету винца поднести, чтобы душу отвести. Вот грех-то в чем!

Гореванов, остыв, полез за пазуху, бутылку зеленую вынул. Отец Тихон покачал укоризненно головой. Но Кузьма воспрянул, над столом воспарил драным голубем.

— Гляди-ко! Дьякон, ликуй! Раб божий Кузьма, на сей земле мученик, ныне благодати удостоился. Хошь покуда не от бога, от десятника — все одно благо!.. Ты, милоч, пошарь-ка на печи, добудь луковку, мы ее с солью вкусим.

Приговаривая, кособоко проковылял к полке, принес себе чарку берестяну, казаку — оловянку, дьякону, по чину его духовному, — лампадку синего стекла.

— Желаем тебе, казак, сколь можно дольше в седле держаться. Отче, не ворота рожу-то, благослови трапезу.

— Вредоносно тебе зелье сие,— укорил дьякон, благословляя все ж чарки и нарезанную луковицу. Выпили. Кузьма крикнул, зашурислся, подышал.

— Теперь, брат, со всех концов я распробовал, какой ты хорош человек. Другой раз на правож поведут, уж сделай милость, изволь самолично постегать. От душевного человека и битье приятно.

— Ежели вдругорядь коня пропьешь, постегая. Конь, он как друг, разве можно его продавать.

— Продавать? Что ты, парень, нешто я на такую пацость себя уроню.

— Вот те на? Куды ж лошадь девалась?

Мужичонка плечами обвис.

— Не продавал я, видит бог...

— На вино променял?

— А? Да выходит так. Охота есть, так послушай, будет молодцу наука. Вишь, тогда о полдень доехал я до постоялого двора. На горе мое денежка в кармане завелась. А денежка у нашего брата покойно не лежит, она там шевелится. Дай, думаю, щец похлебаю. Сперва ж чарочку малую приму с устатку. Выпил. Думаю: что я, щей не едал? Хлебца пожую, и ладно. Ну-кошь еще одну выпью. Потом целовальник сам третью налил — не выливать же обратно. На хлеб денежки и не хватило. А жара — не приведи боже... Ну и пробудился ввечеру, во дворе на наземе почиваю. Азиям на мне, шапка при мне, лапти на ногах — лопотина дырява никому не нужна. А лошади нету! Полон двор лошадей и телег, а моей каурки не сыскал, ищи-свищи... Голова тяжела, а от горя и сам весь тяжел, белый свет помрачился... Бегаю, всех пытаю: не видали каурку мою? Постояльцы смеются: пропил-де и заспал. И пошел я, братцы мои, пешком по дороге. Иду, шагаю, а в глазах-то все плывет, туманится, черен свет кругом... За околицу вышел, где никто меня не видит, лег в пыль придорожну — нету сил никаких... Округ меня полынь, трава горькая, и во мне полынь, горечь...

Лохматые брови на переносье изломались, надтреснутый голос перемежался кашлем, всхлипом ли.

— Лежу, горюю. А от крайнего двора пес, громадный волкодав, стон мой услышал, набегал, рычит на чужого... Так не рванул же, сударики вы мои! Пес, зверь! А понял — в беде я великой! Он мне... он мне руку лизнул... лег поодаль да так жалобно заскулил... И, братики мои, от песьего к горю моему разуменья улился я слезь-

ми, ровно баба неразумная. Так и плачем двое, у околицы села чужого, проезжего...

— Так надо было коменданту и обсказать.

— Сказывай, не сказывай — лошади-то, голубушки, нету. А коли нету, то меня к ответу... Езжу по градам и весям, гляжу — сколь много неправды кругом деется! У кого сила есть — тот совесть потерял. У кого совесть, бессилен тот. Таково обидно станет, прямо хошь в омут головой! А и в омут не можно, потому как дочерь одна останется, без защиты на сем свете жестоком...

Иван сказать хотел: «Какой из тебя защитник...» — да смолчал. Без того Кузьме ныне худо. Хоть бы дьякон молвил утешное слово.

Дьякон и впрямь молвил, будто мысли Ивановы услышал:

— Смятенна душа твоя. А ты смирись, раб божий. На бога уповай, он есмь добра и зла мерило. Токмо в молитве ищи покой для души страждующей.

В словах отца Тихона звучала примиряющая, баюкающая грусть, в негромком голосе сочувствие. Кузьма кивал согласно — может быть, словам благостным, может, — своим мыслям. Гореванову такое поповское утешение не понравилось.

— Молитва только богу угодна, от мерзавцев же ею не отмолишься. Про мерзавцев в писании толково сказано: око за око, зуб за зуб.

— Да ежели силы нету? — вскричал Кузьма.

— Когда один молится, другой вино пьет, — третий над ними твори, что хошь. Ежели те двое протрезвились бы, хватило б, чай, сил за наглость третьему-то зубы выбить, глаз подбить.

Дьякон оглянулся на дверь, на окно. Перекрестился. Кузьма подумал, спросил:

— Ну и как мыслишь ты всех враз отрезать?

Вот этого Иван не знал. Прервалась беседа.

Светлый вечер пал на Башанлык. Но не принес желанной прохлады, сухо дышал в полое окно запахами пыли, дерева, жухлой травы и дымком костровым — бабы выселковые по дворам огоньки развели, похлебку варили.

— Что ж мы эдак, друзья-товарищи, — тряхнул Кузьма нечесаной башкой. — На доброй встрече да невеселы речи? Тут мы — корень царства всего: воин, поц, мужик. Живем все поврозь, так хоть выпьем дружно! Пей, дьякон. Будь здрав, служивый. Как имячко твое крещеное?.. Пей, Иван-воин.

Опорожнил чарку, понюхал луковку. Улыбнулся.

— Вот и гоже. Все ж хорошо жить на белом свете!

— Экой ты неувывный, — усмехнулся Иван, лук от него принимая.

— А поскулил маленько, и будя. Больших удач господь не посылает, так надо и малым радоваться. Вовсе-то без радостей нешто можно? Коль жизнь не всласть, на кой пес она? Песню, что ли, а?

Взмахнул руками, сморщился от боли в спине. Но упрямо крякнул, завел надтреснутым голосом:

Гулял, гулял молодец

по зеленой мураве...

Дьякон застенчиво улыбнулся и покрыл мягкой грустью тонкий плач Кузьмы:

— По зеленой мураве, по студе... ох, по студеной по росе...

Глянул на Гореванова, устыдился и смолк. А у Кузьмы голос окреп, лихо выгнул:

Да соколом поглядывал,

Кистенем помахивал...

Прощаясь, Иван положил на стол монетку пятиалтынную.

— Мы, Тимофеич, выкуп за ясырь взяли, так вот...

Кузьма назад монетку отодвинул.

— За виңцо спаси тя Христос, а деньги не приму, не прогневайся.

— Голодно вам...

— А кому сыто? Милостыню подавать ступай на паперть церковну. Да не серчай, что за соглядатая тебя почел было. Думал, беглых вынюхивать приволокся. Прости, братец.

Вышли с дьяконом вместе. Иван подумал, что близкими товарищами им не бывать, но все ж отец Тихон супротив иных духовных лиц — поприятнее будет.

Кузьмова дочка и в сумерках над грядками хозяйствовала, траву сорную выпальвала. Казак улыбнулся труженице пригожей, дьякон благословил.

6.

Услышало небо людскую мольбу, да поздно — август к исходу шел, когда хлынули дожди не в добро обильно, гноя копенки сена, по травинке мужиками собранные. На пашнях низинных, сгубленных летней сушью, теперь лужи стояли, и от струй неумных пузыри по ним плавали. Грядущая зима голодной выделася: ни людям хлеба, ни скотине корму. С первыми снегами, того и гляди, башкирские ватажки набегать начнут, тем же бесхлебьем гонимые на разбой. Станут зорить нищие деревнишки, последнее отымать, в полон хватать на продажу.

Но покуда не приспело ватажкам время, казаки в Башанлыке службу несли малую. Разве что в ближний дозор иной раз комендант либо пятидесятник нарядит.

Казаки беломестные имеют земельный надел, избу свою, хозяйство, им при любой погоде забот невпроворот. А которые черные, безземельные да бессемейные, те по избам скучают, бражку попивают, ежели есть она.

Гореванов бражничать не любил. Вечерами, от службы досужими, в выселке был частый гость. С собою не лукавил: дескать, Кузьма Тимофеич мужик занятый. То есть он хоть и вправду занятый, да не к нему только пагал по грязи, укрывшись кошмоной попоной: любо ему на Ефросинью свет Кузьмовну глянуть, как придет она, рубаху отцову латает, либо еще что — на все девка расторопна. Когда непогодь, мокреть на дворе — уютно сидеть в домовито ухоженной избенке, степенные беседы вести с хозяином, украдкой засматривая на пригожее девичье личико, освещенное лучинным огоньком, на маленькие споровистые руки. Днем видывал ее у заводских амбаров, с другими девками, с бабами рогожи плела, кули спивала. Но там — во многолюдстве — не станешь же ее разглядывать. А здесь, в избе либо на

огороде, иной раз и словом перебраться можно. Фрося, не в пример отцу, молчаливица, скромность девичья в ней уважения достойна.

В избе Кузьмы и дьякон Тихон частый гость. Сидит, смиренник, руки в рукава, и тоже на девицу взгляды-вает. Подрясник на нем бедеи, потерт, да опрятен, сапоги много пошены, да завсегда свежее дегтем смазаны. Иван, ближе знакомство сведя, к дьякону притерпелся. Хотя и церковная он крыса, но чистоплотен правом. Худо одет, то не от жадности поповской, а от бедности праведной.

В башанлыкском приходе любой мирянин сказать мог: дьякон Тихон благонравен и учен изрядно, только чудной маленько, не от мира сего человек. Да и дьяконом-то он не был, хоть и называли его так миряне по простоте душевной, а состоял при храме всего лишь псаломщиком. В училище монастырском преуспевал Тихон во всяких науках, поведения был весьма похвального, в Башанлык приехал с отзывом отменным. Надеждало ему в скором времени сочетаться браком с поповною из соседского прихода, и после сего уже в сан духовный его рукоположат, и станет Тихон настоящим дьяконом. Невеста, женитьба, грядущая церковная судьба его в епархии были заранее предрешены, так что оставалось Тихону только отдаться воле божьей да следовать путем, предначертанным свыше. Прихожане с первых дней так его и звали: дьякон Тихон, никаких сомнений на его счет не имея.

Сам же он, наоборот, имел сомнения: должно, в монастыре его либо недоучили, либо переучили — зачудил вдруг отец Тихон, умствованием неуместным сам себе благодатную стезю как плугом перебороздил... Съездив раза три в соседский приход, в дом невестин, объявил предреченному тестю, что жениться не желает и не станет. Поп, скрепя сердце, по-хорошему его спросил, какая на то причина. А Тихон и причины-то настоящей не обсказал, сослался, что нету-де промеж них с невестою никакой любви, а поелику ее нету, то и венчаться грех и обман. Поповна была уже не первой молодости, посему ее родитель пригреб с жалобою к башанлыкскому попу — вразумить жениха егояливого. Тут всем церковным советом наставляли строптивца и псалмы царя Давида ему чли, и под конец бранили матерно, добра ему желая, а он только крестится да про любовь им долдонит голосом тихим. Такое упрямство явил, что все диву дались. При чем тут любовь, ежели сулят дьяконский чин, а после тестевой кончины быть попом в приходе хлебом! Не преуспев, отступился совет церковный: пушай-де прозябает упрямец во псаломщиках, ежели дурак. Поповне иног жениха сыскали.

Тогда принялись Тихона прельщать вдовушки да родители дочек на выданье: жених хотя и бестолков в делах житейских, да смирен и непьющ, и то дар божий, а семейная жизнь заставит выкинуть из башки пустые про любовь мечтания. Вдовушки в храм зачастили; Христу крестятся, на псаломщика воздыхают. В избы, где девка-невеста, с почетом Тихона зазывали на пироги, винца ему подносили. Он выкушает чарочку единую, от второй откестится, пирога отведаст, благодарность хозяевам изречет голосом приятным да и уйдет

себе на церковное подворье, где обитал в пристрое поповского дома. Не токмо что жениться, а хотя бы приласкать ненароком какую ни то бобылку Тихон не соблазнялся. Испытав его на все лады, отступились взыхательницы.

И оказалась совестливая душа Тихона от всех прочих башанлыкских душ как на отшибе: духовное сословие пренебрегало им за строптивость, женское — за невнимание, казакам поп не товарищ, работному люду недосуг беседы благие. От былых надежд осталось только прозвание: величали миряне псаломщика по привычке отцом дьяконом.

Скудость и одиночество переносил Тихон с твердостью. Кормился крохами, что уделял псаломщику поп от мирских подношений, и крохи те жалки весьма. Сам Тихон с бедных башанлыкских мирян ничего не брал — грех-де сымать с нищего суму. Сам горенку тесную обихаживал, лопотину свою стирал, кормился жалованьем скудным да грядкою на поповском огороде. Всегда охотно навещал он убогих, болящих, утолить страданья их кротким словом. Того ради и к Кузьме хаживал. Но только ли? Гореванов мысленно рядом ставил отца Тихона и Фросю... Нет, какая из нее дьяконица! Ну, а казачкою была бы подходящей?..

Дьякон — молчун, редко в беседу встречал. Сидел, руки в рукава, будто холодно ему на сем свете... Молчит да слушает, как Кузьма, за день в одиночестве накушавшись, без оглядки словами сыплет:

— Бегут работные, ох бегут... — говорил с одобрительной веселостью, нюхал луковку. — И то: к черту-дьяволу пойдешь, коли жить невтерпеж.

— Не поминай лукавого, бо вездесущ враг рода человеческого.

— То и беда, отче, что лукавство всюду. Корысть, насилие. Сам бог велел работному с завода бежать. Э, разве поп да казак поймут мужицку тягосты! Вот я — не приписной, не крепостной, вольный, кажись, а в кабале всю жизнь. А которые к заводским работам приписаны, им каково? Мужик землю пашет, хлебушко растит себя и семью кормить — то одна кабала. Заводская каторга — другая, еще тяжче. Да третья — подать государева.

— За приписных мужиков подать заводская контора платит, — сказал Гореванов.

— Ага — два гроша в день. Еще и кормит — горстку муки, с толокном пополам. Эко сыто-денежно! Да и те корма не даются задарма: за два-то гроша требуют работу безжалостно, с полпята утра до восьми вечера. И в деревне, в хозяйстве то ж работы требует — на казенных-то харчах кабы не зачах. А подать! К примеру, ребенок в семье народился, бог сынка дал, в старости кормильца — то радость? Плясать али слезы лить? Сынку, скажем, неделя от роду, а ежели записан в бумагу ревизскую — плати за него тятю, ровно за работника могучного, семнадцать гривен подати. Да свой отец, старик ветхий, немощный — и за него, как за работника, еще семнадцать гривен. Да родной брат от заводской каторги — не вынес — в бега ударился, и за него плати сполна. Как за всех подать отдашь, по два гроша в день получая? Еще и писцы канцелярски обманут, уставщик

штраф сдерет. Да при барском гневе палачу, чтоб не всю кожу со спины спустили. Да попу, чтоб урожай вымолил. Вот и посудите, что мужику милее — вечно в муках жить или на чужбине голову сложить? Едино что на месте держит — с робятишками да бабами далеко не убежишь.

— Тише! Уймись! — дьякон замахал руками. — Умствования предрозостыные оставь, все они и во вред. Чрез соблазны, тако ж чрез строгости начальства ниспосланы всевышним испытания рабам божьим. Сказано: несть власти, аще не от бога. Все в руке его...

— Эх, дьякон! Твое смирение и есть — вред! От нашей кротости у них, супостатов, еще боле лютости. Казак вон правду баял: бей мерзавца по зубам, чтоб и у него смирение в нутре завелось. Так что ль, Иван-воин?

Гореванов тоже не согласился с дьяконом.

— Послушать тебя, так что ни дьячиша, то помазанник божий. Всяк прыщ на мужичьей шее — свят будто. Нет, врагов своих никогда не возлюблю.

— Верно, казак! — хмельно блестел глазами Кузьма.

День праздничный был, сентября пятое число — тезоименитство государыни цесаревны Елизаветы Петровны. Ради праздника и зная Кузьмы слабость, принес Гореванов вина. Оттого да от досуга праздничного — разгляделись морщины, помягчали лица, запросились из души беседы на язык.

— Братцы мои! — Кузьма кулаками взмахнул. — Была б у меня силенка хоть малая, я бы... ах!..

— То-то, что «ах». Бодливой корове бог рог не дает.

— Поглядим еще! Дайте срок, скажу словцо им, знтим...

— Не похваляйся, все, раб божий. Что воздвигнешь в оборону себе, терпения кроме? Истинно мудрость гласит: мужик терпением силен, нищетой богат...

— Всю жизнь терплю, дьякон. Не из страха за себя, ничемного — за дочь страшусь... Но дайте срок, я скажу!..

Вошла Фрося — она у хворой соседки хлопотала, — и мужики хмельную беседу оставили. Гореванов и дьякон поклонились девице. У казака прыжок в кармане приготовлен, но угостить не посмел. Кому-то Фрося достанется на радость, на беду ль?.. Непросто бедняку уберечь жену пригожую от распутства господского. Защиною будет разве что мужний сан, ежели, к примеру, за священника выйдет, либо сабля, ежели за казака...

7.

Комендант Тарковский спровадил казаков горевановского десятка в дальний дозор: пройти близ улусов башкирских, не замышляют ли разбоя улусники. В ту пору конь Ивана охромел, запасной же не объезжает ладом, дик под седлом. И послушался десятник: замест себя головою в разезд Пермитина послал — Афонька мужик основательный, очертя голову в свару не кинется, людей зазря не погубит. Сам же Иван, коменданту не дожившись, в Башанлыкe остался. Негоже так-то, да ни к чему лишней раз начальству досаждать оправданьями. И послушавье это одну беду отвело, другую насу-

нуло. Не дано ведь человеку знать, где его беда застигнет, — в ратной ли сечи или дома на печи.

Весь день со двора не выходил, доносчикам досужим на глаза не попасть бы. Смазал коню дегтем пораненное копыто, чистой тряпичей обвязал. Пошел в избу седло чинить.

Тут прибег чужого десятка казак. На икону не октаться, шепнул весть тревожную:

— Счас был на канцелярском дворе, твою девку видел...

— Какую это мою? — усмехнулся Иван, а у самого сердце дрогнуло: видали, чай, на Башанлыкe, в чью избу на выселке он повадился.

— Ну, Куземки Бесконнова дочку. Ее комендант в покои свои увел...

Выпало седло из рук, звякнули стремена.

— Сама шла?

— Куды денется. Велел ей в покоях полы скоблить. Знамо, какие полы, не первую девку портит.

Сапоги враз на ногах, сабля на боку, пистоль за поясом.

— Ивашка, я пеше прибег, дай коня, с тобою пойду.

— Нет. Уходи да помалкивай. Коли что, один я в ответе.

На запасного коня полудикого, да плетью его — бурей вырвался из двора жеребец, понес бешено, собак яря, кур пугая. Во двор канцелярский ворвался, прынул с коня, захлестнул повод за бревно коновязи. Замега, что не в себе казак, загородил ему часовой путь в барские покои.

— Не велено.

— Прочь! Дело спешное, — отстранил ружье, прошел. Солдат видел утром, как горевановцы в дозор уходили, поверил: издала десятник воротился, видно, и впрямь спешная весть.

Через три ступеньки шагая, по лестнице наверх взбежал, толкнулся в запертую дверь. Ударил кулаком. Стал сапогами бить. Пока не рывкнули там:

— Кто?!

— Я, Гореванов! Отопри скорее, барин! Спешное дело!

— Какое дело? К Анкудинову беги...

— Пьян Анкудинов, отопри, ино беда великая сотворится!

Засов лягнул. Иван пнул дверь, она распахнулась, барина ушибла.

— Кан-валья, мать-т-т... — и присел Тарковский — в грудь ему пистоль направлен.

— Девка где?

— Ты пьян, пес!

— Сказывай, не то... — пистоль к носу, учуял Тарковский запах пороховой из дула.

— Какая девка? Да ты, пся крив, грозить посмел! Да ты...

У барина минует оторопь и, понял Иван, сей миг барская злость преодолит страх, кинется двуногий зверь солдат звать, либо на пистоль прямо... Миг еще...

Но вторая дверь, что в опочивальню, заходила ходуном, изнутри по ней колотили столь же смятенно, как Иван только что. Оглянувшись, промешкал Тарковский,

Иван крутнул его за плечи спиной к себе, пистоль в затылок:

— Отпирай, барин.

У того шея и уши белые стали, как в муке обсыпаны. Пошел, от железного холодка плечами повода. Неверною рукою нашарил в кармане ключ, не вдруг в прорезь им попал. Бух! — вдругорядь коменданта дверь треснуло, рык издал от боли, от страха, унижения. Фрося, простоволоса, кофта рвана, глаза сухо блестят, шагнула и — от пощечины мотнулась комендантова голова, затылком в дуло... Смолчал.

— Стой! — схватил Иван за руку Фросю. — Успел ли чего с тобою?

Вырвалась, вышла из горницы. По тому, как шла она, как стан ее прям несмято, догадался Иван: не успел барин...

— Ну, господин, падай на колена. Падай, не то в лоб свинец вгону! Не предо мною, пред иконой, клянись! Давай зарок, что боле девки сей не коснешься. Сказывай: истинным богом клянусь и зарекаюсь... Ну же!

Холодное железо жгло затылок. Тарковский выдал сквозь зубы:

— Истинным богом... клянусь... Будь ты проклят, шкуру спущу, изменник, вор! Убери пистоль!

— Браниться пред иконою грех. Курок-то взведен, прижму чуть, и накажет тебя господь смертно. Ну!

— ...И зарекаюсь девицу тронуть...

— А ежели нарушу...

— Ежели нарушу, да наказан буду смертию лютой... аминь...

Оглянулся, железа более не чуя. Казак уж у порога. Но пистоль нацелен.

— Вставай, господин комендант. Да помни впредь, казаки не баре, но их лучше стороною обойти; за обиды щедро платят. И насчет девки зарок помни накрепко.

8.

С неделю Гореванов к Кузьме не захаживал. От комендантского гнева подале, ходил со своими в дозор часто, оставя Ахмета тихом приглядывать за кузьмой избой. Дома оставшись, с Пермитиным либо с Васильем Пороховым в избе своей вел беседы про дела казачьи. Спать ложился — саблю да пистоль подле себя клал.

Однако утеснений от коменданта не замечалось. Будто и не бывало меж ними стычки. И то: барину Тарковскому срамно про то болтать, а Гореванов на самохвальство не падкий. Не забыл, не простил комендант, но кто знает, когда и какую месть он уготовит.

Дождил сентябрь. Башанлык тих лежал под морсящим небом, затаился в недобром безмолвии — не за горами уж зима, и будет она голодной ныне. Даже кабак, цареву кружало, питухам теперь оскудел. Хромой балалаешник, трезвый и насытый, музыки плачевные наигрывал, в лад редким захожим гостям. Лишь завод по-прежнему стонал, ухал молотами. Но и в его уханье что-то недоброе слышалось, водяные колеса у плотины

скрипели, надрынее, будто и бездушные машины близкую людскую бескормицу загодя оплакивали...

От края до края заполонили, обложили небо низкие тучи, сылет холодный мелкий дождь. Равнодушные тучи. Им дела нет, что надо же холмам, рощам, зверям, людям хоть на минуту, хоть изредка увидеть солнечный свет... Нет неба, нет солнца. Слово и не будет их уж никогда...

И под этот осенний дождь грянула на Башанлык странная тишина. День не праздничный, будний, рабочий — а завод не гомонит, не ухает, молоты умолкли, на подъездных дорогах таратайки не скрипят, возчики на лошадей не шумят — замер завод неурочно.

А перед двором канцелярским работная толпа, ропщет множеством голосов, сумятился. И, знать, некому тот ропот глухой расколоть криком властным, ремненным хлестом: управитель в Екатеринбург отбыл, солдатская команда опять беглых ищет по уезду.

Тюрьма да контора — всему основа. Потому забор вокруг подворья высок и прочен, ворота железом обиты. От вражеской рати впору отсидеться, тем паче от толпы разбродной, неоружной. Но не таков господин Тарковский, чтоб — от кого? — от быдла немытого осаду терпеть! Кипит в нем голубая кровь — разогнать чернь, пороть, на цепь! Но как разгонишь — при тюрьме караул в пяток солдат...

Канцелярского подьячего малоприятная рожа прикинулась Гореванову... К какой еще напасти экий сон несуразный?

— Да пробудись ты!

Не сон... Тьфу!

— К черту, к лешему, к Анкудинову иди! Я из дозора ночью приехал, спать хочу...

— Господин комендант за тобою послать изволил, неладное у нас деется! Бунт у нас! Подымай всех казаков, к конторе веди!

Подьячий как утопленник: мокрый, грязью измазан — должно полз бороздой огородной. Уж не до спеси, верещит слезно:

— Скорее, не то смертоубийства не миновать! К конторе подступили, слова воровские кричат, грозят!

Сел. Зевнул, потянулся. Обуваться стал неторопко. Пусть господин Тарковский потрясется да побесится. Но рядом трясся и бесился подьячий. И видя сборы десятника мешкотные, по-иному заторопил:

— Гонец послан в Михайловскую свободу за драгунами. Ужо наедут вскоре — кабы и тебе в опалу да пытку не угодить за промедление твое...

— Вишь, оболокаюсь, не в подштанниках же к коменданту предстану. Вот пороку к пистолю сухого надобно еще... Беги скажи, счас, мол, будет Гореванов.

— Не-е, боязно. Я за тобою следом... Ох, господи, владыку живота моего, сохрани и помилуй! Да собирайся живее, матери твоей черт!

— Казаков собрать надоть...

На заводах в земле порубежной так повелось: казаки от ватажек разбойных оберегают, солдаты в посадах строгость блюдут. У каждого служба своя, в чужую соваться не след. Казаки про непокорство сегодняшнее

сразу знали, но по избам сидели: не наша-де то забота. Коней седлали и выезжали с волянкою.

Как уже из улицы показались — шатнулась толпа. Вымокшая, рваная, бедная... До того бедная, что и не выказала страха пред силой оружейной. С пустыми руками пришли работные. Ни дреколья, ни дубин, ни жердей. Головы, шапчонки войлочные, платки бабьи, хлещи их, секи, топчи...

— Гореванов! Ко мне!

Из малых воротцев конторского двора в сопровождении капрала и двух солдат появился Тарковский, в треуголке, в мундире, при шпаге. Ястребиные глаза по толпе шарят, лица бородатые колкоче щупают, зачинщиков выскивают. Безлика толпа пред ним оробела. Выкриков крамольных не слышать. И не угрозою веет от серого скопища. Молви слово, надежду сулящее, — на колени в грязь падут. Но у Тарковского иные слова наготове: зачинщики быть должны, сыскать их надо, уязвить толпу словом колким, обидным — пусть откликнется, кто горяч, себя пусть покажет...

— Кто работы прервать дозволил? Какой праздник у вас, скоты? Отвечать!

Пригнулись головы, как от грома небесного. Шевелются посинелые губы, слов не находя. Велик для них чин коменданта, он казнить и миловать волен, и многих мешадно казнил, а чтоб миловать, того не слышано.

— Пьяницы, подлое быдло, бунтовать выдумали?!

У капрала сабля наголо, у солдат к ружьям штыки примкнуты. За головами толпы высится плотный ряд казаков. И, входя в раж, комендант взялся за эфес шпаги.

— Плетей захотели? Будут вам плети! Кто крамоле зачинщик? Ты? Ты? Отвечать!

Гореванову с коня всю площадь видно. Темна и недвижна толпа, как в омуте черном вода. Уставщиков, мастеров, духовных — ни единого. Пришли из лесов углежого, с рудников пришли рудокопы, коновозчики тут, фабричная обслуга, из деревень приписных крестьяне. Работная сила, скованная привычной покорностью. Не повист разбойный — плач голодный заставил сюда идти. Падают слова коменданта в толпу, как в омут ночной падают камни — волн и брызг не видать.

— Казаки! Сабли вон! — сатанел комендант.

В ответ из глуби восплакал голос:

— Батюшка, рази мы бунтуем? Обнищали, силов нету никаких! Робенки голодною смертынькой помирают...

Гореванов отыскал голос: старуха морщинистая с младенцем на руках.

Плач ее всколыхнул омут...

— Пошто, бариц, ругаешься?

— Добром твою милость просим — хлеба дай нам!

— Пашни посохли, сено погнило, чем жить?

— Ма-алача-аты! По работам ма-арш! Ну! Жить вам надоело?!

— Надоело, барин.

— Мы ровню кляча заезжена у хозяина нерадивого.

— Вели, барин, хлеба нам ссудить. Не то провиянтски склады разобьем!

— Все одно погибать, дак хошь поемши...

— Не вам одним грабить!..

Добился Тарковский — теперь толпа угрозой вздымалась. Иглой блеснула из ножен шпажонка барская:

— Казаки-и! Слуша-ай! В сабли их, секи! Солдаты, стреляй! Бей, мать их!..

Солдаты вскинули ружья. Толпа качнулась штыкам навстречу, взмыли над головами каелки горняцкие...

От воплей дыбились, ржали кони. Гореванов поднялся в стременах, пистоль поднял. Выстрел оборвал крики. Глядят с опаской: мало казаков, да при оружии они. Один комендантов выкрик:

— Дурак! Не в небо, в крамольников пали!

Иван свысока, с коня коменданта взглядом смерил:

— А пошто? Кто крамольник? Не ты ли, барин? Дай хлеб им.

— О-о, измена!

— Ты и есть изменник, людей голодом моришь.

Тарковский понял, чего ждать ему теперь... Выставив перед собою шпагу, пятился к воротам.

— Капрал! Ворота запереть!

Откуда-то канцелярский подьячий вынырнул, устремился к коменданту, успел-таки во двор заскочить. Толпа, уже готовая было напролом идти, теперь, коменданта не видя, оцепила. Работные топпились, всяк свое кричал.

— Айда по избам,— Гореванов своим велел.— Обошлось покуда без смертей, и то ладно.

Заворачивали коней, поспешно и угрюмо отъезжали в улицы. Ускакал и Гореванов. Смутно ему было. Сей день обошлось, но ведь это не конец.

— Ахмет, чего за мной тенью ходишь?

— Худо тебе. За вином не сбегать ли?

— Вином беды не залить.

Сел к столу. Ахмет у порога на пол, ноги калачиком. Сидели, сверчка слушали. Ждали бог весть чего.

На первых порах дождались Ваську Порохова да Соловарова Фильку. Васька влетел, сапог не сывая, веселый, жаркий, зипун нараспашку.

— Чего ж сробел, Ивашка? Посулил офицеру пулю, а не стрелил? Казаки с тобою во всем заедино, времечко гожее выдалось — солдат в Башанлыкке нету. Айда, Ивашка, мужичье там еще! Разнесем вдрызг контору ихнюю, казну возьмем...

— А дале чего? К утру драгунов жди.

— Дале — ищи нас, свищи! На Яике да на Волге такие ли дела учинялися!

— Пошто же ушел с Яика? Ты, Василей, не мути. Мы-то на конь, и прощевай, Башанлык, а куды мужики пойдут? У них тут и земля, и изба, и всяки животы. Робятшек, тятку дряхлого в переметгу суму седельную не посадишь, на кляче сошной от драгун не ускачешь. Нет, не путем ты баешь, Васька.

Порохов за ухом почесал, на Фильку оглянулся.

— Не путем,— Соловаров кивнул.— Затеять разбой, казну пограбить, самим сбежать, а сотни людей на расправу покинуть — ладно ли так-то? Лучше, как Иванке сделал, от тех и других отступиться.

Но Порохов, взбаламученный событиями, никак уговориться не хотел:

— Офицера-то все ж надо б кончить. Паскудник он! Башанлык вольным объявить. Завод порушили бы к такой матери...

— Надолго ли воля? Драгуны...

— Чего драгуны? Ежели с работными вкупе, не взять нас! Ты грамотен, умен, тебя атаманом!

— Пустое болтаешь. Своею башкой рисковать куда ни шло, а чужими жизнями играть не согласный.

— А и свою башку под топор совать неча. Беспременно уходить тебе надо, Иван.

— Верно, уходи,— поддержал Соловаров.— Не спутит тебе комендант.

— Измены никакой я не замышлял. Крови не дал пролиться, разве за то можно винить?

— Беги, Ивашка! Не ищи смерть, она сама тебя найдет. Замордуют на дыбе... Ой, братцы! — Порохов замурился, головой покругил.— От сабли, от стрелы, от пули помереть завсегда я готовый. Чтоб в полной силушке, в честной драке. Неволи ж, пытки — страшусь! Не приведи бог! Жуть... Ты, Иван, спасайся, пока цел. Хошь, я с тобой?

— Казаки ни при чем, с меня одного спрос будет. Я и ответу. А бежать — нет. Тогда ославят: Гореванов — разбойник и вор.

— Тебе-то что? Когда себя уберечь надо, курица и та бежит без оглядки.

— Не уйду.

— Ой, пожалеешь! Ну, айда не то в кабак. Выпьем напоследок за здравие десятника нашего Ивашки Горевана! Чтоб ему, дураку ученому, набратсья все ж ума да убечь.

Иван в кабак не хотел. Побранив его сожалеюще, они ушли.

— Ежели чего, нас свистни. Придем, выручим,— кричал Порохов, уходя.— Ахметша, айда с нами.

— Не ходи, Ахмет, в кабак,— сказал Гореванов.— Домой ступай. Передай нашим казакам: ежели кто за мною придет, пуцай не встречают, напрасно не рискуют. Иди.

Ахмет послушно сапоги надел, поклонился и ушел. Но вскоре новый гость заявился, Афоня Пермитин. И тоже укором начал:

— Не гораздо сотворил ты...

— Знаю. Да как надо-то?

— А на рожон не переть бы. Коменданту не дерзить.

— Вот те на! Стало быть, голодных людей саблями сечь?!

— Не про то я. Но управителю грозить пистолем, это уж, братец, не одобряю! Наедут драгуны, и работным все одно битым быть, гиблое ихнее дело. А и на казаков ты беду накликал, почнут нас зорить, пожитки отымать наши. Надо было коменданта хитростью обойти... Мол, сперва пятидесятнику Анкудинову доложусь...

— Анкудинов, как шум услышал, так и запомнил, лихомажка его вяла, от дела хворостью откrestился. Может, иначе и надо бы мне, да уж как умел...

Афоня покашлял, в окошко глянул.

— Ишь, опять дождичка бог посылает. Дороги размочило, беда! Разве что к полудню драгуны сюда поспеют...

— Тебе-то что? Ты, Афонька, не был с нами на площади, не схотел.

— Так ведь твою я десятка. И с меня спросят то ж...— Еще помялся, покашлял. И сказал то, за чем явился: — Я тебе, Иван, не супротивник. Был ты нам хорош десятник. Только не обессудь, отойдем мы от тебя теперича... Которы казаки беломестны, велели прощенья у тебя просить — отстроимся, мол. Пойми, хозяйства у нас, детишки, бабы... Опять же коровенки, земляца... Добро, у тебя ни кола, ни двора, вскочил в седло, и поминай как звали. Нам так не можно.— Он вдруг пал на колени.— Прости нас, ради бога! Совестно, да что делать, хозяйством мы повязаны... Ежели розыск учинится, мы бранить тебя станем, не сердчай уж. Тебе все одно, а нам, може, от разору избавление...

— Вставай. Грязен пол-то. Не бойтесь, скажу на расспросе: казаки-де не причастны к действиям моим.

— Исполать тебе,— поклонился Пермитин. Плечами пожал: — Неудомек мне, святой ты али просто глуп...

Истекал день. В сером мороке сумерки кралась воровские. Иван огонь не вдувал, сумерничал один, думал. Вскоре быть расспросу, а за ним и правож грядет — готов ли ко всему? В одиночку устоять, на брюхо не пасть, других не задеть — сил достанет ли? А Фрося что? Вспомнишь про нее — реветь впору...

Скрипнула ступенька, шаги в сенцах крадутся. Не Фрося ли, на помине легка?.. В останний час судьба порадует? Не надобно! Опасно тут Фросе...

Иван к двери, отпер. Отлегло и опечалило: не Фрося то, мужик какой-то... Разглядел.

— Дьякон, ты?! Какая нелегкая занесла? Входи, сейчас лучину спроворю.

— Не надобно, бога ради! Явился тайно, упредить... Сей час отец Иона со двора канцелярского воротился, пономарю сказывал: противу тебя злоумышляют, в узилище ввергнуть хотят. А ежели супротивство окажешь, то и смерти предать скорой, без покаяния. Спасайся из града сего, беги от суда неправедного! Ведаю: чист пред богом ты в помыслах своих! Беги, Христос с тобою!

— Как же ты, отче, насмелился?..

Но тот пропал уже, только ворота скрипнули. Ай да отец дьякон, ну спасибо.

Не успел от двери отойти, опять короткие петли визгнули. Ну вот и конец дню тревожному, да и воле конец... Стучат громко сапоги, в сенцах грохнулась бадейка с водой. Два солдата вошли. В темноте избы штык звякнул.

— Хозяин, эй! Гореванов!

— Тут я. Чего надо?

— Пятидесятник к себе кличут. Собирайся живо, слышь?

— Не глухой. Зовет, так иду. С ружьями пошто за мною?

— Для бережи. Непокойно времечко настало. Эка тьма у тебя. Кто ишо в избе?

— Один я.

— Пошевеливайся!

Хорошо хоть успел дьякон уйти, с солдатами разминуться.

Пятидесятник не дже пьян, сидит в мундире, при сабле. Встретил по-доброму, велел супротив сесть, завел нытье обычное про хворости. И вроде к слову пришлось:

— Пистоль мой возверни-ка. Полегло чутко, завтра уж начальству предстану, так чтоб при всех причадалах быть. Дай-кось и сабельку твою глянуть, добрая ли сталь?

— Не вертись, Силантий Егорыч. Сказывай прямо, чего ради оружие отымаешь?

Анкудинов страдальческую рожу сострил.

— А то тебе не ведомо? Под караул тебя велено доставить. Жалко мне, да сам понять должон — служба. Давай сабельку, давай. Ай, дурак, что натворил! Моею хворостью, моим доверьем ты злоупотребил. Грех тебе! Солдаты, вяжите руки ему, болезному.

Из-за анкудиновской спины Иван ухватил свою саблю.

— Не дамся!

— Ванька, одумайся! — сизая рожка Анкудинова еще боле ошпыла, заколыхалась.— Ишо мало ты начудесил?!

— Вязать не дамся! Пуцай так ведут, смирен буду.

— Ин бог с тобой. Клади сабельку, Ваня. Ты мне за-всегда как родной был, помни о том, зазря на меня тама не клевай. Ведите его, солдатухи, не бойтесь, его слово крепко, не сбежит.

Во тьме осенней, по улицам темным вели Ивана к тюрьме. Бранились солдаты, в грязи оскальзываясь. Руки не связаны, солдаты нерасторопны, ночь темна... Еще малость, еще сотня шагов по грязи, и двор за каменной оградой, и поздно будет о побеге замышлять...

— Казак, ты уж не беги, Христа ради. Забьют ведь нас.

— Не бойсь.

В тюремной караулке чадил смоляной светец. Комendant здесь, собственной персоной, Гореванова дожидается — эка честь казаку! В треуголке, при шпаге, во всем параде — ровно фельдмаршала встречает. Окинул взором ястребиным, недоволен остался: не повязали из-менника, будет уж солдатам тренка. С руками свободными выглядит казак непочтительно, неподобающе. Ишь, вперился, не сморгнет. Надеется на чернь башанлыкскую? На своих казаков? Времечко-то вельми смутно!

— Под замок его. Стеречь сугубо. Капрал, головой ответишь!

Когда арестанта увели, сказал капралу:

— Сему наглецу простой порки мало. Как драгуны придут, спровадить крамольника в Катеринбург с коновым сильным. Там мастера пытошные ему спеси-то поубавят.

И пошел в покои — отписать в Екатеринбург, каков злодей есть Ивашка Гореванов.

ОКОНЧАНИЕ СЛЕДУЕТ

ПЛОДЫ ГЕНЕТИКИ

*Беседа с лауреатом
Ленинской премии,
академиком,
директором Институ-
та общей генетики
Академии наук СССР
Николаем Петровичем
Дубининым*

— Николай Петрович, наследуется ли устойчивость к отрицательным воздействиям загрязненной окружающей среды?

— У человека, растений, животных и микроорганизмов безусловно наследуется. Все существа, кроме человека, путем жесткого отбора в настоящее время заметно эволюционируют. Природная устойчивость человека также велика. Однако у человека действие естественного отбора в основном снято социальными закономерностями, так что появление новых биологических приспособлений у него очень затруднено.

— Как вы относитесь к той вспыхивающей, то гаснущей идее о направленном улучшении людей?

— Биологического улучшения? Отрицательно совершенно! Потому что мы не знаем, что можно биологически в человеке улучшить, не затрагивая других его биологических особенностей. Кроме того, наука не имеет способов биологического улучшения людей. То, что применимо к животным, для человека недопустимо. Если же обратиться к животноводческому подходу, то его применение к человеку — существу общественному — приведет к невежественному вмешательству в генетическую информацию человека, которая является венцом эволюции жизни на Земле.

— Николай Петрович, простите за настойчивость, но когда-нибудь все-таки такая попытка будет правомерной?

— Не берусь пророчить... Человек — существо социальное. У него развитие черт человечности идет не по его генетической программе, а путем социального наследования. Как пойдет развитие общества, таким и будет человек. Что касается биологических изменений, в каком-то примитивном плане можно себе представить следующее. Например, наши потомки узнали, что на Земле должна многократно повыситься радиоактивность. Следовательно, они либо должны погибнуть, либо каким-то методом сделать землю радиоустойчивыми. Можно ли добиться этого с помощью генетики, не знаю. Думаю, что здесь защита с помощью мощных радиопротекторов более перспективна.

— Эта ваша фантазия поучительна... Да, видимо, могут возникнуть ситуации, которые потребуют от человечества экстренных защитных мероприятий. Однако возможны ли генетические методы для усиления способности помнить информацию? Теорию о наследовании знаний довольно остро критикуют...

— Конечно, различие памяти наследуется. У одних она лучше, у других хуже. Но наследование самого знания, объема и содержания информации, что характеризует разные эпохи истории; человеческих

оценок смысла жизни; эстетики и т. д.? Нет, это просто чепуха! Сколько бы ни учили людей арифметике, они, как вы знаете, начинают в каждом поколении все сначала: запоминают всю таблицу умножения и азбуку, и в каждом поколении у детей заново создаются сознание, речь, труд. Наследуется способность научиться арифметике, но не само знание арифметики. Содержание и сумма знаний не наследуются! В какой мере вообще наследуется психика? Если психика — это элементы эмоций, темперамента, различий скорости реагирования, то, конечно, эти элементы наследуются. А особенности личности, развитие которой опирается на опыт истории, на все общественные отношения, свойственные данной эпохе, чисто человеческие, общественные особенности человека, — все это не наследуется через гены. В этом случае преемственность и формирующее влияние принадлежат социальной программе.

— Николай Петрович, иногда читаете прогнозы, что генетики станут выводить большущих кур, безногих свиней, чтобы зря не тратили энергию... На практике бывает у генетиков уж слишком утилитарный подход, неэстетичный рационализм, он преобладает в селекции.

— Ну, не знаю, а какой у селекционеров может быть еще подход, кроме утилитарного, который, однако, включает в себя и эстетику. Все породы животных и сорта растений, будучи концентрированным продуктом труда человека, по своему прекрасны. Породы лошадей, цветные смушки у каракульских овец, гибридная кукуруза, цветы, плодовые — это все в своем роде совершенные создания. В наши дни новые задачи встают перед селекционерами. Необходимо создать формы животных и растений, отвечающих условиям интенсивного сельского хозяйства в крупномасштабных комплексах. Надо создать пшеницу с зерном, в котором было бы много незаменимых аминокислот, неполегающую, высокоурожайную, максимально использующую удобрения. Нужны линии кур, отвечающих задачам организации бройлерного гибридного производства, подсолнечник с высоким выходом масла на гектар, не поражающийся патогенами, и т. д. Благодаря организации микробиологической промышленности селекция стала широко перделывать микроорганизмы. В этом плане особые достижения мы ждем от генетической инженерии. Так, например, инсулин добывается из органов быка, а решена задача привить бактериям ген инсулина млекопитающего, чтобы бактерии в специальных танках вырабатывали бактериальную массу, а оттуда бы люди выделяли инсулин. Так что есть уже много у

бактериологической промышленности таких производств, которых иначе как эстетическими не назовешь, где от бактерий получают то, что селекционеры раньше добывали с помощью растений и животных.

— Грядет век биологии. Вы разделяете такие эмоции?

— Много пишут о веке биологии, это, конечно, верно. Вот научно-техническая революция показывает свою отрицательную сторону. И решать ее проблемы — нарушение биосферы, наследственности — должна биология. Математика, физика, химия всего не решат.

— Вообще биология должна бы взять на контроль НТР...

— Да, заведомо!

— И визировать все деяния НТР.

— Верно. Наступает время, когда технологические проекты не должны осуществляться без понимания экологических и генетических последствий. В этом смысле они должны визироваться генетиками и экологами.

— Как уралец похвалюсь, Николай Петрович, у нас, в Институте экологии растений и животных Уральского научного центра, создана группа экологического прогнозирования.

— Очень хорошо. Это, конечно, заслуга покойного теперь академика Станислава Семеновича Шварца и его ближайших учеников. Да, о роли биологии... Сам человек, его долголетие, наследственное здоровье — все это оказывается связанным с биологией. Ну, в конце концов, после всяких наших увлечений техникой что остается всегда самым главным? Человек. Его жизнь. Его общественный прогресс.

— А самое драгоценное в биологии человека — это его генетическая суть.

— Ее надо оберегать и сохранять. Долгое время считалось, что гены изменяются только под воздействием внутренних процессов человеческого организма. Оказалось, что это неверно. Сейчас мы это видим хорошо. Доказано: внешние факторы, такие вот, как химические соединения, радиация, электромагнитные колебания, — все это вторгается в организм, проникает в клетки и поражает в них молекулы ДНК — носителей генетической информации.

— Воздействие, например, радиоволн как-то опосредуется в организме?

— Вы знаете, часть из мутагенных воздействий опосредуется, но многие внешние факторы и прямо действуют на гены. Радиация да и некоторые химические мутагены прямо входят в клетку и реагируют — связываются с ДНК, ее поражают, алкилируют, метилируют, разрывают, губят цепочки нуклеотидов... Химическая диверсия!

— Популяционная генетика, начатая Сергеем Сергеевичем Четвериковым, приобретает огромное значение во всей биологии, потому что эволюция любых животных и растений связана с популяциями. Когда Сергей Сергеевич начал изучать сущность этих процессов?

— В двадцатые годы. Да, сейчас это направление мировой науки. Я работал с Четвериковым. Выходы на практику у популяционной генетики большие. На этом строится селекция животных, опирающаяся на представления о стадах как о популяциях. Изучение всех перекрестников — ржи, например — строится на этих же принципах. Сейчас популяционная генетика имеет значение и в ихтиологии. Теория сохранения фауны и флоры в заповедниках построена на учении о популяциях.

— А может быть, и не нужно одомашнивать некоторых животных? Стада северных оленей, сайгаков продуктивнее...

— Конечно, многое в природе надо просто сохранить. Законы популяций глубоко исследуются на рыбах. У нас в институте работает доктор биологических наук Ю. П. Алтухов, он заведует лабораторией популяционной генетики. На рыбах он показал неправильность работы заводов, разводящих лососей. А каким же именно образом? Рыбоводы брали обычно первые стада лососей, как только они из моря приходят в реки, и получали от них икру. Потом мальков выпускали. Но количество лососей, возвращающихся в наши реки, не увеличивалось, а уменьшалось, хотя и выпускали огромное количество молоди. Выяснилось: лососи разбиты природой на несколько эколого-генетических популяций. Для того чтобы они шли нереститься в свои собственные места, чтобы они занимали весь свой ареал, нужно брать икру от представителей всех групп приплывших на нерест лососей, то есть воспроизводить всю генетическую структуру стад района. И когда заводы стали так делать, дело поправилось. В газетах часто читаешь: пересадили таких-то и таких-то рыб из одних водоемов в другие. Анализ показал, что большой процент пересадок ничего не дает. Пустое дело. Потому что не учитывается при этом естественно-природная структура популяций, а берут случайных особей.

— Николай Петрович, кто ваши непосредственные учителя в науке?

— Сергей Сергеевич Четвериков, Николай Константинович Кольцов и Александр Сергеевич Сербровский... Вот три крупнейших человека.

— И все-таки кто из них для вас «первее»?

— Кольцов, безусловно Кольцов... По широте, по связям с общей биологией — Кольцов. В гене-

тике, конечно, Сергей Сергеевич. С Александром Сергеевичем мы разрабатывали проблемы гена.

Кто мой лучший ученик? Неудобно его называть. Остальные обидятся. Учеников много, и среди них много хороших.

— Сейчас реализуется продовольственная программа, разработанная к XXVI съезду партии. Научное ее обоснование наверняка не обошлось без генетиков. Какие, на ваш взгляд, наиболее ценные результаты получены у нас в селекции растений и животных?

— Это всевозможные культурные растения. Новые сорта пшеницы, гибридная кукуруза, триплоидная свекла, тетраплоидная рожь, вилтоустойчивый хлопчатник и т. д. Шульдин на Украине создал очень ценную форму — тритикале. Гибрид ржи и пшеницы. Это считается как бы третьим хлебным растением. А с крупными животными труднее. Наделали массу пород, они на самом деле, в ряде случаев, не породы, а так, отродья. Сейчас все это как раз в крупные породы собирается. В этом отношении большой интерес имеет работа по программе крупномасштабной селекции, которую ведет Л. К. Эрнст и другие ученые. Это не умаляет роли существующих новых пород. Укажу на следующее. Я был в Таджикистане, смотрел там интересную породу овец. У них высокая шерстность и, будучи потомками гиссарских овец, они не боятся условий Таджикистана. Я об этих овцах писал даже статью для газеты «Сельская жизнь». Помоему, это одна из перспективных вещей.

— Одно время о карликовой пшенице за рубежом очень много говорили.

— В Индии есть такие карликовые пшеница и рис. В общем, эта страна из-за введения карликовой пшеницы в два раза увеличила свое зерно. Очень крупное достижение.

— И устойчивое?

— Да, использованы мутации. За эту работу Берлауг, работая в Мексике, получил Нобелевскую премию. Однако в целом эти сорта не решили вопроса о пищевых ресурсах Южной Азии и Южной Америки. Как показал опыт, необходимы региональные сорта, приспособленные к местным условиям, необходим учет социально-экономических условий развивающихся стран. На XIV Международном конгрессе в Москве два с лишним года назад я говорил о пищевых ресурсах Земли в связи с достижениями генетики. Говорил также о проблеме среды и мутагенов, о взаимодействии социального и биологического в человеке, о задачах генной инженерии. Эти направления бурно развиваются.

— Вопросы генной инженерии сильно дискутируются...

— Ну, дискутируются только в смысле того, что они, подобно ядерной энергии, могут много дать людям и могут быть использованы человеком-наемниками. Вот рекомбинантные молекулы... Они представляют собой молекулы ДНК в виде плазмид, в которые вставляется чужеродный для них генный материал. В плазмиду бактерии вставлен ген, который в бактериальной клетке синтезирует инсулин. В совместной работе Института биоорганической химии и Института общей генетики АН СССР ген брадикинина, который регулирует кровяное давление у человека, был химически синтезирован и через рекомбинантные плазмиды введен в клетки бактерий. Такие бактерии стали синтезировать этот пептид, который свойствен человеку.

— Тут речь, таким образом, идет о создании особых растений, животных, бактерий!

— В определенной мере это так. Приведу пример. Есть бактерии, которые фиксируют азот. Если взять ген азотфиксации от бактерии и пересадить его в ДНК других азотнефиксирующих бактерий, а в перспективе и в клетки растений, они приобретут способность фиксировать азот.

— Из воздуха!

— Из воздуха. Поэтому сейчас ряд лабораторий мира бьется над решением этой проблемы, и если они ее решат...

— Люди избавятся от заботы делать на заводах азотные удобрения!

— Да.

— А вот в человеке все-таки можно усовершенствовать какую-либо гайчку!

— Насчет «гаечек» сложно, но бороться с наследственными заболеваниями окажется возможно. Что такое наследственная болезнь? Это наличие во всех клетках особи дефектного гена. Если бы можно было в клетку вводить молекулу в виде нормального гена! Чудес в генной инженерии много, но вместе с тем, конечно, эти исследования опасны, потому что злонамеренный ученый может посадить в обычную молекулу ДНК, скажем, молекулу ДНК вируса гриппа, ген ботулина. Пандемия может унести столько человеческих жизней, что... Лучше не фантазировать. Поэтому сейчас ставятся вопросы об особых лабораторных бактериях, о сверхстерильных условиях, об особых лабораториях. Современные генетики должны совершать лишь одно — благоденствия, бороться за высокий уровень жизни народа. Возрастает ответственность ученых за плоды их труда.

Беседу записал
Юрий ЛИПАТНИКОВ

Деревья-гиганты

Виктор
РОЩАХОВСКИЙ

В 1769 году испанец Хуан Креспи в сообщении об открытии залива Сан-Франциско упомянул о гигантских деревьях, растущих на западных склонах гор Сьерра-Невада на высоте 1500—2000 метров над уровнем моря.

«Это настоящие гиганты,— писал он,— высотой более чем триста футов. Чтобы обхватить ствол такого дерева, двадцать человек должны взяться за руки...» В Европе этому сообщению не поверили и смеялись над письмом испанца: привирает гидальго! А когда в середине XIX века в Америке началась золотая лихорадка, вновь появились рассказы — на этот раз золотоискателей — о деревьях-великанах. И опять серьезные ученые мужи отмахнулись: враки, таких деревьев быть не может.

В 1875 году в Филадельфии был выставлен необычный экспонат — часть ствола дерева, окрещенного мамонтовым. Ствол имел в поперечнике 10 метров. Это вызвало общее изумление — такая диковинка! А газеты написали, что это мистификация — искусная подделка, склеили, мол.

Шло время, и все больше людей своими глазами видели растущие в горах эти удивительные деревья. И впрямь гиганты: ведь у них на высоте 60 метров от земли растут ветви по три метра в диаметре. А слой коры достигает полуметра.

Сегодня в любой энциклопедии можно прочесть, что самыми высокими деревьями на нашей планете являются растущие в горах Сьерры-Невады секвойя и секвойядендрон (мамонтово дерево), гигантские вечнозеленые хвойные деревья, что достигают они высоты более ста метров, а ствол в поперечнике имеют до десяти метров.

В 1957 году чемпионом была признана секвойя высотой в 109,51 метра. Сегодня это дерево находится уже на четвертом месте, а на первом — секвойя высотой в 112,1 метра. Между прочим, 50 самым большим деревьям этих видов присвоены имена собственные — Вашингтон, Марк Твен, генерал Шерман, генерал Грант...

О возрасте деревьев-гигантов у ученых нет единого мнения. По разным источникам он определяется от 600 до 4000 и даже до 9000 лет.

Как этим патриархам растительного мира удастся жить до такого почтенного возраста? Вот что установили исследователи. С возрастом секвойи обрастают все более плотной корой. Она становится как бы броней для них, покрываясь глубокой сетью смоляных канальчиков и все более насыщаясь смолой. Именно смола и предохраняет дерево не только от повреждений, но и от гниения и от насекомых-вредителей.

Некогда, миллионы лет назад, секвойи были распространены на всех материках в огромных количествах. В наши дни секвойю и мамонтово дерево можно встретить, кроме Калифорнии и штата Южный Орегон, только в ботанических садах. Наблюдения показывают, что секвойи постепенно гибнут. Возможно, это закономерное вымирание — эпоха этих гигантов давно ушла в прошлое. Возможно и то, что им труднее других деревьев переносить ухудшение состояния окружающей среды.

Ученые принимают меры к сохранению деревьев-великанов. В частности, занимаются этим и советские лесоводы, планируя вырастить посадки секвойи в Крыму и в некоторых других районах черноморской зоны.

СМОЛЬНЫЙ И Смольная

**Леонид
СУРИН**

Революция и Смольный — эти два слова сливаются в нашем сознании воедино. В Смольном в дни Октября был штаб революции. Сюда вечером 24 октября 1917 года прибыл Ленин для руководства восстанием. Здесь в актовом зале проходили исторические заседания Второго съезда Советов и было образовано первое Советское правительство.

Есть в окрестностях Юрюзани плноводный ключ, который тоже называется... Смольным.

Смольный институт для благородных девиц в Петрограде получил такое название потому, что на том месте, где он был выстроен в 1908 году архитектором Кваренги, находился при Петре Первом обширный Смоляной двор, на котором хранилась смола для нужд российского флота.

Название Смольного ключа на Урале тоже связано с флотом. Юрюзанский завод был основан в 1758 году симбирскими купцами Иваном Твердышевым и Иваном Мясниковым. Все машины его приводились в действие водой заводского пруда. Река же была в то время и транспортной артерией, по которой сплавлялась готовая продукция.

Академик Петр Симон Паллас, посетивший Юрюзанский завод в мае 1770 года, писал в своей книге «Путешествия по разным местам Российского государства»:

«Здесь строят плоскодонные суда, коломенками называемые, на коих уральское железо отвозят по Юрюзане в реку Уфу, по ней в Белую и наконец в Каму и Волгу».

Смолокурением занимались крепостные крестьяне. Не всякая древесина годилась для такой цели. Требовался так называемый пневой осмол — старые, долго пробывшие в земле сосновые пни. Этого исходного сырья много было на горе к юго-востоку от Юрюзани, за прудом. В тех краях и поставлены были печи-смолокурки. Гора получила название Смольной. Смольным был назван и ключ, протекавший возле горы.

Годы идут. Изменились здешние места. Сейчас Смольную гору пересекает асфальтированное шоссе. Ключ Смольный возле пионерского лагеря запружен земляной плотиной. Однако названия горы и ключа остались прежними...

На родине Чайковского

**Борис
АНШАКОВ**

Небольшой город в Прикамье Воткинск — родина гениального композитора П. И. Чайковского — известен своими глубокими музыкальными традициями.

В 40-е годы XIX века, когда здесь проживала семья Чайковских (отец композитора был начальником Камско-Воткинского железодельного завода), в штате завода состояли профессиональные музыканты. «...здесь 8 человек музыкантов, иг-

рают изрядно, но если их упражнять, то будут лучше», — читаем в одном из писем Ильи Петровича. Муниципирование было одной из постоянных форм досуга заводской интеллигенции. Наиболее часто музыка звучала в доме горного начальника.

В другом письме из Воткинска И. П. Чайковский сообщает: «После обеда был у меня квартет и трио. Разыгрывали пьесы очень недурные: флейта — я, гитара наподобие ли-

ры — Романов (управитель завода), он очень хорошо играет, виолончель — Вокар гвардеец».

В конце XIX — начале XX веков музыкальное любительство в Воткинске приобретает массовый характер. Из рабочих и служащих завода формируются оркестры, хоры, инструментальные ансамбли, которые регулярно выступали с концертами.

В 1909 году артисты-любители Воткинского завода объединились в музыкально-драматическое общество. Социальный состав учредителей общества был очень пестрым: инженеры и конторские служащие завода, купцы, мещане, сельские обыватели... Председателем общества избрали врача С. Г. Макарова. В первом параграфе принятого устава значилось:

«Общество учреждается в память рождения в Воткинском заводе 25 апреля 1840 года композитора Петра Ильича Чайковского и имеет целью: а) доставлять своим членам возможность собираться для исполнения различных произведений музыкального и драматического искусства, а также для чтений как литературных, так и научных; б) содействовать развитию музыкальных и драматических талантов и в) распространять любовь к этим искусствам и развивать вкус и понимание оных».

Общество имело свое помещение, где, кроме зала, была читальня с достаточным большим количеством книг. Драматические спектакли ставились в здании общественного собрания. Известно, что самодельными артистами были осуществлены постановки «Князя Серебряного» А. К. Толстого, «Леса» А. Н. Островского, «Каширской старины» Д. В. Аверкиева, «Женитьбы» и «Ревизора» Н. В. Гоголя и других пьес. В камерных концертах часто исполнялись романсы русских композиторов и, конечно, П. И. Чайковского.

В 1912 году члены общества выступили с инициативой открытия в Воткинске первого среднего мужского учебного заведения — прогимназии. 1 октября 1912 года мужская прогимназия была открыта. В ноябре того же года воткинцы обратились с письмом к Модесту Ильичу Чайковскому — брату композитора и основателю Дома-музея П. И. Чайковского в Клину — с просьбой содействовать развитию нового учебного заведения.

В первом учебном году в подготовительном и первом классах прогимназии занималось 57 мальчиков. Некоторые учителя давали уроки бесплатно, в числе их преподаватель пения И. Г. Юрасов, дед замечательного певца, народного артиста СССР Бориса Штоколова.

Советская власть сделала профессиональное искусство доступным жителям отдаленных и маленьких го-

родов. В 1935 году в Воткинске впервые выступал столичный симфонический оркестр под управлением выдающихся дирижеров Л. Штейнберга и К. Сараджева. Известные исполнители, в том числе Свердловский симфонический оркестр, принимали участие в праздновании

100-летия со дня рождения П. И. Чайковского в 1940 году. А с 1958 года в Воткинске ежегодно проводятся музыкальные фестивали, посвященные памяти П. И. Чайковского. Звучит музыка на земле, давшей миру гения.

Тяжелые деньги

**Михаил
НАЙДИЧ**

Нележкой, что и говорить, была жизнь людей, когда в обращении отсутствовали бумажные деньги, золото и серебро — отсутствовали вообще или резко чувствовалась их нехватка. Тогда оставалась медь.

К примеру, М. В. Ломоносов за свой труд «Опыт теории упругости воздуха» (1748 год) был удостоен премии в размере 2000 рублей. Сумма по тем временам огромная. Достаточно сказать, что Ломоносов, тогда профессор химии, академик, получал жалование... 55 рублей. И все же, по чести говоря, я усомнился, когда узнал, что свою премию, полученную в медной монете, он вывозил на нескольких подводах. Однако расчеты (они простейшие!) безоговорочно подтверждают это. Действительно, из пуда меди в те годы изготавливалось всего 10 рублей. А потому две тысячи рублей весили более трех тонн, точнее — 3200 килограммов. На одной подводе и правда не увезешь.

Во второй половине семидесятых годов прошлого века в России чеканились 25-рублевые золотые, весом около тридцати граммов. Такого же размера и веса были и выпущенные в 1902 году монеты достоинством 37,5 рубля. После денежной реформы, проведенной министром финансов С. Ю. Витте в 1897 году, золотые монеты подорожали в полтора раза: десяти- и пятирублевые империялы и полумпериялы в том году вышли соответственно номиналами 15 и 7,5 рубля, 25-рублевая монета возросла до 37,5 рубля. Кстати, она была русско-французской: имелось на ней и обозначение «100 франков».

Еще более тяжелыми были платиновые 12-рублевые (1828—1845 гг.), их вес — сорок граммов. Чиновник, какой-нибудь Акакий Акакиевич (ведь это как раз гоголевские времена!), получив жалование в непопулярной тогда платине, отправлялся домой с отяжеленным карманом.

Довольно увесистыми оказались и современные 10-долларовые канадские серебряные монеты, выпущенные в 1976 году к XXI Олимпийским играм в Монреале. Более тридцати граммов весят и двадцатидолларовые монеты США — немало их было выпущено в течение двухсот лет.

Но, пожалуй, на первое место по весу среди денег из благородного металла вышли монеты Бактрии — древнего государства в Средней Азии, занимавшего территорию по обе стороны от Аму-Дарьи; сперва оно входило в состав империи Александра Македонского, но позже стало самостоятельным, вплоть до завоевания его кочевниками в I в. до новой эры. Монеты эти — редчайшие, даже в Эрмитаже их нет, если говорить о номиналах в 20 статов, вес каждой из которых без малого 170 граммов — своеобразные золотые слитки. До наших дней дошли лишь три таких экземпляра: два — в частных коллекциях (в Индии и у наследников эмира Бухарского), третья монета — в Парижском нумизматическом музее. Изображены на них дети Зевса и спартанской царицы Леды — Диоскуры, в честь которых был назван город в Колхиде (на месте нынешнего Сухуми). Лицевая сторона монеты украшена портретом бактрийского царя Евкратиды — юношеское лицо, на голове шляпа, напоминающая чем-то современную ковбойскую.

Парижский музей приобрел свой экземпляр у частного лица за 30 тысяч франков, общий вес которых 8700 граммов золота. Это, повторяю, за монету, потянувшую менее 170 граммов!

Не массивность или металл определяют ценность монеты, а ее общая значимость и редкость прежде всего. Уже в наши дни по заветанию умершего ученого-востоковеда, члена-корреспондента Академии наук Азербайджанской ССР,

профессора Е. Пахомова его частная коллекция (около 47 тысяч монет) была передана четырем советским музеям. И, по словам известного специалиста профессора Д. Капанадзе, самыми ценными среди них являются шесть грузинских монет VI и VII веков, изготовленных вовсе не из благородного металла. На недавнем аукционе в Англии всеобщее внимание привлекла австралийская монета достоинством всего лишь 1/4 унции, помеченная 1853 годом. Оценили ее чуть ли не в 10 тысяч долларов!

Но вернемся к меди. Рекорды по весу поставлены все же здесь.

В Свердловске на месте нынешнего Исторического сквера находился Екатеринбургский монетный двор. В течение нескольких лет, начиная с 1725 года, на нем выпускались тяжеленные квадратные рубли (1,6 килограмма) в виде медных плит, или плат.

Сперва было выпущено лишь небольшое количество пробных плат. Конечно же, сейчас они являются большой редкостью. В Свердловском краеведческом музее имеются лишь копии первых рублей и полтинников. Что же они представляют собой внешне? Одна сторона платы гладкая, на другой — четыре штемпеля с двуглавым орлом по углам, а посредине тоже штемпель, но уже с обозначением даты и наименования монетного двора. На первых рублевых платах имелась также мемориальная надпись.

В конце 1726 года начальник Уральских горных заводов Геннин получил из Петербурга указание о «прекращении выделки квадратной монеты». И вскоре на Екатеринбургском заводе стали делать заготовки медных монетных кружков, в основном пятикопеечных. Бочки с ними отправлялись на другие монетные дворы, чаще всего на Московский.

Екатериной II была предпринята новая попытка наладить чеканку крупных медных монет круглой формы, весом в один килограмм. Они получили название сестрорецких рублей, так как монетный двор, где решено было освоить их производство, находился на Сестрорецких заводах. Идея эта по разным техническим причинам провалилась, а несколько отчеканенных рублей дошли до наших дней и хранятся в Эрмитаже.

Как уже говорилось, из пуда меди делали монет на 10 рублей. В XIX веке из пуда чеканилось уже 16 рублей, потом 24, 36, а в последние дни Российской империи — 50 рублей.

Неизменным оставался лишь вес сибирских монет, но это особая серия. Вес монет здесь меньше: на их чеканку шла дорогая колыванская руда, в которой, кроме меди, была

и примесь серебра, а иногда и небольшое количество золота.

Ну, а кто же все-таки чемпион? По всей вероятности, недавно найденная в Бургасском округе в Болгарии 26-килограммовая монета, представляющая собой вогнутый прямоугольник размерами 58×34×4 сантиметра. Подобные слитки-монеты, но несколько меньшего веса, обнаруживались там и раньше во время подводных и полевых работ.

И наконец об удивительных деньгах-жерновах, или, как их еще называют, феях. Раскройте географическую карту Австралии и Океании. В Тихом океане, южнее Филиппинской и Марианской впадин, вытянута цепочкой группа Каролинских островов, и среди них островок Яп. Там-то и в ходу эти монеты — огромные мельничные жернова с круглым отверстием в центре. Вес их более тонны. По существующему укладу владельцами их могут быть только мужчины. Для женщины на острове существуют другие, более щадящего веса деньги в виде браслетов, реже — ожерелий и кольца.

Слова «денежное обращение» здесь следует понимать в значительной мере условно: никакому, даже атлетически сильному мужчине фею, конечно, не унести, не сдвинуть с места. Как же тогда засвидетельствовать, что деньги «мои»? Найден простейший выход: после всякой торговой операции новый владелец феи, сделанной из камня, выбивает на ней свое клеймо. И остается она на месте.

Дело, однако, не только в любопытных фактах и диковинах. Человечество издавна задумывалось, что же наиболее пригодно для выполнения функции всеобщего эквивалента в условиях товарного производства? История нумизматики ярко подтверждает слова К. Маркса:

«Перед другими товарами золото и серебро имеют как *средство обращения* то преимущество, что их большому природному удельному весу — свойству представлять относительно большую тяжесть в небольшом объеме — соответствует экономический удельный вес: свойство заключать (овеществлять) в небольшом объеме относительно большее количество рабочего времени, то есть большую меновую стоимость. Последнее, естественно, связано с тем, что они относительно редко встречаются как природные объекты. Вследствие их небольшого объема — легкость транспортировки, переработки и т. д. Одним словом, легкость реального обращения, что, естественно, является первым условием для их экономической функции средства обращения».

Это гордое слово Гренада

Борис ЗЕЛИЧЕНКО

Михаил Светлов писал:
«Я не слежу обычно за тем, как у меня получается стихотворение, но весь процесс работы над «Гренадой» мне совершенно ясен. Помню, я шел по Тверской и все время бессознательно напевал:

Гренада, Гренада,
Гренада моя...

А что, если эти строки вложить в уста, скажем, крестьянина с Украины?

Гренадская волость
В Испании есть!..»

Это было 55 лет назад. В августе 1926 года рабочий парень из Екатеринослава (ныне Днепрпетровск) опубликовал в «Комсомольской правде» стихотворение, которое сразу же стало знаменитым.

Светлов вспомнил: «Однажды Маяковский позвонил мне и пригласил на свой вечер в Политехнический. На этом вечере он читал наизусть «Гренаду».

На многолюдных вечерах поэзии, на встречах с читателями слушатели, приветствуя поэта, громко скандировали: «Гре-на-да! Гре-на-да!».

Легендарная слава одного стихотворения Светлова заслонила другие его стихи, даже его самого.

В Центральном Доме литераторов проходил вечер одного стихотворения. Председательствующий объявил:

— Выступает Ольга Берггольц. К столу вышла ленинградская поэтесса и сказала:

— Я прочитаю стихотворение «Побратимы», посвященное Михаилу Светлову.

В стихотворении, навеянном светловской музой, прозвучали слова:

Он пел, озирая
родные края:
«Гренада, Гренада,
Гренада моя!..»

Но только, наверно,
ошибся поэт:
Тот хлопец — он белыми
не был убит.
Прошло девятнадцать
немыслимых лет,—
Он все-таки дрался
за город Мадрид.

«Гренаду» пели, когда она еще не была положена на музыку. Мотив был неопределенный, напрашивающийся сам собой... Впервые на светловские слова музыку написал композитор Ю. Мейтус, и эту «Гренаду» пела молодая Клавдия Шульженко. Потом композитор К. Листов написал другую музыку, и песня получила широкую известность. Ее исполнял джаз Леонида Утесова.

Лет двадцать назад появился новый мотив, он стал очень популярным у молодежи. «Гренаду» запели на комсомольских вечерах, у пионерских костров, перед началом торжественных заседаний.

Долго, однако, не было известно, кому принадлежит музыка к светловскому стихотворению. Но вот в «Кругозоре» № 3 за 1966 год была напечатана заметка «Автор известен». Им оказался инженер-металлург из Запорожья Виктор Берковский — автор нескольких самодельных песен.

Есть много свидетельств: советские летчики и танкисты под Гвадалахарой и Теруэлем пели по-русски «Гренаду». Ее тут же запели и добровольцы-интернационалисты, приехавшие из других стран. И самое интересное то, что «Гренада» Светлова стала испанской песней.

Поэт Яков Хелемский в документальной повести «Не доезжая Гренады» рассказывает, как знаменитый испанский поэт Рафаэль Альберти в присутствии Пабло Неруды читал Федерико Гарсиа Лорке строки «Гренады», привезенные из Москвы. Стихотворение поразило Альберти, а Лорка, слушая «Гренаду», от волнения приложил руку к горлу...

Р. Альберти и перевод стихотворения М. Светлова на испанский язык.

И еще об Испании. Может быть, многие и не знают, что на мраморной плите, прикрывшей нишу справа легендарного генерала Лукача (Мате Залка), были начертаны строки «Гренады». Строки, которые так часто вспоминал венгерский антифашист, командир интернациональной бригады — герой советского, венгерского и испанского народов.

В далеком Усть-Илимске есть улица Михаила Светлова, на ней расположен клуб, который строители назвали «Гренадой».

Пионерские дружины, строительные отряды студентов, музыкальные ансамбли, литературные клубы носят гордое имя «Гренада».

Художественно-публицистический фильм Константина Симонова об Испании называется «Гренада, Гренада, Гренада моя».

В 1951 году во время поездки группы писателей по Белоруссии Петрусь Бровка сказал Светлову:

— Если бы мы оказались на Могилевщине, я повез бы тебя, Миша, в колхоз «Рассвет». Там бы ты увидел живого героя своих стихов. Он, правда, не украинский хлопец, а белорусский, но в остальном все сходится.

Речь шла о знаменитом Кирилле Орловском — герое гражданской войны и испанских событий, помнившего светловскую «Гренаду» наизусть.

В поэме «Кирилл Прокофьевич» у П. Бровки есть такие строки:

Он пел светловскую «Гренаду»
И сам героем песни стал,
Когда, войдя в интербригаду,
Он за Гренаду воевал.

Побывал в Испании и привез оттуда землю Гренады Евгений Евтушенко, и в «Балладе о гренадской земле» он пишет:

Не плачь напрасно,
жалая людей,
он не был ни разу
в Гренаде своей.
И без укоризны,
угасший уже,
он умер с безвизной
Гренадой в душе.

Список поэтов, писавших о Светлове, можно было бы продолжить. Это Л. Озеров, Е. Винокуров, С. Смирнов, В. Казин...

Екатерина Алексеевна — сестра Николая Островского — писала М. Светлову: «...Хочется сказать Вам, что Николай Алексеевич очень любил Вашу «Гренаду», что в 1936 году особенно часто приходили ему на память ее строки».

Постановлением бюро ЦК ВЛКСМ была присуждена премия Ленинского комсомола Михаилу Аркадьевичу Светлову (посмертно) за большие заслуги перед Ленинским комсомолом, за создание произведений о героическом труде и боевых подвигах комсомольцев и молодежи.

При всей своей великой скромности поэт понимал все значение «Гренады» для советской поэзии. И однажды в «Послании Александру Жарову» он написал:

И весь теперь я полон жаждой
острой
В твою ладонь вложить мою ладонь.
И пусть они обнимутся, как сестры —
Моя «Гренада» и твоя «Гармонь»!

Вот уже пошла вторая половина века, как в славе и блеске сверкает бессмертная светловская «Гренада».

Крамольный «Рубин»

Редактор-издатель журнала «Гном» В. С. Мутных (1863—1918), подвергавшийся много раз штрафам за публикацию антиправительственных фельетонов, предчувствуя недоброе, рекомендовал своему хорошему знакомому попросить разрешение издавать в Екатеринбурге еще один литературно-художественный и сатирический журнал. А. Н. Лаврухин (1874—1937) получил у пермского губернатора согласие, и в конце 1906 года стал выходить еще один журнал — «Рубин».

Первый номер «Рубина» вышел 1 октября 1906 года. Издатель получил штраф за публикацию стихотворения. Вот три куплета из него:

Загрустил, закрылся тучами
Славный, древний царь-Урал,
Меж озерами и кручами,
Меж покрытых лесом скал.
Целый год его владения
Заливает всюду кровь;
С диким воем озлобления
Топчет вражья сила «новью»
...И окрасились кровавою
Огне-пламенной струей
Воды плавно-величавые
И шумят теперь волной.

Во втором номере на первой странице появляется стихотворение, за которое Лаврухин еще раз платит штраф:

...Ликуют изверги, в восторге палачи;
Герои падают и делаются прахом...
И все ж когда-нибудь притянутся
мечи!
А цепи можно сбить одним могучим
взмахом!!!

15 октября 1906 года вышел третий номер «Рубина». Он был конфискован, но часть тиража разошлась. Журнал закрыли за публикацию «Из переписки современных влюбленных».

«Рубин» был закрыт с конфискацией ранее вышедших номеров. А. Н. Лаврухин получил месяц острога.

Вот почему «Рубин» стал большой библиографической редкостью. Автор этих строк был знаком с А. Н. Лаврухиным и получил от него в дар все три экземпляра вышедшего в 1906 году «Рубина».

Александр
ШАРЦ

ДРЕВНОСТИ АРКТИКИ

**Анатолий
ОМЕЛЬЧУК**

Старков собирается в экспедицию в родные места, на Урал. Времени в обрез, ведь нынешним летом нужно успеть еще на Шпицберген, а там на учете не дни, а часы — арктическая природа выделяет археологу на раскопки не больше месяца.

Казалось бы, что делать археологу в Арктике? Ему нужны места более обжитые, в которых поколения людей оставили богатый культурный слой. Но и Арктику человек осваивает уже не одно столетие.

— Такими темпами дело пойдет, — шучу я, — скоро вам и на Северном полюсе работа найдется.

— Не исключено, — в тон отвечает Старков.

Кандидат исторических наук, научный сотрудник Института археологии Академии наук СССР В. Ф. Старков принимал участие в знаменитой Мангазейской экспедиции, а сейчас возглавляет группу советских специалистов, которые работают на Шпицбергене.

Не так давно в норвежской и западногерманской печати появились сенсационные статьи, авторы которых утверждали: найдены подтверждения тому, что первобытный человек населял этот арктический архипелаг в Северном Ледовитом океане. Авторами сенсаций были геологи, которые якобы обнаружили каменные орудия древнего человека. Советская археологическая экспедиция одной из своих задач имела цель подтвердить истинность этого открытия. Но как ни заманчиво было расширить границы деятельности древних смельчаков до 81-й арктической параллели, археологи вынуждены были разочаровать поклонников сенсаций. Камни, столь похожие на орудия, обработанные человеческой рукой, скорее всего все же продукты естественного происхождения. Данные палеогеографии также не подтверждают тезиса о том,

что восемь-десять тысячелетий назад, в арктическом палеолите, человек смог добраться до островов в Ледовитом океане.

Однако руководитель экспедиции не спешит делать окончательные выводы. Существует еще одна версия, которая утверждает, что древний охотник, двигаясь за мигрирующим северным оленем с европейского Севера, с низовьев Печоры, с арктического Приуралья, мог пройти Новую Землю, Землю Франца-Иосифа и добраться до Шпицбергена.

— Надеемся, что следующие сезоны, — говорит Владимир Федорович, — позволят нам более четко ответить на этот вопрос. Мы не сторонники точки зрения «да», не сторонники «нет», нам нужны неопровержимые данные, которые пока не найдены.

Значительно более богатыми были находки археологов, связанные с освоением русскими поморами Груманта, как они в свое время называли Шпицберген. Пока самые ранние находки датируются семнадцатым веком, однако историки не теряют надежды, что их ждут открытия более раннего времени, потому что освоение Груманта началась, как минимум, в XV столетии. На берегах архипелага обнаружены остатки поморских селений, где люди жили круглый год. Конструкции домов, которые привозились на поморских кочах с материка, а потом собирались, чисто русские: рубленые, все они, как правило, состоят из трех частей: две теплых клетки, сени между ними. Дрова для русских печек в избытке предоставляло (и сейчас предоставляет) море: сибирские и европейские реки выносят столько леса, что все берега островов Шпицбергена забиты плавником.

На Грумант плыл на промысел морского зверя грамотный люд. Об этом сви-

детельствуют найденные надписи на дереве. Самая большая фраза — трагического содержания: «Приставился мирянин от города...» Обрывок другой фразы: «...овал ...тиков» археологи расшифровали так: видимо, в этом месте зимовал какой-то помор с фамилией, оканчивающейся на «тиков».

В бухте Решерн советские специалисты обнаружили остатки базы Русской полярной экспедиции под командой капитана В. Я. Чичагова. Экспедиция, снаряженная стараниями и радением великого Ломоносова, искала северо-западный проход к полюсу и достигла рекордных для того времени высоких широт. На Западном Шпицбергене археологи разыскали остатки зимовий русских моряков, причем они полностью совпали с теми описаниями, которые оставил один из участников чичаговского путешествия лейтенант М. Немтинов. Здесь же обнаружены детали корабельного такелажа, обрывки одежды из флотского сукна, обувь моряков, орудия промысла. Раскопки подтвердили, что в экспедиции морского ведомства России активное участие приняли поморы, помощь которых и позволила чичаговской эскадре добиться большого успеха, благополучно завершить плавание.

Всего на месяц стаивают кое-где шпицбергенские снега, давая возможность археологам работать. В качестве компенсации природа предоставила им небольшие преимущества: на архипелаге нет земли, Груманта. Только камень, который не смерзается. Но много камней надо поворачать, чтобы обнаружить следы присутствия на этих суровых берегах наших далеких предков.

Дельфиньи истории

Рассказ

Станислав
СЛАВИЧ

Рисунки
Е. Стерлиговой

Станислав Кононович Славич родился в 1925 году в Харькове. Там же закончил университет и после этого работал в газетах. Во время войны был солдатом. Более четверти века живет в Крыму и, естественно, много здесь плавал, летал, ездил и ходил. Здесь же всерьез занялся писательством.

Печатался в журналах «Новый мир», «Юность», «Октябрь». Среди выпущенных им книг — «Нас много — ты и я», «Крымские повести», «Послесловие к подвигу», «Последний отпуск», «Три ялтинских зимы» и тяготеющая к публикуемому нами рассказу повесть «Хочу подружиться с дельфином».

Член Союза писателей.

В нашем журнале выступает впервые.

I. Денис

— Сто чертей и триста чертенят... — прокричал Денис.

Я не выдержал и рассмеялся. Всякий раз, когда слышу что-нибудь такое, я представляю себе сквернословящим невинного младенца, который не ведает, что говорит, просто повторяет услышанные где-то слова.

Представлять легко и трудно. Легко, потому что бранится Денис без всякого воодушевления, скучно. Он и говорит так же, но в разговоре, если разговор интересен, на интонацию не обращаешь внимания, важен вложенный в слова смысл. А тут и смех, и грех: «Сто чертей и триста чертенят» — любимейшая присказка Сереги Павлова, которую он, бывало, произносил с таким смаком, с таким множеством оттенков, — звучит, будто вокзальное объявление.

Именно у Сереги Павлова Денис нахватался всех этих чертей и чертенят. Денис с Серегой работали вместе пятнадцать лет, а это не шуточки — поднимать с немыслимой глубины затонувшие суда, мчаться по первому сигналу тревоги к терпящим бедствие, заводить пластыри на пробоины в брюхе корабля, когда на море шторм... Веселенькое было время. Тогда все это только начиналось, и нашу контору уважительно именовали научно-исследовательской спасательной станцией (НИСС). Сейчас называют просто: аварийно-спасательная служба (АСС). Нынешние ребята гордо величают себя асами, однако до Сереги и Дениса им, по-моему, все же далековато. Но это я уже совсем о другом...

Дениса в то же время трудно представить себе невинным младенцем, потому что ему двадцать семь лет, весит он четыреста килограммов, а ростом вымахал в три с лишним метра. Для нас-то он просто свой, надежный парень, но ученая публика при одном взгляде на него от восторга чуть не помирает: Денис для них — совершеннейший образец *Tursiops truncatus*, дельфина афалины. Они (ученые) так прямо и говорят: «Один из шедевров матушки-природы!» Ничего удивительного: плохих в НИСС не брали. Ни людей, ни дельфинов.

— Сто чертей и триста чертенят...

Это сейчас у Дениса портится характер, пропадает даже чувство юмора — что поделаешь, старость. Сколько ему еще осталось? Лет пять, не больше. А раньше был парень хоть куда. Отчаянный. Ругали за это. Сергей поначалу тоже жаловался:

— Не пойму — дурачок он или в самом деле ничего не боится?

А уж Серега, будьте уверены, сам ничего не боялся.

Любили они друг друга. Сергей, помню, все переживал: «Вот мне тридцать пять, а Денису

двадцать. Через десять лет я еще буду мужик в самом соку, может, женюсь наконец. А у Дениски в тридцать — глубокая старость... Несправедливо это!»

Он вообще страшно переживал всякую несправедливость. Бывало, говорил:

— Жаль, что бога нет. Даже поскандалить по поводу этих шуточек природы не с кем...

Его возмущало, что мы, люди, общаемся с дельфинами главным образом во время работы — ну, в самом деле, не может же человек круглые сутки сидеть в воде! Но вот в этом-то Серега и видел несправедливость:

— Что же получается: дружба дружбой, а табачок врозь? Я после работы в гости или в кино, а он опять на дно морское к рыбам? Где же культурные развлечения?

Как ни смеялись над ним, а Павлов добился, чтобы для дельфинов устраивали киносеансы, и сам приходил на них. Дельфины оказались равнодушными ко всем человеческим любовным историям, но страшно полюбили видовые и спортивные фильмы. Между прочим, эти сеансы натолкнули на мысль создать у нас, при НИССе, подводную кино съемочную группу. Дельфины работали в ней вместе с людьми.

Эх, Серега, Серега! Борясь с несправедливостью, он предлагал «раскрепостить» дельфинов и устроить детские сады для дельфинят, требовал организовать воскресный отдых дельфинов и распространить на них закон о пенсионном обеспечении трудящихся. Тогда это тоже казалось смешным, а ведь спустя несколько лет пришлось задуматься над всем этим и пойти даже гораздо дальше...

Он был умница, Серега Павлов. От него первого я услышал эту мысль: к дельфинам нужно относиться так же, как мы относимся к приматам. В отряд приматов входят ведь и человек, и мартышка, и даже полуобезьяны. Так и семейство дельфинов сложно, многообразно, и вряд ли следует ждать от какого-нибудь слепого гангского дельфина таких же проявлений разума, как, скажем, от афалины или гринды.

Он все сражался с несправедливостью, а судьба оказалась несправедливой прежде всего к нему самому. Погибнуть в тридцать пять лет!.. Денис уцелел чудом — это он вытащил на поверхность тело своего друга...

— Сто чертей и триста чертенят... — сказал Денис без всякого выражения.

К этому не сразу привыкаешь — слышать слова, не окрашенные интонацией, слова, которые выходят не изо рта, а из расположенного на макушке дыхала (на первых порах кажется, будто разговариваешь с чревоуещателем), видеть физиономию, не искажаемую ни гневом, ни радостью, ни каким-либо другим чувством, физиономию неподвижную, как маска. Но привыкаешь, в конце концов, и к этому.

- Что случилось, Денис?
- Больше не могу.
- Что — не можешь?
- Переведи меня на прежнюю работу.
- В экспедицию тебе нельзя — годы не те.

Я вот тоже ушел.

- А здесь я больше не могу.
- Да что случилось?

А случилось, оказывается, вот что. Какая-то юная дурочка решила утопиться. Денис об этом, конечно, не знал. Нынешней весной его назначили в спасательный патруль на городском пляже. Он просто случайно оказался у той скалы, где девица производила окончательный расчет с жизнью. Когда она сиганула с такой высоты, он даже восхитился ее смелостью, хотя и подумал: «Почему в одежде?». А потом она не выжила никакого желая всплывать и, как выяснилось, вообще не умела плавать. Денис ее тут же выволок на поверхность. На благодарность он не рассчитывал, но девица, очнувшись, закатила истерику. А когда дельфин, все еще ничего не понимая, сказал: «Теперь можешь не бояться. Все в порядке», — она вlepила ему за-рещину. За то, что помешал утопиться!

— Больше я не могу, — сказал Денис без всякого выражения.

— Но патрулировать на пляже кто-то должен. Тонут ведь и по-настоящему.

— Пусть кто-нибудь другой.

— Из молодых? — спросил я и подумал: может, в самом деле попросить кого-нибудь из молодежи школы АССа?

Дельфин промолчал.

— С тобой, Денис, мне было веселее — все-таки старые друзья. А что, если я попрошу Серегу?

Серега был Денисов сын, названный так в честь друга.

— Нет, — сказал Денис.

— Почему?

— Не хочу. Тогда лучше останусь я сам. Если так нужно.

— Но почему?

Денис посмотрел на меня испытующе. Выражение глаз иногда заменяло ему мимику и интонацию. У него были не просто умные, а мудрые, я бы сказал, глаза.

— Не хочу, чтобы он разочаровался в людях.

Это меня задело.

— А ты что — разочаровался?

Денис помедлил.

— Я — нет, — наконец ответил он. — Но сначала я познакомился с Серегой Павловым и друзьями братьями.

Я улыбнулся:

— Значит, ты остаешься?

Денис промолчал, он не любил дважды повторять одно и то же.

— Ну, а как быть с этой девчонкой? — спросил я. — Может, напишем в газету?

— Нет, — сказал Денис. — Жаловаться не хочу, а ей и так плохо.

— Какая жалоба! Я говорю совсем о другом. Давай напишем заметку: «Ветеран спасательной службы Денис, участник многих экспедиций в Атлантический, Индийский и Тихий океаны, прощает неразумную девочку, которая ударила его за то, что он спас ей жизнь». Ну, как?

Глаза Дениса засветились, он внутренне улыбнулся:

— Годится.

А я почувствовал, как защемило мое старое сердце. Эх, Серега, Серега, это ведь тоже твоё словечко — «годится».

— Давай, — сказал Денис, — но не забудь написать мое имя правильно — через два «с», а то вечно все ошибаются.

Я кивнул: помню, мол. Хотя, признаться по совести, совсем забыл, что он у нас Денисс — «дельфин научно-исследовательской спасательной станции». «Денисс Первый и Единственный, — как говаривал, обнимая его, Сергей Павлов. Еще одно воспоминание о прошлом. До чего же быстро жизнь прошла!

— Будь здоров, дружище, — сказал я Денису.

— И тебе того же, — ответил он и взмахнул хвостом.

2. Легенда о потопе

— Потоп? — переспросил я изумленно.

Наверное, изумление было таким неожиданным и комичным, что Денис, будь он способен на это, расхохотался бы, — я видел по его глазам. Но смеяться дельфины, как известно, не умеют, и Денис только подтвердил:

— Потоп.

— Кто тебе говорил об этом?

— Не помню. У нас все знают.

Я почему-то подумал: дельфинам наши мимика и жесты, видимо, кажутся странными, как нам, скажем, обезьяньи ужимки. Однажды я спросил об этом, но Денис ответил уклончиво:

— Вы слишком часто находитесь во власти чувств.

Он сказал иначе, не так книжно, но смысл был именно такой.

— Это плохо?

— Не знаю.

Однако вернемся к потопу, вернее, к тому, что привело к разговору о нем. Началось все с

Денисова имени. Дело в том, что у дельфинов нет имен в нашем человеческом понимании, их заменяет что-то похожее на оклики или позывные, отличающиеся высотой звука. Нечто вроде «Эй, ты!», которое звучит для каждого по-разному. Может быть, поэтому они сперва и воспринимали данные людьми имена как некое приобретение. Потом, правда, стали смотреть на них проще. Поначалу, помнится, не обошлось без споров. Серега Павлов, например, решительно выступал против всего, что хоть сколько-нибудь напоминало клички.

— Если они наши друзья и братья, — заявлял он, — то должны носить человеческие имена. И не какие-нибудь «Васька» или «Майка», так называют поросенка или корову, а полные, уважительные...

— Тогда для полного уважения нужны отчества и фамилии, — говорил кто-то, посмеиваясь, но Серегу этим было не смутить.

— Может, и они понадобятся, — соглашался он. — Будущее покажет.

Я придерживался срединной, так сказать, позиции: наших друзей дельфинов можно называть по-всякому, лишь бы это не было обидно, пренебрежительно или смешно. А так пусть будет хоть и кличка — разве она не может стать именем!

Денис слушал внимательно.

— У людей есть смешные имена? — спросил он.

— Пожалуй.

— А Серега?

— Ну, что ты! Сергей — очень достойное имя. «Сергей» значит «высокочтимый».

— Годится, — одобрил Денис.

— Правда, тебя, — добавил я, — окрестили сразу и без споров...

— Что значит — «окрестили»?

— Ну, назвали.

— А почему тогда — «окрестили»?

Вечно он задает такие вопросы, что приходится выворачивать наизнанку наши человеческие отношения.

— Предрассудок был такой. Люди верили в высшее существо, называлось оно «бог»...

— А на самом деле этого существа нет?

— Конечно.

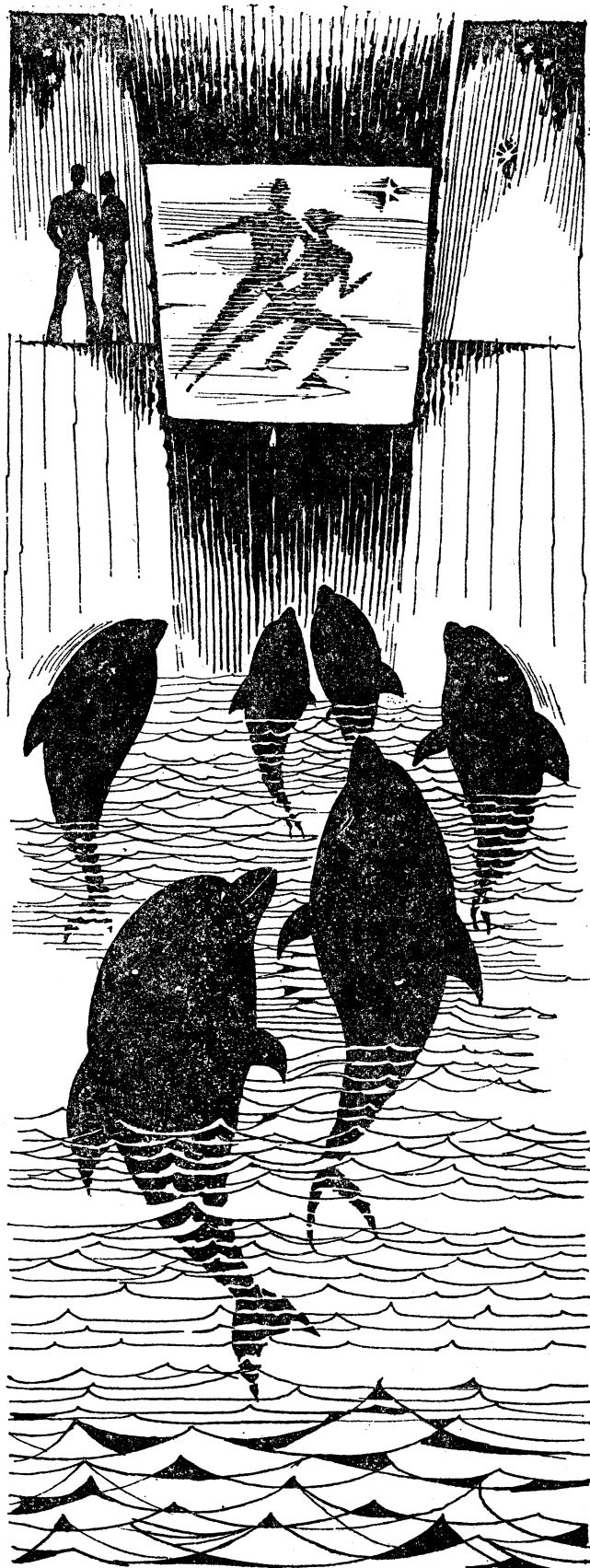
— Зачем же верили? Как можно верить в то, чего нет?

Он говорил без интонаций, но я давно научился понимать, где у него вопрос.

— Я же говорю — предрассудок. Над новорожденным совершали обряд, называлось это «крестить». Одновременно давали имя. Так и пошло: крестить — значит, давать имя.

— Ясно. Имя вы мне дали хорошее.

— Еще бы! С одной стороны, чисто человеческое, как хотел Сергей, а с другой — со скрытым смыслом.

— «Дельфин научно-исследовательской станции»,— важно произнес Денис.

— Есть и еще один смысл.

— Не знаю. Мне не говорили.

— Могу рассказать.

— Давай.

Я прикинул: а почему бы и нет? Время обеденное, людей на пляже почти не осталось, один патрульный дельфин-спасатель (у Дениса был теперь ученик и помощник) вполне справится с делом, пока мы здесь поболтаем...

— Вот ты говоришь: как можно верить в то, чего нет? Осуждаешь. Нас, людей, легко осуждать. Суетливы и ошибок за свою историю понаделали множество. То ли дело вы, дельфины. Простая, здоровая жизнь. Ни суеверий, ни пороков. Ну, подеретесь иной раз — разве это грех? Так, шалости....

— Я этого не говорю.

— Значит, думаешь.

— И не думаю.

— А я говорю и думаю.

— Вы любите говорить.

— Вот видишь — еще один недостаток.

— Я не хотел обидеть.

— Знаю. А поговорить, в самом деле, любим. «Погасло дневное светило, на море синее вечерний пал туман, шуми, шуми, послушное ветрило, волнуйся подо мной, угрюмый океан...»

— Что это? — спросил Денис.

— Стихи.

— Не понимаю.

— Ну вот. У вас все проще и яснее: солнце село, наступил вечер, приближается шторм — нужно удирать. А мы об этом стихи сочиняем.

— Это ты сочинил?

Я не выдержал и рассмеялся.

— Пушкин. Александр Сергеевич Пушкин.

— «Сергеевич» — значит, его папу звали Серега?

— Точно. Как Серегу Павлова.

Обалдеть можно от этого Дениса.

— Так вот, навывдумывали мы разного...

— Телевизор и кино мне нравятся. Это вы хорошо придумали.

— ...А много тысяч лет назад наши предки жили, как и вы, бесхитростно и просто. Между прочим, уже тогда они пытались объяснить доброе отношение дельфинов к людям...

— И что?

— Ничего. Придумали сказочку. Тогда все было просто. Если что непонятно — тут же наготове сказочка. Я тебе говорил об одном божестве, а в то время у людей было много богов...

— Это им казалось, что было.

— Конечно.

— А зачем — много?

— Каждый бог отвечал за какое-то дело.

Один за охоту, другой за земледелие, третий считался хозяином морей и океанов.

— Интересно.

— И был бог, который ведал виноградарством и виноделием. Однажды он в облике обыкновенного мальчика плыл на корабле. Но мальчик-то мальчик, а все-таки он был бог и сразу понял, что корабельщики задумали недоброе — хотя бы его ограбить и убить. И тогда этот бог решил наказать моряков. Как? Он превратил весла, которыми они гребли, в огромных извивающихся змей. Представляешь?

— А разве это возможно?

— Да я же говорил: сказочка. Напуганные матросы вскочили с мест и бросились в воду. Наверное, утонули бы, но их пожалел другой бог — тот, что был хозяином морей. Он пожалел людей и, чтобы спасти, превратил в дельфинов. Понял? С тех пор, дескать, в морях и океанах живут веселые и добрые дельфины, которые никогда не обижают людей, потому что помнят: когда-то сами были людьми. Каково?

— Интересно. А при чем тут мое имя?

— Греческого бога, который напугал матросов, звали Дионис. И это от него пошло — Денис.

— Значит, мы произошли от вас?

— По этой сказочке выходит так.

Денис помолчал немного, потом сказал:

— У нас говорят по-другому.

Он ожидал моего вопроса, и я спросил:

— Да?

— Это правда, когда-то все мы жили на земле...

— Кто — все?

— И мы, и вы, — сказал Денис. — Мы были одной семьей.

— И не было людей и дельфинов?

— Не было. Мы были одной семьей и жили у моря. Но одни его любили, а другие боялись — они ковырялись в земле и ели червей. А потом начался потоп...

Вот тут-то я и переспросил изумленно:

— Потоп?

— Потоп, — подтвердил Денис.

— Кто тебе говорил об этом?

— Не помню. У нас все знают. Земли стало совсем мало, и все ушли в море.

— А потом?

— Потоп кончился. Мы остались в море, а те, кто боялся, вернулись на землю.

— Это что же, по-вашему выходит — мы произошли от вас? — спросил я, испытывая почему-то странную уязвленность.

Денис помолчал, и мне показалось, что я вижу в его глазах усмешку.

— Не знаю, — сказал он. Потом добавил: — Мне пора.

Дельфиненок, его помощник, затеял у самого берега возню с мальчишками, и, пожалуй, самое время было их разогнать.

3. Только вы и мы...

До того как дельфины по-настоящему познакомились с людьми, они не испытывали никаких «комплексов» и не сталкивались с тем, что мы называем проблемами. Все было ясно с самого рождения: нужно просто прожить жизнь, испытав по возможности больше радостей и поменьше огорчений. И все это было обнажено, высветлено и, хотя речь идет о существах разумных, я бы даже сказал,— по-животному примитивно.

Радость: обилие пищи, любовь, спокойное море, единение с семьей, в редких случаях — дружеское общение с человеком, отсутствие опасности. Огорчение — нечто прямо противоположное. Иногда это было даже не огорчение, а подлинная беда: извержение подводного вулкана, произведенный людьми взрыв (мы-то до поры были совершенно бесцеремонны с природой). Но беды не зависели от самих дельфинов. Наверное, это и сделало их своеобразными фаталистами, принимающими все как должное. Поэтому же, наверное, у них не было таких понятий, как счастье, неудовлетворенность собой, «вызов судьбе», стремление к несбыточному.

Разум ими самими не воспринимался как примета некоей избранности. Они не были в своей стихии отгорожены от всего остального живого — так же охотились, плавали, кочевали из одного места в другое, ничего, кроме похожих на сновидения воспоминаний, не приобретая, ничего нигде не оставляя. Вот уж кто мог сказать о себе: все мое ношу с собой.

Сомнения посеяло общение с человеком. Дело едва не дошло до своеобразного бунта. Может, это слишком сильное в данном случае слово — «бунт», но часть дельфинов — и такая часть, наши друзья, воспитанники НИССа! — готова была порвать с людьми.

Сейчас как-то даже не верится. Началось с того, что дельфины рядом с человеком вдруг почувствовали свою неполноценность. Существа, удивительно приспособленные для жизни в воде, увидели, что даже в их родной стихии люди могут в известной степени больше их. В самом деле, афалине каждые несколько минут нужно всплывать, чтобы сделать очередной вдох-выдох, а мы в аквалангах оставались под водой как ни в чем не бывало. Скорость — великое качество дельфинов, но и здесь техника по меньшей мере уравнивала шансы. Когда доходило до чрезвычайных происшествий, до аварийно-спасательных работ, и мы, и дельфины перебрасывались на вертолетах или самолетах. Сперва дельфины не могли оценить авиационные скорости, а вибрации в полете и раздражали, и вызывали недоумения. После одного особенно трудного полета Денис сказал:

— Не хочу лететь, вернусь сам.

Ему дали такую возможность. Мы вернулись домой через два часа, Денис приплыл на базу на третьи сутки. Больше никто на эту тему не заговаривал, все стало ясно. Убедились дельфины и в том, что в длительных переходах не могут тягаться с нашими скоростными судами. Соревнований мы — упаси бог! — не устраивали, отнюдь не хвастали своим могуществом, и все-таки для некоторых дельфинов эти и многие другие открытия оказались ударом по самолюбию. Наверное, я рассказываю сейчас несколько упрощенно, но, право, суть сводилась именно к этому.

Вначале они, как дети, были в восторге от наших возможностей, а потом вроде бы отрезвели, что ли. Я как-то говорил Денису, что такая переменчивость, по-моему, чисто человеческая черта. Недаром наши умудренные опытом предки предостерегали: не сотвори себе кумира! Они знали, что вслед за опьянением наступает похмелье. Нечто похожее и случилось с нашими братьями. Некоторые из них от восторга и поклонение готовы были шархануться в противоположную сторону. Большинство из нас, правда, узнало об этом, когда страсти уже перекипели, а широкая публика и по сей день ничего не знает.

Началось, как это ни странно, с молодежи. Старики, те были непоколебимы, пиетет к Человеку был у них в крови, не подлежал ни обсуждению, ни пересмотру, несмотря на то, что еще на их памяти процветала охота на дельфинов. Глядя на этих стариков, мы как-то слишком уверовали, что иначе и быть не может.

А дельфины стали присматриваться к нам, оценивать нас критически. Как-то само собой прошло поголовное увлечение человеческой речью. А то ведь одно время они даже между собой пытались говорить по-нашему. Это было трогательно, но и смешно. И настал момент, когда они не захотели быть смешными, перестали вести себя как дети.

Не обошлось без крайностей. Под сомнение ставилось то, что казалось незыблемым, что в давно прошедшие времена заложило основу нашей дружбы и на протяжении веков вызывало изумление, порождало сказки и догадки: под сомнение ставилось само отношение дельфинов к человеку. Теперь юные скептики говорили: «Сколько мы их спасали, а в результате — что? Не было случая, чтобы дельфин отнесся дурно к человеку. Не было! И вот — спасибо! — нас самих за это перестали, наконец, убивать...» Ответить было нечего. То есть, конечно, отвечали — мастера диалектики всегда находятся, но лучше бы они помалкивали.

Однако то были только цветики. Больше тревожили сегодняшние настроения некоторых наших друзей. Вот, например, диалог, — я передаю его приблизительно и, если можно так сказать,

«очеловечено», потому что точный, дословный перевод с дельфиньего невозможен:

— Люди говорят: око за око, зуб за зуб.

— Это о чем?

— Нельзя забывать зла.

— Ну и что?

— А то, что тогда половина людей должна остаться без зубов и без глаз.

— А Серега говорит: кто старое помнит, тому глаз вон.

— Конечно! Им лучше не вспоминать старое. А нам бояться нечего.

— А сейчас ты чего боишься?

— Чудак! Чему хорошему ты научишься у них? Ты всегда будешь помощником, будешь делать, что тебе скажут. Рук у тебя нет — что ты можешь? А они все делают руками.

— Главное не это, а то, что мы понимаем друг друга. С кем ты еще можешь разговаривать? Во всем мире только мы и они. Братья по разуму. Разве брата любят за то, что он что-то умеет?

Молодец, Денис! Да и ему самому этот довод, видимо, казался неотразимым. Но его собеседник думал иначе. Он сказал:

— «Братья по разуму!» Из-за этих братьев мы перестали быть братьями друг другу. Мы липнем к ним, как водоросли к камням, — каждый к своему камню, а дельфины всегда были вольным народом. Как можно ждать добра от людей, когда они между собой не помирятся! Мы научимся у них зависти, корысти, вражде и больше ничему. Ни строить, ни управлять машинами мы никогда не сможем. Человек проник повсюду. Он летает, плавает, ходит, ездит. И все это сам, сам! А ты сам, без человека, можешь что-нибудь?

— Так что же делать? — тихо спросил Денис.

— Я думаю, нужно уйти от них, жить, как мы жили раньше. Они сами по себе, а мы сами.

— Только потому, что мы не сможем управлять машинами? — спросил Денис. При всей любви к нему я должен признать, что мыслил он прямолинейно. Ему всегда нужна была связь между конкретной причиной, поступком и следствием.

— Потому что мы попадаем в зависимость от людей и машин, становимся их рабами, меняем свой образ жизни, усваиваем худшие черты человека, а лучшие — умение строить — просто не можем воспринять. И наконец окажется, что мы без людей уже не можем ничего, а им тоже будем без надобности. Как собака. Когда-то она была помощником человека, а сейчас почти не нужна...

Не знаю, как долго продолжался этот разговор, — Серега встал и выключил динамик. Нужно сказать, что у нас была двусторонняя связь, но микрофоны обычно выключались, чтобы не докучать друг другу шумом и болтовней.

Постоянно включенными были только динамики — на случай тревоги. Сегодня дельфины, видно, забыли выключить свой микрофон, и мы нечаянно подслушали беседу.

— Зачем? — спросил вахтенный радист.

— Затем, что подслушивать нехорошо, — ответил Серега и отвел своей лапицей руку парня, который потянулся к выключателю.

Я отдернул штору и глянул на бассейн. Это был даже не бассейн, хотя мы его так называли, а отгороженный от моря бетонным волноломом искусственный заливчик, где постоянно дежурила группа дельфинов. Мы несли вахту в радиорубке, всегда готовые принять с моря сигнал бедствия, а дельфины — в бассейне. Сейчас их там было только двое — Денис со своим собеседником, остальные плавали неподалеку в море. На поверхности бассейна время от времени появлялись две темные лоснящиеся спины. Разговор, видимо, продолжался.

— Перипатетики чертовы, — помнится, сказал я.

— Что? — переспросил радист.

— Философы были такие. Выясняли истину во время прогулок. Вечно им не сиделось.

— А я бы этого философа снял с дежурства и отправил куда надо.

— Куда же это? — поинтересовался Сергей.

— Куда Макар телят не гонял. Можно найти место. Пока он не разложил остальных дельфинов...

— Пусть только попробует кто его тронуть! — сказал Сергей.

Радист знал, что с Павловым лучше не связываться, и промолчал. Потом все-таки не выдержал:

— Ишь какой умник выискался...

Сергей стоял теперь рядом со мною и тоже смотрел на синюю гладь. Радиорубка приткнулась на крохотной огороженной площадке у самого края мола, и нам хорошо были видны и защищенная бетоном акватория, и открытый океанский простор, уходивший к горизонту. Странно было чувствовать себя на самом краю земли, сознавать, что впереди на много сотен, а то и тысяч миль — вода и только вода.

Бриз развел в бухточке легкое волнение, но он же, будто дурачась, дробил волну, покрывал ее рябью, похожей на рыбью чешую, а еще больше — на осколки зеркала, которые переливались под солнцем с нестерпимой яркостью.

Четверка дельфинов, не захотевших оставаться в бассейне, разбилась на пары. Двое стариков отплыли довольно далеко, а Денисова подружка Люся со своей опекушкой, которая уже с неделю не отходила от нее (Люся должна была вот-вот рожать), плескались буквально под нами. От «перипатетиков» их отделяла стена волнолома.

Вспомнив слова радиста, я рассмеялся.

— Чего ты? — спросил Серега, поежившись. Он был в одних плавках и свитере, надетом прямо на голое тело. Свистер натянул, когда вылез из воды — хотел поохотиться, но ничего стоящего не нашел, да и Люся с подружкой все время вертелись рядом, мешали.

Я опять засмеялся:

— «Куда Макара телят не гонял...» А это, наверное, и есть то самое место. Дальше не погонишь.

В самом деле, вот уже четвертый месяц, с самой весны, мы работали в экспедиции на берегу Тихого океана.

Серега тоже усмехнулся.

— А по-моему, он прав, — сказал он, возвращаясь к прежнему.

— Этот умник? — съязвил радист.

— Был бы неправ, ты бы не вскидывался. А то взяло за живое. Они к нам со всей душой, а мы — как эксплуататоры: где можно использовать?..

Сергей сел на своего конька, и теперь его было не остановить. Рассуждений хватит до конца вахты. Не успел я подумать об этом, как все обернулось по-другому.

Радист тихонько и вроде бы нерешительно сказал:

— Акулы?

Мы быстро обернулись.

Их не поймешь, этих акул. Никогда не знаешь, чего от них ожидать. Иногда они появлялись, но не скажу, чтобы часто. Одна трехметровая как-то увязалась за нами во время охоты. То подплывала совсем близко, так что мы могли ее рассмотреть, то отставала. Красавица! Темно-голубое сверху, а снизу снежно-белое обтекаемое тело, изящно оттянутая назад верхняя лопасть мощного хвоста, непринужденность и стремительность движений... Отвратительной была только морда с ничего не выражающими, будто стеклянными глазами.

Предпочтение она отдавала явно мне, всякий раз появлялась с моей стороны. Пузырьки воздуха, который мы стравливали, похоже, немного озадачивали, отпугивали ее. Но наконец это преследование надоело. Серега махнул рукой, и мы развернулись лицом к акуле. У Павлова была длинная острога-копье из какой-то сверхлегкой и прочной трубки, у меня — такая же, только покороче. Мы угрожающе двинулись на акулу, и она, сделав изысканнейший поворот, отвалила в сторону.

На берегу Сергей остановил меня.

— Погоди. — Осмотрел со всех сторон и ткнул на царапину ниже колена: — Из-за этого она и увязалась. Каплю крови за километр чувствуют...

Одним словом, акулы не были для нас сюрпризом. Мы и дельфинов с собой брали в значительной степени для охраны. Пара наших стари-

ков были бойцы хоть куда, хотелось, чтобы и выросшая среди людей Денисова компания научилась у них кое-чему.

Правда, на этот раз старики уплыли шут знает куда, Денис с приятелем решал мировые проблемы за прикрытием мола, а Люся (в ее нынешнем положении) со своей подружкой не представляли, пожалуй, большой силы.

Воду резали несколько плавников, но, как мы поняли, акул было только две. Просто они оказались из тех, у которых торчат и спинные плавники и хвост. Сейчас акулы плыли параллельно молу в нашу сторону, и это в общем не давало повода для тревоги. В конце концов стоит лишь кликнуть, и дельфины в самом прямом смысле сделают из них отбивные.

Радист включил динамик, и на сей раз Сергей не возражал. Из бассейна слышался мирный дельфиний разговор, похожий на щебетанье, пересвистыванье птиц. Наружный микрофон (радист переключился на него) показывал, что дамы гоняют небольшой косячок скумбрии и на акул не обращают внимания. Однако для человека уже простое появление этих тварей неприятно, и мы не спускали с них глаз. Нет, я решительно не способен ими любоваться. Думалось: какая нелегкая занесла их сюда, что им нужно? Не знаю, как у других, а у меня эти мерзкие по повадкам, по примитивной хитрости существа с мозгом, похожим в чем-то на мозг пресмыкающихся — гадов, вызывают отвращение, хотя я и понимаю, что это несправедливо: акулы такие же создания природы, как и все остальное. Нельзя же, скажем, ненавидеть землетрясение только потому, что оно разрушает дома!

Акулы двигались в полукабельтове от мола по направлению к нам. Двигались безмолвно и легко, без суеты и рысканья по курсу — то ли совершенно бездумно, то ли с какой-то своей целью. Потом они поравнялись с нами, и я даже успел облегченно подумать: плывите, дескать, дальше, будь вы неладны, и больше не появляйтесь, — когда акулы сделали вдруг резкий поворот. Они повернули к молу, будто выбрав наконец угол атаки, и ринулись к дельфинам, отрезая им путь для отступления в бассейн. Это было неожиданно и стремительно, как на войне.

Я чуть за голову не схватился: ну почему мы, как только увидели этих каналов, не загнали Люсю с подружкой в бассейн или не вызвали Дениса с напарником?! Объяснить это, конечно, просто. Задним числом все мы умны: не хотели, во-первых, проявлять нервозность, внушать дельфинам страх перед акулами, а с другой стороны, боялись, что Денис с его задиристым характером, не разобравшись что к чему, тут же полезет в драку — от него этого можно ожидать.

А сейчас акулы беззвучно, как всегда, и ре-

шительно атаквали. В динамике слышались тревожные — Люси и ее подружки — голоса. Однако дельфинихи, нужно отдать им должное, не растерялись и не запаниковали. В обычных условиях у них было преимущество скорости и разума, но Люся сейчас была так неповоротлива! Она просто забыла об этом, решила забыть... Дельфинихи не стали удирать или хитрить — они бросились навстречу. А может, в этом и была их хитрость, может, они надеялись проскочить под самой стенкой волнолома к воротам бассейна? Но мы-то видели, что расчет этот ошибочный, что сейчас закрубятся тела, что вода из голубой станет красной...

Наш радист позеленел, а я гаркнул:

— По общей трансляции — тревога!

Скомандовал скорее себе, чем ему, потому что сам же стал нажимать нужные кнопки.

Тут впору было заметаться. Невозможно отвести глаза от страшной картины: акулы и пара дельфиних стремительно сближались. А что Денис? Его реакция была мгновенной, он тут же рванул на выход, и его скептически настроенный собеседник, нужно сказать, отнюдь не отставал. Они мчались, как две торпеды, но только быстрее торпед, и все-таки тревога застала их в глубине бассейна, слишком далеко. Успеют ли на помощь? Не успеют!..

Акулы шли под острым углом со стороны моря, а Люся с подружкой скользили вдоль мола. И ясно было — столкновения не избежать. Я уже видел место, где через несколько секунд покраснеет вода. И вдруг — будто дуновение ветра. Я оглянулся: дверь рубки открыта, блестящее длинное копьё исчезло...

Акул отделяло от дельфиних метров двенадцать, когда Сергей, перемахнув через барьер, прыгнул как раз между ними.

Когда он успел надеть маску и ласты, когда схватил копьё?

Сергей нырнул почти без всплеска и, уже выходя на поверхность, бросился, чуть выставив копьё, к большей акуле. С ума он, что ли, сошел?! Акула увернулась, и обе они словно заколебались. Неожиданность озадачила их. Может, на это Сергей и рассчитывал? Все внимание акул обратилось теперь на него. Про дельфинов они словно забыли.

Я торопливо загонял патрон с пулей 16-го калибра в казенную часть «боевой головки». Раздеваться было некогда, и я прыгнул в воду, едва успев поставить «пушку», как мы ее называли, на предохранитель. Это было в тот самый момент, когда акулы, как бы решившись, двинулись с двух сторон на Серёгу.

До чего же мерзкие твари!..

«Пушка» — отличное оружие, но акулу можно поразить только выстрелом в упор, приставив дуло к ее голове. Тут нужны собранность и точность. А плыть в одежде было так неловко...

Странно, мы тоже будто забыли о дельфинах, а между тем исход схватки решили все-таки они. Прорвавшись к воротам, Люсина подруга развернулась и оценила положение. Теперь уже она могла выбирать. И выбрала. Увидев, что у меня копьё короче (она приняла «пушку» за копьё), что я в одежде неповоротливее, она, как ракета со стартовой площадки, рванулась вперед, выскочила у меня из-за спины и со страшной силой таранила акулу в самое уязвимое место — в жаберные щели.

Как я чертыхался потом! «Ты что, пули захотела? У меня уже палец лежал на спусковом крючке!..» Но в тот момент этот удар вогнал акулу в нокдаун. Дельфиниха крутнулась, пошла на новый заход, а я, не мешкая, приложил ствол и выстрелил...

Серегино положение было отчаянным. Он вонзил копьё между последней жаберной щелью и грудным плавником. Копьё вошло глубоко, но не убило акулу. А к боли они почти равнодушны. И завертелось какое-то чертово колесо. Акула изгибалась, вертелась, стараясь достать Сергея, а он, как мог, изворачивался, вцепившись в другой конец копьё. Одна его нога была уже ободрана жесткой, как наждак, акульей кожей.

Это должно было плохо кончиться. Стоит акуле уйти на глубину, и Серега отпустит копьё. А тогда — конец. Я поплыл к нему со своей бесполезной теперь «пушкой».

Счет шел по-прежнему на секунды. Происходящее, начиная с прыжка Сереги до этих мгновений, когда все заслонила собой огромная распахнутая пасть, воспринималось как растянувшийся во времени взрыв.

Акула стряхнула Сергея с копьё. Ничего страшнее я не видывал...

И тут возник Денис. Прицеливаться времени не было, и первый удар он нанес в ослепительное белое акулье брюхо. Мы потом прикидывали силу этого удара: вес Дениса в те годы — два с половиной центнера, скорость, с какой он мчался, была не меньше семидесяти километров в час. Вот и считайте.

Почти одновременно на акулу обрушился второй удар. Он был классическим для сражений такого рода — в жабры. Бил наш «умник». И тут же таран дельфинихи...

Акула заметалась. Она все еще была страшна. Свыше полутонны покрытых броней мускулов и безразличие к боли — это, конечно, не шутка. Она могла запросто перекусить человека пополам или проглотить целиком. Но хозяевами положения стали теперь дельфины. Они взялись методически «расклеивать» врага. Командовал Денис. Подоспевшая пара старых дельфинов ни во что не вмешивалась. Один из них помог Сергею доплыть до ступеней, ведущих с нашей площадки к воде...

Вечером в кают-компании радист в полной тишине вдруг выдал:

— Где-то я читал, что когда собака кусает человека, это в порядке вещей, а вот если человек кидается на собаку, это уже сенсация...

Шутка показалась плоской, но Сергей промолчал. Только когда отужинали, он, проходя мимо, потрепал радиста по шевелюре: несчастный ты, мол, парень... Ничего, дескать, ты, милоч, не понял...

Из кубрика он связался по телефону с Денисом:

— Как Люся?

Денис ответил:

— Если родится сын, назову Серегой. Годится?

— Спрашиваешь! Главное, что мы понимаем друг друга. Верно? Во всем мире только вы и мы....

Положив трубку, он сказал:

— И выдумают же такое: «Тупиковая ветвь эволюции... Неспособность к технологической цивилизации...» Будто это главное. Разве брата любят за то, что он что-то умеет?..

Он говорил еще, но я задремал. Денек выдался нелегкий, а на вахту нужно вставить чуть свет.

В царстве «разумных» мимоз

...Победив малосимпатичных Коренастых, отряд Гура-Занка — людей, живущих в воздухе — возвращается к родным становищам, где их поджидает с основными силами вождь рода — Уамма, Голубой Орел. В арьергарде, окруженные воинами, у которых наготове нефритовые топоры, дубинки и дротики, движутся несколько десятков пленных, предназначенных для торжественного пиршества. Но торжествовать рано: высланные вперед разведчики сообщают, что в ближних кустарниках прячутся добрых две сотни воинов враждебного племени Красногоросорога...

Не правда ли: вполне может показаться, что речь идет об очередном романе из числа «доисторических»? Тех, едва ли не самым ярким образцом которых остается и по сей день знаменитая «Борьба за огонь» Ж. Рони-старшего? Ведь кто прочел ее в детстве, уже не забудет, вероятно, ни отважного уламра Нао, отправившегося с друзьями добывать огонь для родного племени, ни встречающихся на их пути мстительных рыжих карликов либо угасающих, живущих крохами бывлой мудрости людей-без-плеч из страны вод...

Что ж, Жозефа Рони-старшего мы вспомнили не случайно: речь идет именно о нем — и о его романе «Удивительное путешествие Гертона Айронкестля».

К «доисторическим» этот роман, впрочем, не относится. Жозеф Анри Рони-старший (1856—1940), хотя и известен в наши дни прежде всего своими книгами о первобытных людях, писал не только на эту тему. Младший современник Жюль Верна, за свою долгую жизнь он вместе с братом Жюстеном (с которым иной раз выступал в соавторстве) выпустил свыше ста томов сочинений и славу себе нискал остро социальными романами о современной ему французской действительности... Однако нас сейчас интересует иное направление в его творчестве — по-видимому, мало освещавшееся критикой, а потому не отразившееся в наших энциклопедиях — от «Брокгауза-Ефрона» до «Краткой литературной» и последней «Б. С. Э.».

Дело в том, что Рони-старший писал и фантастику. С этой стороны он почти неизвестен современному советскому читателю: лишь дватри его фантастических произведения переведены на русский язык за последние десять-пятнадцать лет.

Между тем, Е. П. Брандис, ис-

следуя творчество Рони, пришел к выводу, что писатель этот, наряду с Ж. Верном и Г. Уэллсом, — один из предтеч современной фантастики¹.

Звучит как будто бы слишком громко, не так ли? И тем не менее...

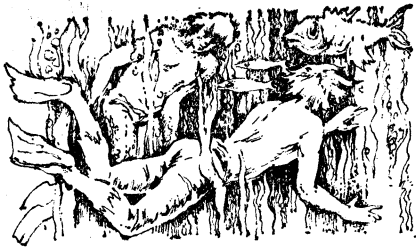
Едва ли не самым первым Ж. Рони ввел в фантастику тему нечеловеческих, неантропидных цивилизаций. Это — не столь малый вклад, как может показаться на первый взгляд. Фантасты прошлого века, отправляя своих героев в космические странствия, на любой иной планете находили заведомо человекоподобных носителей разума, — такой подход к делу был весьма и весьма типичен. Но не забудем: в том же девятнадцатом веке (правда, в самом конце его) закладывал основы современной — куда более широко смотрящей на вещи — фантастики Герберт Уэллс. И в том же девятнадцатом веке утверждал эти основы (притом отчасти — еще до первых романов Уэллса) и Жозеф Рони-старший.

Возьмем раннюю его повесть «Ксипехузы» (1887). Древние земляне становятся здесь свидетелями и жертвами вторжения неких кристаллических структур, пытающихся завоевать нашу планету. Будущему предводителю могущественного союза земных племен удастся рассмотреть «ахиллесову пяту» пришельцев: они — не бессмертны! И землянам, пусть с немалым уроном для себя, удастся-таки отстоять родную планету...

Обратим внимание: мотив противостояния злонамеренным пришельцам возник у Рони за одиннадцать лет до появления классической «Войны миров» Уэллса; в фантастике даже малый этот срок — при особо ревнивом отношении ее читателей к оригинальности идей — оказывается весьма весомым! Кро-

¹ Настоятельно рекомендуем нашим читателям поискать в библиотеках книгу Е. П. Брандиса, в середине прошлого года вышедшую вторым — переработанным и дополненным — изданием: «От Эзопа до Джанни Родари» (М., «Детская литература», 1980, 446 стр., тираж 30 000 экз.). Рассказывая в этой работе о переводных книгах, прочно вошедших в круг чтения детей и юношества, виднейший наш критик-фантастовед сжато и одновременно исчерпывающе характеризует и творческий путь очень многих зарубежных писателей-фантастов — от Жюль Верна до Станислава Лема (в частности же — и Жозефа Рони-старшего). А поскольку работа снабжена алфавитными указателями упомянутых в ней книг и авторов, она приобретает характер поистине неоценимого энциклопедического свода знаний по зарубежной детско-юношеской литературе.

ме того, Уэллс носителями зла делает в своем романе все-таки удивительно земноподобных существ — спрутов, если соотнести их с обитателями нашей планеты. У Рони — иное, значительно более смелое и, кстати, созвучное идеям многих сегодняшних фантастов допущение: мыслящие конусы, призмы, цилиндры... И, наконец, не видя возможности мирного сосуществования с ксипехузами, герой Жозефа Рони, тем не менее, не ожесточился сердцем: когда пришельцы гибнут, он искренне скорбит о печальной судьбе этой иной, чуждой, враждебной, но все-таки — жизни...

По существу, о такой же кристаллической форме жизни — железомангитах — идет речь и в более позднем романе Ж. Рони «Гибель Земли» (1911). Эта иная жизнь появляется на свет как порождение безудержной и бесконтрольной «технологизации» людского бытия, в результате которой исчезло на планете все разнообразие фауны — кроме, разве что, птиц, приобретших зачатки разума и даже научившихся человеческой речи. Чуждая жизнь пока еще не являет собою сформировавшуюся цивилизацию: лишь инстинкты, грозящие вот-вот перерасти в нечто большее, объединяют эти странные фиолетовые образования...

Несомненным новатором выступает Рони в рассказе «Неведомый мир» (1898). Герой рассказа — первый, очевидно, в истории мировой фантастики мутант, — человек с более быстрой, чем у обычных людей, реакцией, с большим объемом зрения (он даже наблюдает вокруг неизвестные нам проявления жизни), с ускоренной речью (окружающие не способны воспринять его «скоороговорку»), с некоторыми другими чисто внешними отклонениями. И он передает эти свои изменения, оказавшиеся генетическими, — по наследству...

В одной из повестей («Нимфея», 1909) Ж. Рони изображает неведомое науке племя, приспособившееся к жизни в водной сфере — едва ли не в большей степени, чем на суше. В другой («Чудесная страна пещер», 1896) рисует еще один — обусловленный исключительными обстоятельствами — вариант возможного развития «гомо сапиенс»: детающего человека...

Собственно, и в «доисторических» его романах мы можем — при желании — обнаружить совершенно фантастические существа. Разве не таковы, к примеру, в его «Борьбе за огонь» (1911) — голубые люди, обитающие в лесных дебрях, — могучие широкогрудые великаны, пока что предпочитающие передвигаться «по старинке»: на четвереньках? Или племя Ва — люди-без-плеч, которые зимой, подобно медведям, впадают иной раз в спячку?

Тех и других кое в чем напоминают и Коренастые из романа о Гертоне Айронкестле, вышедшего вскоре после первой мировой войны. Они неумелы в обращении с огнем, им неизвестно употребление металлов, питаются они полусырым мясом, молодыми побегами и кореньями и, в сущности, еще очень недалеко ушли от приматов. И тем не менее это вполне разумные существа, понадевавшие для себя уйму тайных убежищ и ходов-переходов под поверхностью земли, примитивно, но все-таки уже общающиеся между собой.

Любопытнейший главный герой романа, с несколькими друзьями отправившийся в глубь Африки на поиски неведомой страны, с помощью Гура-Занка благополучно минует территорию злонаправленных Коренастых. И вот уж там-то он попадает в поместные странные леса!

Здесь преобладают голубой и фиолетовый цвета. Среди растительных форм господствуют папоротники и... гигантские мимозы, достигающие высоты крупных деревьев и приобретшие в ходе тысячелетий эволюции совершенно необычайные свойства. Свойства эти заставляют героев романа впрямую говорить об интеллекте мимоз-гигантов: ведь их растительное сообщество словно бы «заэкранировалось» от окружающего мира, представителей которого чудо-мимозы допускают в свои владения лишь в тех пределах, в каких они не вредят дальнейшему их развитию, не нарушают их экологической (переходя, опять же, на современный язык) обособленности. У мимоз нет враждебности по отношению к людям: соблюдая диктуемые сообществом законы и ограничения, те вправе существовать рядом — и действительно здесь существуют. Эти местные «сапиенсы» — странные чешуйчатые люди с

цилиндрообразными головами, усеченными чем-то вроде мшистого конуса, с ртом в форме треугольника и тремя сплюснутыми дырами вместо носа, — прекрасно осведомлены об особенностях «разумных зарослей» и вкупе с ними составляют идеально сбалансированную экосферу... Чем, право, не иллюстрация к новейшему роману о какой-нибудь экзотической сверхдалекой планете?

Но любопытна в романе Рони не только попытка нарисовать сугубо фантастический мир, в котором «верховодят» растения. Привлекают в этой книге и необычайно злободневные по нынешним нашим меркам размышления ее героев о взаимоотношениях человека и природы. Вот послушайте: «Я не могу допустить мысли, чтоб все виды, до австралийских двуутробок и утконосов, могли сохраняться долгие века для того только, чтобы погибнуть от руки человека... А мы истребляли без пощады, без милосердия. Наша цивилизация самая смертоносная, какие только когда-либо появились на земле... Сколько поколений кишущих здесь животных люди истребят или покортят себе еще до исхода двадцатого века?!..»

До чего же неожиданна у старого автора, родившегося как-никак 125 лет назад, и до чего же созвучна нашим временам глубоко гуманная эта горечь по поводу бездумно потребительского отношения ко всему живому, что нас окружает или могло бы окружать! А ведь писатель не знал ни современных мегаполисов с их далеко не целебным воздействием на окружающую среду, ни хищнического отношения гигантских промышленных корпораций к природным богатствам...

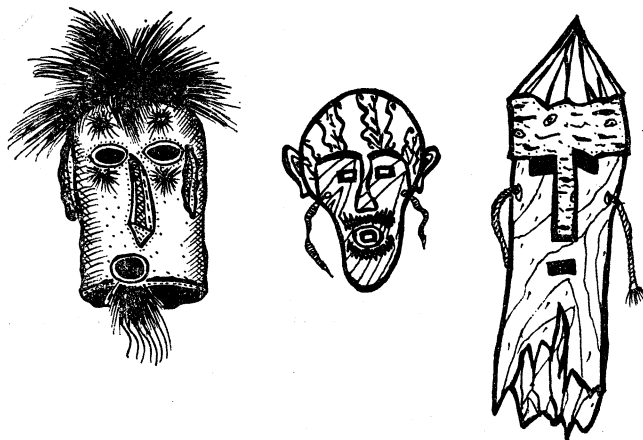
Что ж, Жозеф Рони-старший и в самом деле по праву может быть назван в одном ряду с Жюлем Верном и Гербертом Уэллсом: не только превосходные «доисторические» его повести, но и столь современно звучащую «биологическую» его фантастику рано предавать забвению. У этих книг будет еще немало благодарных читателей.

Виталий БУГРОВ

РИТУАЛЬНЫЕ МАСКИ

Владимир
МАЛЮКОВИЧ

Рисунки автора

● По свидетельству русских поселенцев, проживавших в XIX веке на Аляске, у индейцев племени глинокитов были деревянные головные уборы и маски, которые не пробила пуля. Украшенные резьбой и орнаментом, с пучками перьев, пестрых бус и бисера, раскрашенные оранжевой и алой красками, они и сегодня привлекают внимание посетителей музея Института этнографии Академии наук СССР в Ленинграде, в доме, где Петр Первый основал Кунсткамеру.

Доктор исторических наук, директор Музея этнографии народов СССР Дориан Сергеев, производя раскопки на Чукотке, обнаружил

маску, получившую название «Хозяин Вселенной». Маска изображала округлое лицо скуластого человека с добродушным выражением. Собственно, это не совсем маска, а маскоид, так как на ней искусно вырезаны выпуклые глаза. Возраст маски — две тысячи лет. Так как чучки заселили полуостров значительно позже эскимосов, ученый считает, что эта находка эскимосская.

...Огромная комната заполнена музыкой, гортанным пением. Ритмичный топот ног сливается с глухими ударами нескольких бубнов. От топота прогибается пол, в окнах звенят стекла...

Вдруг раздается громкий стук в дверь. Все испуганно затихают. Дверь открывается, и в дом входят ряженые. На их лицах деревянные маски, а одежда — меховые кухлянки, торбаса, рукавицы — вывернута наизнанку. Это улляу. И маски называются так же — улляу, что в переводе означает «деревянное лицо».

До последнего времени жители берингоморского побережья Камчатки — олюторские и карагинские коряки — на празднике «Морских охотников» применяли подобные маски. На праздниках береговых коряков, а также олюторских оленеводов мас-

ки использовались как ритуальный предмет.

Скрываясь под маской, ряженые разыгрывали пантомимы, изгоняя зловредных существ нинвитов из человека и из жилища, наказывали провинившихся подростков. В старину ряженые отнимали излишки продуктов у богатых и жадных хозяев и раздавали их прямо на празднике беднякам.

У всех северных групп коряков, а также у ительменов на праздниках «Осенней нерпы», «Кита», «Хололо» также были маски, но плетенные из злаков и трав.

Чем объяснить, что у карагинцев, олюторцев — жителей восточного побережья Камчатки — и у эскимосов и алеутов были близкие по форме и назначению маски? Ответ может быть один: контактными связями, преемственностью.

...Маска улляу представляет собой изображение удлиненного лица с грубыми чертами — длинным носом, выпуклым лбом, беззубым ртом и отверстиями для глаз. Изредка просверливались отверстия ноздрей. Обратная сторона выскабливалась, а маска при помощи тесемок привязывалась.

Маски были разной формы и изготовлялись из березы, ольхи, кедра, даже тополя. На вопрос «Кто такой улляу? Откуда он пришел на праздник?» старики давали однотипный ответ: «Подробностей не знаем. Улляу пришел с севера».

В одной из сказок, записанной у морского охотника Э. И. Котлова, а он прекрасно знает фольклор жителей острова Карагинского — морских людей, повествуется, что улляу боролся на берегу бурной реки со зловредным существом нинвитом и победил его. Союзником улляу был медведь.

Ритуальную маску после праздников отвозили далеко от дома в тундру, желательно на берег речушки, озера, и там прятали в зарослях. Считалось, что тот, кто поднимал выброшенную маску, должен утонуть.

В некоторых селах было всего по две или четыре маски, но их никогда не выбрасывали и не изготовляли новых. В селах северной Камчатки маски раскрашивались черной

или синей краской, рисовали брови, усы, бороду. На щеки наносили розовые пятна. Реже красили губы — такие маски были женские.

Жители побережья Олюторского залива называли маску ульуль, что по-корякски значит сивуч, морской лев.

Однажды у старика Се'о, разбирая ритуальные предметы его предков, мне удалось увидеть и зарисовать скальп с головы сивуча.

Невысокого роста, улыбчивый. В селе его считают весельчаком, фантазером. Полное имя — Егор Чечулин, а наследственное имя Се'о. Так его называют редко. Охотник, рыбак, любитель повеселиться, он неутомимый рассказчик.

...Надевали старую кухлянку, а лицо прикрывали скальпом. Если подкрадывались к нерпе, то нерпичьим, к сивучу — сивучьим. Поворачивались боком, подражая движениям морского зверя, приближались к месту лежбища. Мгновенно стреляли из луков, метали гарпуны или поражали из огнестрельного оружия.

Однако не все маски эскимосов и алеутов были аналогичны камчатским. У восточных алеутов их изготавливали из гипса.

Народности Камчатки с большим почтением относились к своим кормильцам — ластоногим животным. Кости их сжигали. Считалось, что их отправляют в потусторонний мир с тем, чтобы на следующий год они снова вернулись в море.

Народные праздники существуют и поныне, появились новые танцы и песни, обряды.

А что стало с маской? Из ритуальной она превратилась в театральную. Корякский ансамбль «Мэнго», прекрасные танцы и песни которого видели и слышали Париж, Нью-Йорк, Улан-Батор, Берлин, Варшава и другие столицы государств, исполняет в масках пантомимы, танцы и мистерии.

На рисунках: 1. Маска оленеводов с реки Тылхой. 2. Маска береговых коряков из села Рекинники. 3. Маска древнекарагинская.

ЛЕВ В... ДОМЕ

Зоя
АФАНАСЬЕВА

Потолок добротного бревенчатого интерьера вытвечен голубым — в тон небесного свода. И по этому фону среди щедро насаженных цветов разгуливают фантастические птицы. Любили украшать дома — потолки, залавки, голбцы — на Урале. Во многих деревнях и селах Среднего Урала зарегистрированы бытовые сцены, баталии, санные поезда. Живописцы откликались и на события современной им жизни: рисовали «железку» — поезда и станции с непривычными для глухой деревни атрибутами железной дороги. На Восточном Урале преобладали в росписях разноцветные птички и петушки. Рисовали их тюменские петушатники — прозвище мастеров явно выдает их сюжетное пристрастие.

Уральские домовые росписи выполняли преимущественно прохожие красильщики или бродячие маляры, или владимирские или костромские богомазы.

Архивные документы помогли установить некоторые имена красильщиков. В Свердловской области это Спиридон Григорьевич Перескоков, Григорий Осипович Коновалов, Иван Павлов. Коновалов замечательно владел кистевой росписью, делал роспись под гризайль, под мрамор, так называемое мазерование. Вятский мастер Иван Васильевич Машков-

цев — автор многочисленных фазанов и попугаев, львов, лошадок и совушек, известных по пантеону северорусских росписей.

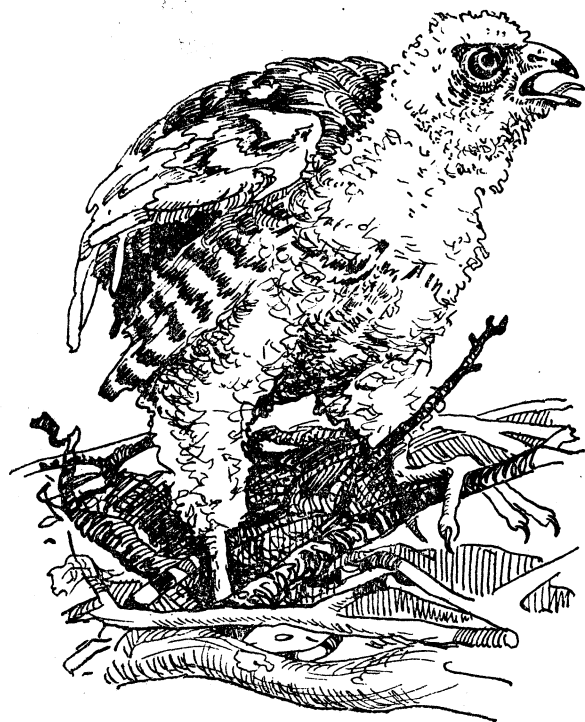
Путь от Костромы или Вятки до уральских заказчиков был долг и нелегок. Красильщики, отправляясь в отход, брали с собой помощника — сына или племянника, чтобы к делу приучался. Работали иногда целыми семьями, как эстафету, передавая навыки, умение, мастерство. И по сей день в посемейных списках вятских селений, извлеченных из архивов, встречаются фамилии уральских живописцев. А на стенах и причелинах, тронутых патинной времени, цветут алые розы и маки, сулит счастье и благополучие дому птица Сириш и встречает гостей дружелюбный, усатый лев, такой ручной, домашний, в общем, как и положено быть зверю в старом крестьянском доме.

ПОСЛЕДНИЙ ПОЕДИНОК

Николай
КРАСИЛЬНИКОВ

Рисунки
Т. Анпилоговой

Багровый шар солнца медленно поднимался над барханами, еще не остывшими за ночь.

Пустыня только на поверхностный взгляд пустыня. Она так же заселена млекопитающими, животными и птицами, как, скажем, леса и горы. Разница лишь в том, что здесь они менее заметны. И это вполне оправдано и обусловлено самой жизнью. Живые организмы тысячами приспособились к климату, к местности, и постепенно приняли ее окраску, «настроили» организмы на сушь, резкие температурные перепады. Вот почему в тех же Каракумах, например, не встречаются яркопестрые птицы или пушной зверь.

Зато пустыню можно хорошо читать, как книгу, на рассвете по ночным следам, оставленным ее исконными обитателями.

Встретятся вам следы и варана — пустынного крокодила, и черепахи, и серых тушканчиков, и песчаного зайца, и длинные полосы — автографы змей, и многое другое...

Интересна книга жизни!

Солнце рассыпало первые лучи. Охотиться лучше всего утром, когда все просыпается, когда еще сравнительно прохладно.

Орлица, оставив гнездо с единственным птенцом, устроенное в саксаульнике, в поисках пищи взмыла в небо.

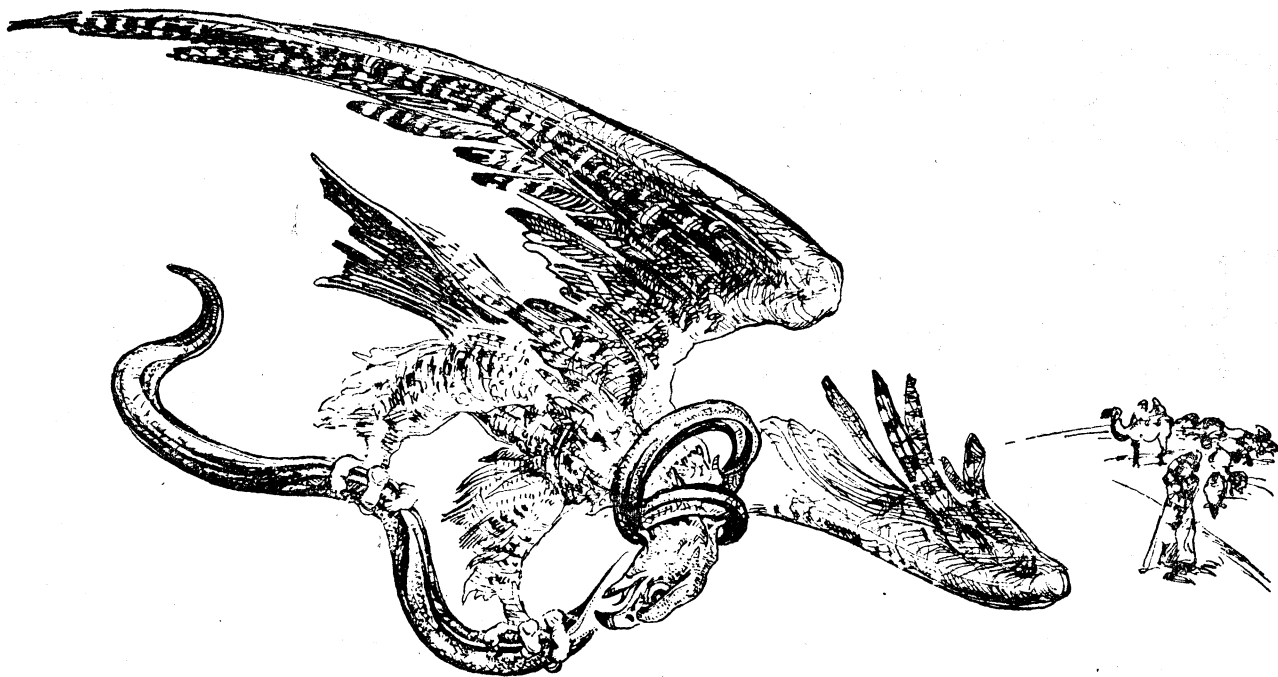
Широки, необъятны ее владения! Вот она уже превратилась в точку, и глубоко внизу пустынные просторы в золотой дымке предстали как на ладони.

Гряда словно шевелящихся барханов уходила далеко-далеко к морю. Мир внизу ликовал, жил, менялся. Но как бы он ни менялся, орлица всегда помнила свое гнездо и, случись что, нашла бы его и за тридевять земель.

Солнце все выше и выше. Снизу птицу не просто увидеть в ослепительном небе. Зато ей все хорошо видеть. Пески, пески... Чахлые кусты. Но что это? Отара. Много-много овец. Двигутся куда-то. Пыль за ними стелется.

Конечно, хорошо бы схватить барашка. Достойная добыча! Но как ее взять? Рядом с отарой человек на верблюде. В стеганом халате, на голове лохматая баранья шапка.

Орлица улетала все дальше и дальше. А вот и редкий саксаульник. Внизу что-то мелькнуло. Меж зарослей короткими прыжками передвигался песчаный заяц. В ту же секунду орлица замерла и сложила крылья.

Косой, инстинктивно прижавшись к земле, слышал только свист падающего тела, но не понимал, кто это и что это. А когда до его сознания дошло, что пришла верная гибель, было уже поздно. Он успел лишь издать пронзительный визг — и тут же был подхвачен цепкими когтями.

Орленок пересохшим клювом глотал знойный воздух и высматривал мать. Хотелось есть. Он издавал звуки, напоминающие «ки-ик, ки-ик!».

Где же мать? Что-то она нынче припозднилась. Солнце уже поднялось над барханами. Печет немилосердно. А ее все нет и нет.

И тут орленок услышал вкрадчивое шипение. Он повернул голову. Прямо перед ним в угрожающей позе покачивалась змея. Орленок, не раздумывая, стегнул ее крылом. Змея отпрянула, но тут же снова перешла в атаку. Каждый ее смертельный бросок инстинктивно отбивал клювом и крыльями.

Борьба затянулась.

Еще издалека орлица материнским нутром почувствовала неладное. На бреющем полете она бросила уже обмякшего зайца и стремительно опустилась в широкое гнездо из толстых прутьев. Загораживая телом свое чадо, ей сразу удалось сбить клювом змею на песок. Но этого орлице показалось мало. Она подхватила извивающуюся змею и стала поднимать-

ся в небо. И это оказалось ее роковой ошибкой. Птица не рассчитала своих сил: змея была изворотливой и сильной. И чем выше орлица поднималась в небо, тем сильнее душила ее шею упругая смертельная спираль.

Старый чабан Турды-ата перегонял овец. Тех самых, что видела орлица каких-то полчаса назад.

Запрокинув голову, он наблюдал за полетом птицы. Она поднималась все выше и выше. И вдруг стала неестественно, как лоскут халата, падать за ближний бархан.

Турды-ата не видел змеи, поэтому подумал, что птица упала за добычей. Но прошло пять, десять минут, а орлица не поднималась. Тогда чабан слез с верблюда (в пустыне просто так ничего не бывает, надо посмотреть) и, оставив отару, забрался на бархан.

— Ийе! — только и вымолвил Турды-ата, заметив на земле безжизненные тела могучей сероватой птицы и полутораметровой змеи.

Ведя верблюда в поводу, чабан увидел гнездо орлицы. А рядом мертвого зайца. Турды-ата перевернул его носком сапога. Откуда он здесь и почему неживой — это для него так и осталось невыясненным...

Старый чабан забрался на спину верблюда и заглянул в гнездо. Лицо его по-детски расплылось в улыбке. Он ловким движением охотника мигом заграбастал птенца обеими руками и отправил в мешок.

— Ай, хорошая птица! Настоящий помощник в охоте будет!

А потом над пустыней долго лилась гортанная песня о бессмертии и отваге...

Впервые над Красной площадью

1 мая 1918 года В. И. Ленин находился на Красной площади Москвы и наблюдал за полетом аэроплана. Это был «Ньюпор-21», который называли еще полуторпедопланом за небольшое нижнее крыло. Он был построен на московском заводе «Дукс» по конструкции одной из французских фирм.

Самолет кружил на высоте 300 мет-

ров, пилотировал его красвоенлет Иван Николаевич Виноградов. Это был первый полет над Красной площадью в первый советский Первомай.

Оператор Э. К. Тиссэ произвел съемку В. И. Ленина на этом празднике для кинохроники, но снятые кадры до сих пор не найдены.

В. СОСЕДОВ

Ножницы

Ножницы известны человеку с III века до нашей эры. В те далекие времена они служили только одной цели — ими стригли овец и коз. Эти овечьи ножницы представляли собой два ножа, соединенных дугообразной пружинящей пластиной. Кстати, подобные ножницы находят применение и по сей день.

В VIII веке какому-то умельцу в восточной части Средиземноморья пришло в голову соединить два ножа не пружиной, а штифтом, вокруг которого эти ножи могли двигаться. Так на свет появились первые шарнирные ножницы, принцип которых используется и поныне. На Руси древнейшие шарнирные ножницы из железа были обнаружены в Гнездовских курганах на Смоленщине, археологи датируют эту находку X веком.

За долгий период своего существования шарнирные ножницы изготавливались из разных металлов — бронзы, стали и даже из позолоченного серебра. Хотя конструкция таких ножниц была и остается без изменений, в разные времена и в разных странах им придавали самые различные формы, виды, по-разному отделявали, для разных целей предназначались они.

В последнее время появились более сложные конструкции ручных ножниц. Так, например, в Японии производятся электрические ножницы, питаемые двумя батарейками, в промышленности используются механические ножницы — роликовые, дисковые, рычажные, а последняя новинка — лазерный аппарат, выполняющий роль ножниц.

В. ВИКТОРОВ

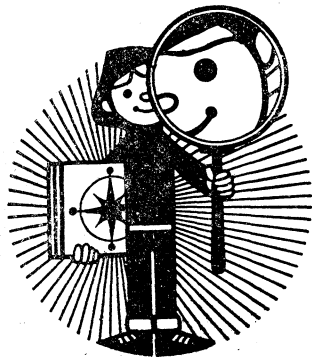
Южная пшеница

Из Колумбии советские селекционеры получили пшеницу жаркой зоны. Первые опыты, проведенные в лаборатории фотосинтеза Всесоюзного института растениеводства в г. Пушкине показали: зерна заокеанского злака обладают высокими вкусовыми качествами. Растение не боится сильных ветров, устойчиво к болезням, дает за лето несколько урожаев.

Исследователи полагают, что уроженка Колумбии хорошо приживется в субтропических районах нашей страны.

МИР

НА ЛАДОНИ

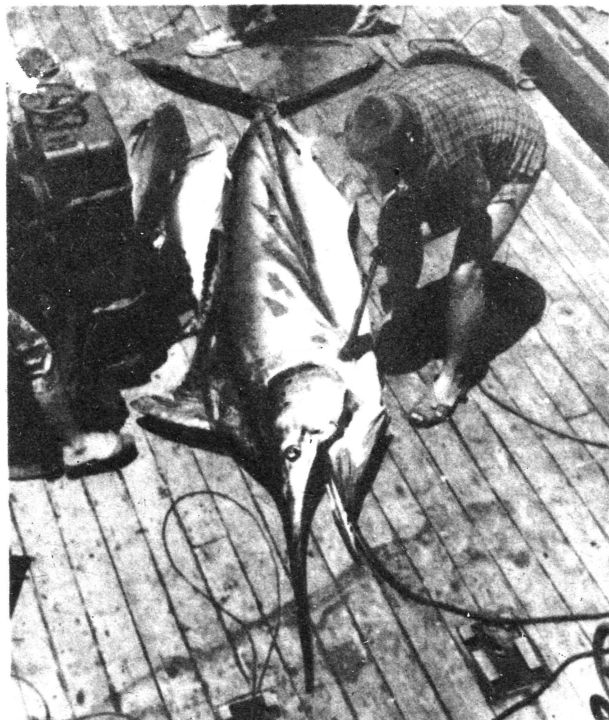
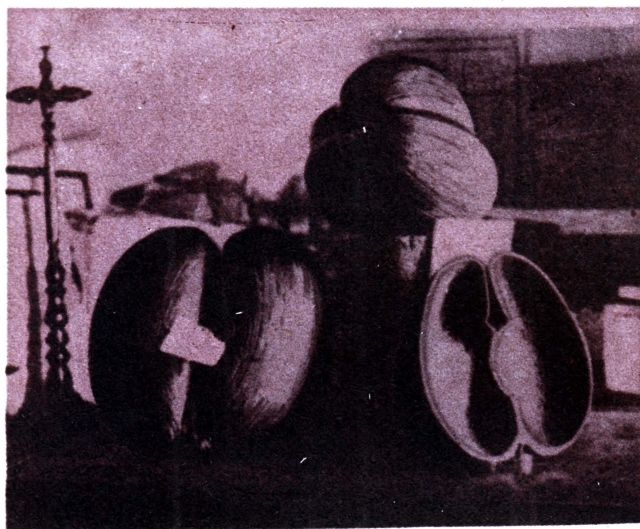
Сейшельские великаны

«В лунную ночь корабль под русским флагом повстречался с огромными шарообразными плодами, кочевавшими в районе Сейшельских островов. Диковины природы были подняты на борт корабля, который их доставил в Петербург». Такое сообщение и объявление о том, что все желающие увидеть самые крупные плоды в мире могут посетить Ботанический музей, было напечатано в газетах Петербурга в конце прошлого столетия.

Известно, что оливково-зеленые плоды сейшельских пальм и в наше время иногда встречаются в море, куда падают с веток огромных деревьев. Они долго держатся на соленой воде, не гниют. Теперь мы знаем, что с момента завязи плодов до полного их созревания проходит 10 лет.

Впервые доставленные в нашу страну плоды весили 25—28 килограммов. Из их крупных косточек, похожих на два спаянных вместе ореха, были изготовлены музыкальные шкатулки.

К. ИВАНОВ

Марлин так Марлин

Эту красивую серебристую рыбу с трудом подняли на палубу советского промыслового судна. Марлин оказался тяжелее того, что поймал рыбак из рассказа Хемингуэя «Старик и море». Он весил более двухсот килограммов.

Часто марлины перекечевывают из Индийского океана в Тихий с косяками тунцов. Они доходят до берегов Японии, до залива Петра Великого.

На с н и м к е: крупный экземпляр выловленного в Тихом океане марлина.

Проект «Галатей»

Как известно, 71 процент поверхности нашей планеты покрыт водой. В последнее время все чаще рождаются различные проекты рационального использования и водной поверхности и морских глубин. В частности, сейчас приобрела известность идея строительства подводных домов и лабораторий. Французские специалисты построили и испытали уже ряд экспериментальных подводных домов. Весь проект назван «Галатеей». Первые дома летом 1978 года были спущены под воду в районе Французской Ривьеры. Цель эксперимента — проверить возможность жизни людей в них. В каждом из таких домов обитало по шесть человек.

Деревья-удушители

Семечко фикуса, занесенное ветром или птицей, попало на ветку высокого дерева.

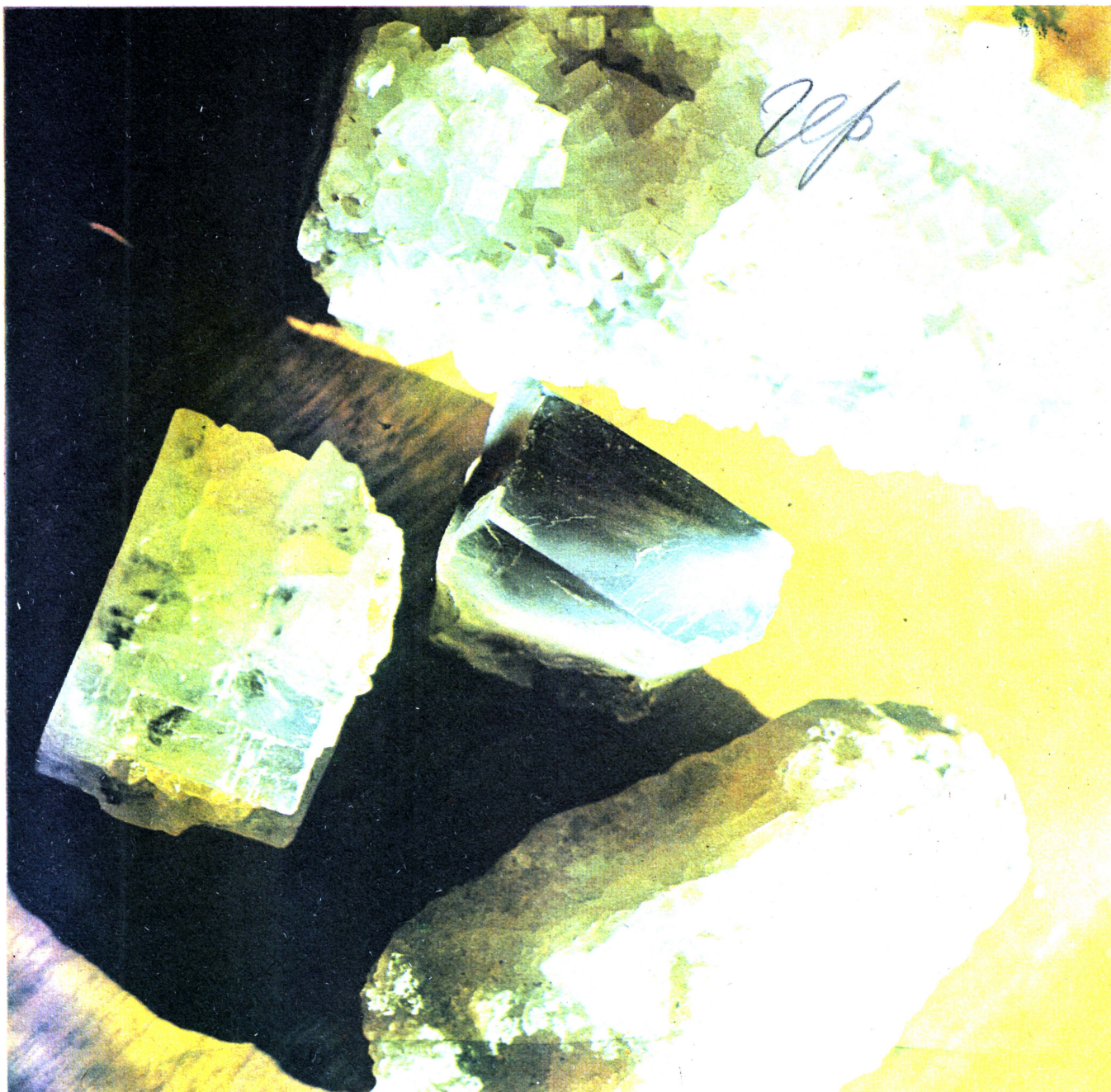
Фигус стал эпифитом — так называют деревья, сдавливающие ствол того растения, на котором они обосновались. Удушитель отнимает свет, почвенную

пищу и влагу у большого дерева с густой кроной, обрекая его на гибель.

Эпифитов, укрепляющихся на стволах и ветках лесных деревьев, — несколько видов. Среди них — тропические фикусы, папоротники, орхидеи.

В. ИВАНОВ

НА ВОДУ ПАЛА — ВСЯ ПРОПАЛА...

О соли много пословиц и поговорок сложено. Вроде бы удивительно, но история добычи и потребления соли знает и контрабанду, и монополии, и пошлины... Русская казна при Петре I продавала соль по двойной цене и получала более полумиллиона рублей дохода в год. Потребление соли и по сей день является одним из мерил цивилизации.

...В немецком городе Штрассфурте соль добывалась с XIII века. В начале девятнадцатого века с глубины пластов вдруг стала извлекаться соль горькая, непригодная в пищу. «Бросовые» соли [термин Менделеева] выкидывались около шахт. Что с ними делать — никто не знал. Не было недостатка и в насмешках, так что больших трудов стоило уговорить правительство продолжить разработку копей.

А в 1861 году появился первый завод, сырьем для которого стали отбросные соли — соли калийные, оказавшиеся драгоценным удобрением, прекрасной питательной подкормкой для картофеля и цитрусов, сахарной свеклы и льна, зерновых и ягодных культур.

Природные запасы калийных и магниевых солей залегают пластами в толщах каменной пищевой соли. Один такой знаменитый на весь мир «бутерброд» создала наша уральская земля — на Соликамском месторождении.

Калийная соль — великая работница. Она не только помогает выращивать урожай. Без нее не обходятся медицина, фотография, пиротехника, химическая, стекольная, кожаная, текстильная, металлургическая и другие отрасли промышленности. Какая же она «бросовая»!..

Фото А. Нагибина